

ДВ 84 (2Рос РУС) 6-4
К 95

Антонина Кухтина

ЖИЛИ-БЫЛИ...

РАССКАЗЫ

(1985-2011 гг.)

ДВ 84(2Рос=Рус)6-4
К95

АНТОНИНА КУХТИНА

Жили-были...

(проза)

(1985 - 2011 годы)

И,Т
№ 5 5 4 2 7 - 1

М/О	Комсомольск н/А ГЦДБ им. М.Борисова
-----	--

**Комсомольск-на-Амуре
2011 год**

Литературные редакторы:
Ионова В. П., Щербакова О. Е.

Рецензент

Хлебников Г. Н.

Компьютерный набор,
составление, оформление и вёрстка **автора**

Сборник издан на средства автора

Антонина Николаевна Кухтина (Бруштунова) родилась 1.12.48 в деревне Каменка Боготольского района Красноярского края. В Комсомольск-на-Амуре приехала в 1971 году после окончания механико-математического факультета Томского Государственного Университета.

Работала ассистентом кафедры высшей математики и теоретической механики, а затем более двадцати лет - программистом ИВЦ КНАПИ (ныне - КНАГТУ). Оттуда и на пенсию ушла.

Антонина Кухтина член общественной писательской организации им. Г. Н. Хлебникова города Комсомольска-на-Амуре.

© Кухтина А. Н. ЖИЛИ-БЫЛИ... (проза)

© Кухтина А. Л. (фотография - обложка)

Замечания о творчестве Антонины Кухтиной

С большим интересом прочитал я рассказы Антонины Кухтиной. Считаю, что они достойны занять своё место в нашей русской литературе, быть изданными и представленными широкому кругу читателей. И здесь мне хочется обратиться к высказыванию о литературном произведении нашего классика Льва Толстого. Нет выше его авторитета!

Он говорит: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трёх сторон:

1) со стороны содержания - насколько важно и нужно для людей то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни;

2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения и

3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, то есть, насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно даёт художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, то есть, вызывает в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник...»

Рассказы «Афганистан» и «Одна жизнь» (быль) отвечают этим строгим требованиям. Оба рассказа открывают новую страничку нашей русской драматической жизни. Это я могу засвидетельствовать, опираясь на

свой опыт общения с русской литературой разных эпох на протяжении восьмидесяти лет. Для меня всё оказалось новым в рассказе «Афганистан», ведь, чего греха таить, в своё время всячески замалчивали правду об афганских событиях. И потому письма офицера - «афганца» помогут читателю узнать трагические стороны этих событий на бытовом, личностном уровне. А такая правда всегда объективна.

То же можно сказать и о рассказе «Одна жизнь». Содержание его потрясает и возвеличивает образ простой русской женщины, вынесшей на плечах своих невероятную тяжесть бытия. Да и продолжающей эту тяжесть нести...

Признаюсь, что впервые читаю такие рассказы, как «Печальные приключения поселкового Пинкертона» и «Особые обстоятельства». Великолепны эти юморески, написанные в стиле аллитерации. Стихи мне такие попадались не раз, но проза - впервые. Написать их может только тот, кто обладает обширным русским словарём и чувством юмора.

И тут надо сказать, что и язык, и форма изложения у автора отвечают требованиям классика. Искренность, вера в то, что он изображает. Особенно, искренность! Она заметна сразу и в рассказах автора, и в его стихах.

9.07.03

«Жизнь надо беречь...»

Эти слова принадлежат прозаику и поэту Антонине Кухтиной. Это её кредо, которым она руководствуется в своём творчестве.

Вот и новые рассказы Кухтиной подтверждение тому. «Вражда», «Улика», «Выбор», «Поцелуй» - все

эти рассказы читаются на одном дыхании и производят глубокое впечатление.

Чем привлекает нас автор? Это и формой, и остротой сюжета, и искренностью. Чувствуется, что события, запечатлённые в рассказах, взяты из жизни, чувства героев близки и понятны автору, вместе с ними она переживает их неудачи, их желание бороться против того, что делает нашу жизнь трудной. Возьмите тот же рассказ «Вражда». Там речь идёт о давней вражде двух семейств, вернее, их стариков, в Гражданскую войну воевавших друг против друга. В нынешние, тяжкие времена мы видим, как произрастают эти семена раздора. А в рассказе «Выбор» речь идёт о почти что ставшем обычным явлении - отказа матери от своего ребёнка. Эта же тема и в рассказе «Поцелуй». Рассказы написаны хорошим языком, профессионально и не требуют редакторской правки. Они возбуждают у читателя желание «беречь жизнь...», то есть, бороться за укрепление высокой духовной нравственности русского народа.

Новые рассказы Антонины Кухтиной облагородят страницы любого издания.

В заключение хочу сказать: в добрый путь, Антонина Кухтина, не лёгок этот путь, но Ваша поступь будет увереннее с каждым новым шагом.

24.05.04

Геннадий Хлебников -

***член Союза Писателей России, Перво-
строитель и Почётный гражданин
г. Комсомольска-на-Амуре***

Братья

(маленькая повесть)

1. ИРИНА

Ирина приехала в город с единственной целью: удачно выйти замуж. Поставив перед собой чёткую, ясно обозначенную цель, она с присущими ей вдохновением и энтузиазмом тут же приступила к её выполнению. В школе, хоть и в сельской, она училась хорошо, предметы давались ей легко, десятилетку закончила без троек. А потому и на курсы секретарш поступила без особого труда (в советские времена такие курсы были бесплатными).

Окончив их, обошла несколько предприятий, выбирая начальника посolidней и поинтересней. Сама она была, что называется, «кровь с молоком», стройная фигурка, симпатичная мордашка, подкупающая своей милой беззащитностью и наивной неиспорченностью. Но, если бы кто-то немного повнимательней всмотрелся в её «голубые озёра», невинно хлопающие умело подкрашенными ресничками, то, к своему великому удивлению, рассмотрел бы в них и порочность, и трезвый расчётливый ум, и умело скрытую наглость, граничащую с беспринципностью, а главное - это стремление добиться своего во что бы то ни стало. Но, милые мужчины, скажите откровенно, кто из вас в первую очередь заглядывает юному созданию в глаза, если всё остальное так восхитительно и прелестно?

Так что, в конце концов, она нашла и работу, и начальника, отвечающего её тайным запросам. Но, абсолютно уверенная, что данная крепость сдастся без

боя, она была неприятно поражена, что этого не случилось немедленно. Оказалось, что начальник искренне любил свою жену Марину и обожал десятилетнего сынишку Даньку. А на ближайших сотрудниц он смотрел только как на коллег. Вот это уж никак не входило в планы Ирины, однако данная неожиданность только, как говорится, подлила масла в огонь. Отступить с поля боя, даже не вступив в этот бой - нет, это было не в характере «беззащитной и наивной девушки». Долго пришлось бы описывать все тайные ухищрения и уловки «милой Ирочки», но ЭТО всё-таки случилось. Нет, не великая любовь и даже не романчик, а пошлый примитивный междусобойчик в кабинете начальника после какого-то обильно отмеченного праздника.

После праздников она пришла на работу, опоздав на полчаса (начинать надо с малого, считала она), и не обращая внимания на собравшихся в приёмной людей, торжествуяще проплыла к кабинету начальника с самым невинным и трогательным выражением лица. Но войти не успела. Начальник сам вышел в приёмную и, увидев злостную нарушительницу трудовой дисциплины, грубо отчитал её, с непонятной ненавистью глядя в её «голубые озёра», и пригрозил, что в дальнейшем он не потерпит такой безалаберности, безответственности и расхлябанности, и при малейшем нарушении дисциплины увольнения ей не избежать.

Да, это был удар ниже пояса! Какая наглость! Какое коварство! И это заявляет мужчина, которого она просто мечтала осчастливить на всю оставшуюся жизнь!

А вокруг глаза, горящие любопытством, злорадством, насмешкой... И ни одного сочувствующего взгляда... Какая чудовищная несправедливость!

Но, от природы лишённая какой-либо романтичности, имеющая холодный расчётливый ум, наша девушка быстро сориентировалась и, оскорблённо опустив свои ясные очи, мышкой проскользнула на рабочее место, показывая всем своим видом, как чудовищно и незаслуженно её обидели.

2. ПОДАРОК СУДЬБЫ

Вселенская скорбь, подчёркнутые послушание и исполнительность длились недолго. Судьба была всё ещё благосклонна к ней и подарила другой шанс.

Однажды, спустя некоторое время, она без приглашения вошла в кабинет начальника и, подчёркнуто скромно опустив глазки, почти шёпотом сообщила, что она... беременна и просто не знает, что ей делать, но ребёнка она убивать не собирается, это против её моральных устоев. А вот он, как порядочный и честный человек, просто обязан теперь развестись с женой и жениться на ней. Иначе она наложит на себя руки, но предварительно пойдёт и всё расскажет его жене. Вариант был, по её мнению, почти беспроектный, но, видимо, всё-таки она ещё мало знала мужчин. Немного опомнившись, начальник постарался успокоить её, заявив, что он никогда не оставит своего ребёнка и, конечно же, будет ему всячески помогать. Это было не совсем то, на что рассчитывала будущая мама, но она не отчаялась, считая, что всё ещё в её руках и своего она всё-таки добьётся.

А начальник поступил совсем уж непредсказуемо. Видимо, он действительно очень любил свою Марину, а ещё был уверен в ней даже больше, чем в себе. В тот же вечер он всё рассказал жене, во всём винил

только себя, искренне просил прощения, а повинную голову, как говорится, и меч не сечёт. Видимо, он знал, что делал. Вот уж чего не ожидала Ирина, так это того, что в итоге он получил надёжного и преданного союзника в лице собственной жены.

Ни угрозы самоубийства, ни жалобы в вышестоящие организации, ни другие изощрённые пакости, которые только может придумать разъярённая и оскорблённая в своих самых лучших чувствах женщина - ничто не смогло сдвинуть его с раз и навсегда занятой позиции:

- От ребёнка не отказываюсь, помогать буду, но жениться не могу, я уже женат и люблю только свою жену, - таков был его ответ на все слёзы, мольбы, угрозы, требования и открытый шантаж.

Это было очень тяжёлое для всех троих время. Ирина не собиралась уступать, как она считала, своего, и в ход шло всё: оскорбления, клевета, громкие безобразные скандалы и даже попытка устроить драку с Мариной в их дворе при большом скоплении народа. Но тут Ирина допустила грубую тактическую ошибку: при сём действе присутствовал Данька. Это переполнило чашу терпения его отца. О чём он разговаривал после этого с любвеобильной секретаршей, осталось неизвестным, но она как-то на удивление присмирела и в положенный срок родила здорового крепкого мальчонку. А назвала его... Данькой. Это была её последняя маленькая месть. Отец дал ребёнку свою фамилию и стал помогать финансово. К тому времени его, благодаря опять же Ирине, понизили в должности, и суммы оказались совсем не такими, как хотелось бы ей. А хотела она и добивалась совсем другого.

Спустя два месяца после рождения не очень-то и нужного ей сына, она окончательно поняла, что заполучить его папашу уже не получится, а найти нового, более сговорчивого, начальника с таким довеском будет сложно. И тогда она заявила с ребёнком к несостоявшейся свекрови и, высказала ей всё, что она думает и лично о ней, и о наглom бессовестном её сыне, и об этом выродке, который ей, Ирине, совсем не нужен в будущей жизни. А, значит, забирайте его и делайте с ним, что хотите.

Обескураженная бабушка всё-таки сообразила потребовать письменный отказ от ребёнка, который тут же и был написан с соответствующими комментариями. И... с этого момента Ирина навсегда исчезла и из жизни сына, и из нашего повествования тоже.

3. БАБУШКА

И тут Марина проявила свой характер. Она внешне спокойно, но решительно отказалась принимать новоявленного сына в свою семью:

- Помогать - помогай, но видеть его не хочу, не могу и не буду.

И ребёнок остался у бабушки. Бывшая учительница всей душой привязалась к маленькому Данечке. Спокойный, улыбчивый, сообразительный малыш стал главной заботой и смыслом её жизни. Очень огорчало только то, что старшего Данечку, тоже любимого и желанного, она теперь почти не видела. Раз в месяц приходил её сын, общался с ребёнком, потом оставлял деньги и уходил.

Но когда Данечке исполнилось два года, с бабушкой случился инсульт, её увезли в больницу. Марина была неумолима:

- У меня уже есть Данька и другого мне просто не надо.

С трудом восстановленное семейное счастье муж не хотел разрушать, и Данька оказался в... детдоме. Отец исправно платил алименты, но от общения с ребёнком категорически отказался. Ему предложили написать согласие на усыновление приёмными родителями, если появится такая возможность, и он с облегчением согласился.

Бабушка, выйдя из больницы, несколько раз приходила проведать внука, но забрать его назад уже не позволяло здоровье, да и сын был против. Став старше, ребёнок не раз вспоминал, как к нему приходила бабушка, приносила игрушки, фрукты, гладила его по голове и почему-то плакала.

4. СЕМЬЯ

Когда мальчику исполнилось четыре года, у него наконец-то появились папа и мама.

- Ты мне сразу понравился, такой серьёзный и самостоятельный. А ещё мне очень понравились твои бровки - красивые, как нарисованные, - рассказывала позже мама Таня.

Немногословный отец целыми днями пропадал на работе, часто ездил в командировки. Он был настоящим трудоголиком, и воспитанием сына занималась, в основном, мать. Эта сорокалетняя женщина, долго и безуспешно мечтавшая о собственных детях, сразу и навсегда приняла его как свою кровиночку, всю

душу и все свои педагогические способности вкладывала в ребёнка. Да-да, мама Таня, как и родная бабушка Даньки, была учителем.

Характер у мальчика оказался довольно сложным. Видно было, что он и сам тяжело переживал свои необъяснимые вспышки агрессии и своё упрямство, но попросить прощения, повиниться - никогда. Он замыкался, прятался в свою комнату и словно замирал там. Спустя какое-то время, выходил насупленный и несчастный, но независимый и неприступный. Поглядывая исподлобья на родителей, начинал усиленно ухаживать за собакой, наливал чистой воды, расчёсывал шелковистую шерсть, что-то тихонько бормотал-рассказывал ей на ухо. И вот тут матери требовались огромные такт и понимание, чтобы как-то сгладить размолвку и в то же время ненавязчиво дать понять, что такое его поведение обижает и расстраивает их, ведь они его очень любят, но всё равно он самый лучший, и когда-нибудь сам поймёт, что был неправ.

В детдоме, даже в таком маленьком возрасте, он уже был признанным лидером, при этом всегда защищал и опекал младших и более слабых. Крупный, подвижный, крепко сбитый мальчуган органически не выносил обид и имел своё чёткое мнение о справедливости. Невзирая на возраст и силу противника, он рьяно бросался на действительных, а то и мнимых обидчиков. За это, конечно, ему часто попадало, но дети его любили - это признавали все воспитатели и за это ему многое прощалось.

Особенно он был привязан к своему ровеснику, маленькому, худенькому, белобрысому Витальке. Когда будущие мама и папа только забирали Даньку на выходные, то он без конца рассказывал им о своём друж-

ке, о том, что тот любит, во что они играют, как защищают друг друга. И после того, как Даньку забрали навсегда, он всё время вспоминал о Витальке, а где-то через месяц стал рассказывать всем, как они играли бы здесь, а вот здесь Виталька мог бы сидеть за столом, и спать они могли бы вместе на Данькином диване, вон он какой большой. А то начинал рассказывать, какой Виталька добрый и послушный, даже из угла не выходит, пока не разрешат. Надо сказать, что сам Данька в углу просто не стоял, он уходил, убегал, уползал, прятался, и, в конце концов, взрослым пришлось с этим смириться, а для воспитания применять другие меры.

Переговорив между собой, однажды в выходные родители вместе с Данькой поехали в детдом посмотреть на этого, просто удивительного ребёнка. Но там их разочаровали, а, может, и обрадовали. Оказалось, что мальчика готовят к усыновлению, и сейчас он как раз находится в гостях у будущих родителей. Четырёхлетний Данька очень внимательно выслушал эту новость, немного подумал и деловито спросил:

- Значит, у Витальки тоже будут папа и мама?
- Да, конечно.
- И у него будет своя комната?
- Ну, разумеется.
- И ему будут просто так покупать торт?
- Да.

После этого зашли в группу. Дети бросились к нему, рассказывая новости, радуясь и ощупывая его, как какую-то диковинку. А он стоял непривычно молчаливый, даже растерянный, не отвечая на вопросы, потом резко повернулся к матери:

- Мама, пойдём домой!

Больше он про Витальку никогда не вспоминал и ничего не говорил. А когда рассказывал какую-нибудь историю, случившуюся когда-то в детдоме, то почему-то начинал всегда так:

- А когда я жил в Африке, то...

Почему в Африке, он так и не мог объяснить.

Вместе с отцом и матерью появились у него две бабушки и дедушка. К мальчику они относились хорошо, и Данька охотно ходил к ним в гости, очень серьёзно беседовал на различные темы, но... никто и никогда не мог его уговорить остаться переночевать. Иногда после дня рождения или другого семейного торжества можно было бы всей семьёй остаться у той или другой бабушки, чтобы не ехать через весь город. Но при первом же намёке ребёнок устраивал настоящую истерику.

- Я хочу домой! Я хочу домой! - выводил он на одной ноте, захлёбываясь слезами.

Однажды, когда Даньке было уже лет восемь, отец уехал в командировку, а мать сильно припозднилась на работе. Домой почти бежала, зная, что сын очень не любит быть один, да ещё так поздно. Вбежав во двор, она увидела, что все окна квартиры тёмные и только, похоже, из коридора пробивалась узкая полоска света. Открыв дверь, она увидела Даньку, сидящего на полу под дверью с лицом, залитым слезами.

- Сынок, что случилось?

- Я думал, что ты уже никогда не придёшь...

- Да куда ж я денусь? Ты ведь знаешь, что я никогда не оставлю тебя!

-А я думал... - всё повторял он, хлюпая носом и крепко-крепко прижимаясь к ней.

Вскоре после усыновления обнаружилась настоящая беда. Когда Данька сильно нервничал, то вдруг

начинал... задыхаться. Хотя в детдоме ни словом не обмолвились об этом. После тщательного обследования диагноз был неутешительный: у ребёнка астма.

Мама ездила с ним на курорты, возила в санатории, но никогда он не соглашался ехать куда-нибудь один. Однажды, когда ему было уже лет одиннадцать, на летние каникулы устроили его в военно-спортивный лагерь, куда попасть было довольно сложно. Астма уже давно не давала о себе знать, и мама Таня тихо надеялась, что с диагнозом всё-таки немного ошиблись. Данька рос крепким, физически развитым ребёнком, вот и решили родители, что пора уже ему привыкать к самостоятельности, да и сидеть всё лето в городе - радости мало. Данька на удивление быстро согласился, сам готовил вещи и собирал рюкзак. Но дня через три после отъезда он позвонил из лагеря:

- Заберите меня отсюда!
- Что случилось?
- Ничего, но я хочу домой.
- Тебя что обижают там?
- Нет.
- Ты с кем-нибудь подрался?
- Нет.
- Вас плохо кормят?
- Нет.

Так и не добившись вразумительного ответа, встревоженная мать тут же поехала в лагерь. Руководители лагеря очень удивились. Они уже приметили спокойного рассудительного мальчугана, к которому сразу потянулись младшие ребята. Никаких внешних конфликтов, ничего хотя бы мало-мальского не случилось, и его решение немедленно уехать повергло в шок и взрослых, и детей. Чем больше его уговаривали, тем

настойчивее был он, ничего не объясняя. Видя уже настоящую панику в глазах сына, мать сказала коротко:

- Собирайся, уезжаем.

И тут оказалось, что свои вещи он толком и не распаковывал. Ни тогда, ни потом он так и не смог объяснить, что же произошло. Только один раз у него вырвалось:

- Да пойми же ты, мама, никто меня не обижал. Там всё было хорошо, но там, как... как.. в Африке.

Пока Данька рос, сколько пришлось пережить его маме, знает только она. И взрывной импульсивный характер сына, и необъяснимые вспышки агрессии, и больницы, и лекарства. А главное, непонимание окружающих людей, призванных заботиться о детях и воспитывать их.

Детский сад, школа...

Как только узнавали, что ребёнок из детдома (родители этого не скрывали, да и сам Данька иногда рассказывал случаи из жизни «в Африке») тут же делали большие глаза и слово «детдомовец» прилипало как короста. Все остальные поступки и действия ребёнка рассматривались уже с единственной точки зрения: «детдомовец». Не давая себе труда справедливо разобраться в конкретных ситуациях, его тут же обвиняли во всех существующих и несуществующих грехах. Сколько ходила мать на встречи с возмущёнными и обиженными, сколько доказывала, объясняла. Но даже, когда выяснялось, что в каком-то конкретном случае виноват совсем не Данька (а такое было частенько), никто ни разу не извинился и даже не смутился, а в оправдание звучала почти стандартная фраза:

- Всё равно это же детдомовец! Он вам ещё покажет! Вы с ним ещё наплачетесь!

Если описывать все такие моменты, то, наверное, не хватит книги. Приходилось и школы менять, и на комиссиях краснеть. Но, к сожалению, в начальной школе ему не везло на учителей. Всё попадались такие, для которых слово «детдомовец» было намного важнее маленького живого человечка. Учился он на троечки, да и двойки частенько проскакивали, и, честно говоря, ходил в школу с большой неохотой. Но Даньке очень повезло с мамой Таней, хватило у неё и такта и терпения, а главное, любви, но не слепой, а мудрой, материнской.

И только в пятом классе, когда оценка его способностей уже зависела не от одного-единственного мнения человека, наперёд уверенного в его неисправимости, а от мнения, хоть и маленького, но коллектива учителей, Данька вдруг стал приносить домой четвёрки и пятёрки и в школу стал ходить с видимым удовольствием.

Постепенно характер мальчика менялся, он выросл рядом с умницей мамой, многие вещи уже оценивал совсем по-другому, стал более сдержанным, рассудительным, внимательным и заботливым. Он никогда не был затворником, однако с дворовыми компаниями сильно не общался, хотя там-то его детдомовское прошлое как раз было в почёте. Но ровесники его уважали и за собственное мнение, и за самостоятельность, и за обострённое чувство справедливости. А уж младшие в нём души не чаяли. Он для них был и старшим другом и воспитателем, и судьёй, справедливым и неподкупным. Сколько раз в одиночку, а то и целыми компаниями, малышня звонила в дверь:

- Позовите, пожалуйста, Даню.

Потом что-то горячо объясняли ему, звали куда-то, и он никогда не отказывал, одевался, шёл с ними,

№ 5 5 4 2 7 - 1

17

что-то выяснял, что-то объяснял. В итоге все оставались довольны.

Данька очень любил что-нибудь делать своими руками: починить табуретку, вбить гвоздь, что-то склеить. Причём, делал всё очень тщательно и с удовольствием. Он замечательно рисовал, а вылепленные им зверюшки выглядели как живые. Сам записался в изостудию и с удовольствием туда ходил. Вот там-то педагоги сразу заметили его способности, всегда хвалили, приводили в пример другим студийцам, а родителям говорили, что у него не просто хорошие способности, а настоящий талант. Наконец-то его оценили по справедливости, и он, хоть и скрывал, но очень этим дорожил и гордился.

5. ЭХО ПРОШЛОГО

Первое время после усыновления родители, а особенно мать, боялись, что биологические родственники могут каким-то образом напомнить о себе и доставить много неприятностей. Город-то не очень большой, население чуть больше ста тысяч. Но никогда и никто не дал о себе знать. Действительно ли о нём тут же забыли или всё-таки помнили, но просто не хотели ломать ребёнку жизнь - неизвестно.

...Когда Даньке было лет восемь, однажды он пришёл довольно поздно из школы домой. Пришёл непривычно хмурый и молчаливый. Мама, уже всех обзвонившая и обегавшая все окрестные дворы, стала его упрекать:

- Данечка, что случилось? Даже школа давно закрыта, а тебя всё нет и нет. Ну, нельзя же так. Где ты был?

Сын молчал, исподлобья поглядывая на мать, словно что-то решая для себя. Он явно был чем-то сильно расстроен, но упорно молчал. И только перед сном как бы нехотя ответил на непрекращающиеся расспросы:

- Я в библиотеку ходил.

- В школьную, что ли?

- Нет, в городскую.

- Зачем?

- Я думал, что там можно узнать про родителей.

- А что ты хотел узнать про нас?

- Про вас я всё знаю, я хотел узнать про тех, других родителей. Я думал, а вдруг они меня потеряли и теперь никак не могут найти.

- Узнал?

- Нет. Тётенька библиотекарша сказала мне, что, если бы они хотели найти меня, то нашли бы сразу. Они ведь знали, в какой детдом меня отдали. А в детдоме всё знают и про меня, и про вас, и адрес наш тоже.

- Она сказала правильно.

- А ещё она сказала, что раз вы меня любите, значит, теперь вы и есть настоящие родители, и что мне очень повезло.

Он немного помолчал, а потом тихо спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

- Значит, я им совсем не нужен, да?

- Данечка, милый, родной, да ты нам нужен, нам!

А если б ты был нужен ещё и им, то что, нам пришлось бы между собой драться за тебя, что ли?

Такое предположение неожиданно рассмешило мальчика, и он стал в лицах изображать, как бы это происходило. Причём, тем родителям в этих сценках доставалось намного больше тычков и тумачков.

Видимо, в библиотеке с ним провели хорошую объяснительную работу, так что больше он к этому вопросу никогда не возвращался. Спасибо вам, незнакомые мудрые люди!

6. А ВРЕМЯ БЕЖИТ...

Быстро бежит время... И вот уже Даньке исполнилось пятнадцать лет. Теперь это высокий симпатичный, спортивно сложенный паренёк. Звонкий мальчишеский голос его превратился в приятный мужской баритон, а над верхней губой пробивались чёрные усики. Они придавали ему несколько легкомысленный, но очень симпатичный вид. В дом зачастили девочки. Они звонили по телефону и в дверь:

- А Даню можно?
- Ой, Данечка, помоги по математике.
- Дань, а я тебе диски принесла.

Сын с видимым удовольствием помогал всем, охотно объяснял решения задач, давал советы, просто общался, слушал с ними современную музыку, показывал свои рисунки, от которых девочки приходили в неописуемый восторг. Но на дальнейшие провокации, как казалось маме Тане, и на что она очень надеялась, не поддавался. По мере возможности она, конечно, как могла, просвещала сына, но душа всё равно болела. Однажды, когда она как бы ненароком опять завела очередной предупреждающий разговор, сын мягко, но твёрдо оборвал её:

- Мамочка, не надо! Я же не обезьян там какой-то. Ты всегда сама говоришь, что я взрослый и самостоятельный человек, так что думать уже немного научился.

7. АВАРИЯ

... Как-то в вечерних новостях прошла информация о том, что за городом произошла большая авария, в ней погибли двое мужчин: отец с сыном. Городок небольшой и уже на следующий день все только и говорили об этом происшествии, охали, ахали, пересказывали подробности.

Дня через три Данька со своим лучшим другом Лёшей шли на спортивную секцию, весело болтая о каких-то пустяках. И вдруг из ближайшего двора послышалась похоронная музыка, а на выезде со двора они увидели стоящий катафалк.

- Это, наверное, те, что разбились. Мать говорила, что они где-то здесь живут... жили, - сказал Лёша.

- Давай посмотрим, - предложил Данька.

Они прошли во двор и остановились недалеко от катафалка. Печально звучала музыка. От одного из подъездов медленно двигалась скорбная вереница людей. И тут Лёшка испуганно толкнул его в бок:

- Смотри-и... Это же ты!

Похоронная процессия медленно приближалась к ним. Два гроба плыли над толпой. Слышался отчаянный женский плач. Многие, шедшие в процессии, тоже не скрывали слёз. Перед гробами несли множество цветов, венков и два больших портрета. На одном был незнакомый пожилой мужчина, а на другом Данька с изумлением увидел... себя. Эти глаза, нос, губы, даже причёску и усики он видел каждый день, когда стоял перед зеркалом. Присмотревшись повнимательней, он всё-таки понял, что тот, на фотографии, выглядит немножко постарше, и усики у него погуще, но сходство было по-

разительное. Люди в процессии тоже заметили Даньку. Кто-то тихо ахнул, кто-то сдавленно вскрикнул:

- Данька-а!

Проходя мимо мальчишек, люди растерянно перешёптывались и оглядывались на них с каким-то суеврным ужасом...

Данька не пошёл на секцию. Ком подкатывал к горлу, слёзы застилали глаза, а он, не зная, как объяснить только что происшедшее, всё бродил и бродил по улицам, пытаясь хоть что-то понять. Верный Лёшка молча шёл рядом. И вдруг он сказал:

- А знаешь, у нас ведь есть газета, я видел, там напечатан этот, как его, некролог и соболезнования. Там и фамилии есть.

Данька непонимающе посмотрел на него, но потом лицо его просветлело:

- Бежим!

« ...Скворцов Иван Михайлович и Скворцов Даниил Иванович...» - читал и перечитывал Данька. Вечером он как бы мимоходом спросил у матери:

- Мам, а какая фамилия у меня была раньше?

Мать удивилась:

- Странно, ты никогда меня об этом не спрашивал. А зачем тебе?

- Я просто хочу знать.

- Скворцов Даниил Иванович, - медленно сказала мать, с тревогой глядя на сына. Но Данька быстро отвёл глаза и ушёл в свою комнату. К этому разговору он больше не возвращался, Лёша тоже молчал. Ещё там, на улице, Данька попросил его никому не рассказывать о происшедшем, и верный друг сдержал обещание.

8. СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА

Впервые он увидел эту женщину месяца через два после похорон, когда возвращался из школы. Проходя по своему двору, он вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Резко обернувшись, увидел её сидящей на лавочке под детским грибком в чёрном траурном одеянии и рассматривающей его пристально-напряжённым взглядом. На залитом солнцем дворе в окружении весело галдящей детворы она выглядела довольно странно и даже нелепо. Оглядываясь на неё, Данька медленно вошёл в подъезд. Когда он выглянул во двор из окна, женщины на лавочке уже не было. Но с тех пор хотя бы раз в два-три месяца он встречал эту женщину. Выходя из школы, из магазина или из собственного подъезда, он вдруг натыкался на уже знакомый пристальный взгляд.

Менялись одежда, времена года, а молчаливая женщина с печальными глазами опять и опять появлялась на его пути. Она не подходила к нему, ничего не говорила, а только смотрела на него, просто смотрела...

Матери об этих встречах Данька не рассказывал - не хотел зря волновать. Но если этой женщины долго не было, то он уже начинал испытывать какой-то дискомфорт и беспричинное волнение, а увидев опять знакомые печальные глаза, облегчённо вздыхал.

Данька окончил школу на четвёрки и пятёрки и довольно легко поступил в пединститут. Он по-прежнему замечательно рисовал, лепил, но преподавать собирался математику. Учился он в другом городе, но, приезжая домой на каникулы, в первые же дни обязательно встречал ту женщину. Они по-прежнему не общались, не здоровались, но встретившись, внима-

тельно вглядывались в лица друг в друга, одновременно желая и боясь выяснить что-то.

Получив диплом, новоиспечённый педагог пришёл в свою школу уже молодым специалистом. Он очень серьёзно и ответственно относился к своим обязанностям и стремился к тому, чтобы многое из его очень-то весёлой школьной жизни никогда не повторилось в судьбах других мальчишек и девчонок. Дети чувствовали это и искренне любили его, доверяя многие свои секреты и проблемы.

А через два года в школе появился ещё один новый специалист, учительница химии Екатерина Дмитриевна... Катенька... Катюша...

...Весело смеясь и дурашливо переталкиваясь, Данька с Катюшей вошли во двор, и он сразу увидел «ту женщину». Она сидела на лавочке и, не отрываясь, смотрела на дверь их подъезда. Услышав смех, она оглянулась, и их взгляды встретились. И вдруг, словно что-то толкнуло Даньку. Он взял Катю за руку и быстрым шагом направился к лавочке. Лицо женщины напряглось, и она медленно встала.

- Здравствуйте! - не давая опомниться ни себе, ни ей, быстро сказал он, - познакомьтесь, это Катя! - и выжидающе посмотрел на растерянную женщину, не зная, что делать дальше. Наступило неловкое молчание. Потом женщина, словно опомнившись, тихо, как будто нехотя произнесла:

- А я... тётя Марина.

И опять наступило молчание. Катя недоумённо переводила взгляд с одного на другого, а женщина не сводила глаз с Даньки, словно стараясь запомнить каждую чёрточку его загорелого юношеского лица. Потом вздрогнула и виновато произнесла:

- Ты очень похож на него.

И тут ничего не понимающая Катя решила взять инициативу в свои руки:

- Знаете, тётя Марина, мы сегодня подали заявление в загс. Приходите на свадьбу!

Данька, уже немного пожалевший о своём неожиданном порыве, благодарно посмотрел на невесту и обратился к женщине:

- Да, конечно! Обязательно приходите!

- А твоя мама не будет против?

- Ни за что! У меня самая лучшая мама на свете и папа тоже...

9. ОКОНЧАНИЕ

... Забирать из роддома Катюшу с маленькой Лесей заявили большой дружной компанией: восторженно-счастливый отец, и не менее счастливые новоиспечённые два дедушки и три бабушки...

31.05.10

РАССКАЗЫ

Поцелуй

По деревне поползли слухи, пересуды... Бабы перешёптывались, удивлённо охали, всплёскивали руками:

- Да ты что-о! А я тоже гляжу, гляжу: чтой-то не то!

И почти всегда следующим был вопрос-восклицание:

- Да и кто ж ето позарился на неё?

Новость была действительно сногшибательная:

- Манька-то, бобылка, кажись, в тягости! А ты приглядиись, приглядиись получше-то!

И следующий за этим вопрос тоже был вполне резонным. После такой страшной войны мужиков в деревне как повыкосило. Раз-два и обчёлся... Были, конечно, ещё немощные старики, да безусые мальцы. Но их деревенские бабы в своих пересудах отмели напрочь. Слишком уж не вязалось такое предположение с Манькой. Эта, более чем сорокалетняя баба, всю жизнь прожила одна в неприглядной, покосившейся хатёнке. Жила не по-деревенски уединённо, замкнуто, с другими бабами языки не чесала, в гости, даже, если очень приглашали, не ходила, да и к себе никого не звала. Её гренадёрскому росту и силе завидовали даже мужики. Она спокойно могла взять два полных мешка под мышки и, не очень напрягаясь, унести их, куда надо. В тяжёлые военные, да и послевоенные годы именно на таких

молчаливых, безотказных в работе бабах и держались тогдашние колхозы. В свою личную жизнь она никого не пускала, и что было у неё на душе, никто даже не догадывался...

И вдруг такая новость! Но на окольные и прямолинейные вопросы деревенских кумушек Манька только диковато поводила глазами и презрительно хмыкала. Бабы уже беззастенчиво и назойливо ощупывали взглядами ее огромную, «поплывшую» фигуру, но ничего, кроме догадок, подозрений, предположений, так и не выявилось. Мужиков, шастающих к Маньке по ночам, никто не видел. А сама она упорно молчала и лишь презрительно кривила губы, когда её уж слишком назойливо донимали вопросами. Она по-прежнему косила, пилила, рубила, таскала многопудовые мешки, вершила стога, - в общем, делала самую тяжёлую мужицкую работу и... молчала. Постепенно её излишки фигуры как-то незаметно «рассосались», и бабы приумолкли, недоумённо пожимая плечами: надо же так опростоволоситься...

Но, когда Манька-бобылка опять вдруг «поплыла», бабы не на шутку всполошились и призадумались. На свете они жили не первый день и уж в этих-то делах разбирались. Особенно озаботилась бабка Липка, ещё одна, можно сказать, достопримечательность деревни. Была она здесь, наверное, самой старшей и сама толком не знала, сколько же ей лет. Однако в остальном умела ясный, язык острый, но справедливый. Все деревенские бабы в случае необходимости шли к бабке Липке. Она и от сглаза пошепчет, и совет мудрый даст, и просто душевно откликнется на любую чужую беду. Овдовела бабка Липка ещё в начале века, её дети, да и внуки давно выросли и разлетелись, кто куда. Два

старших сына погибли на Гражданской. Её тоже едва не расстреляли колчаковцы, но Бог миловал. В общем, хватило бабке лиха. Но жизнь её не озлобила, а, наоборот, словно высветила самые чистые и мудрые качества женской души. Жила она одиноко, двор в двор с Манькой-бобылкой, которой доводилась даже какой-то дальней родственницей. Всё это просто обязывало бабку Липку выяснить, в чём же там дело...

И вот однажды, когда в неурочный час Манька вдруг стала топить баню, бабка Липка насторожилась. Юркая старушонка терпеливо дождалась, пока Манька вытопила баньку, а затем, почему-то полусогнувшись, прошла в неё с узелком в руках.

Подождав немного, бабка Липка метнулась к окошечку. Внутри было темно, только маленький огонёк теплился где-то в глубине. Сколько ни вглядывалась она, но ничего не увидела. И вдруг ей почудилось, что кто-то стонет. Прислушалась.. Да, действительно, из баньки явственно доносились глухие стоны. Бабка бросилась к двери, но та была заперта. Запертая дверь для деревни небывалое дело, и тут уж бабка больше не мешкала. Откуда только взялись силы, она вырвала хлипенький крючок и распахнула дверь...

Голая Манька лежала на полу, кусая губы и постанывая, а между ног у неё копошилось что-то окровавленное, маленькое, беспомощное...

- У-уйди! Христом Богом прошу, у-уйди! - каким-то утробным звериным голосом закричала Манька. - Если хочешь жить, уйди! И забудь! Слышишь, подлая старушонка, забудь!

Но бабка Липка словно окаменела, она уже всё поняла и лихорадочно придумывала, как, как убедить эту неразумную бабу не брать такой тяжёлый грех на

душу. После, бабка Липка никак не могла понять, почему она говорила и поступала именно так...

- Тихо, тихо, деточка! Да не кричи ты так, услышит ещё кто-нибудь. И никому ничего я не скажу. Ведь мы же с тобой не чужие как-никак. Делай всё, как задумала, ни одна живая душа не узнает. Только сначала объясни, как ты это будешь делать?

- Как, как... Придавлю сейчас ногой, в тряпку, да и закопаю. Не первый раз...

- А потом?

- Потом попривязываю мешки к животу, чтоб не сразу видно было, да и перестану... Но ты, если пикнешь кому-нибудь... Видит Бог, на мне столько грехов, что ещё один меня уже не пугает... Смотри, старуха!

Бабка Липка даже обиделась:

- Ну, уж мне-то ты можешь верить. Сказала «никому», значит, никому. И отговаривать тебя тоже не собираюсь. Вот только скажи, а ты дитёнка-то поцеловала?

- Чего-о-о? Ты что, бабка, ополоумела? Да я и смотреть-то на него не собираюсь, ишь чего удумала: поцеловать!

- Ну, нет уж, деточка! Твой грех - это твой грех, а вот с дитёнка некрещёного ты этот грех сними. Не допущу, чтоб невинная душа страдала. Это ж издавна известно. Поцеловать, поцеловать его надо! Да ты только губами притронься и всё...

Бабка ещё что-то говорила, а сама проворно перевязала пуповину, обрезала её, подвернувшейся тряпичей кое-как обтёрла сморщенное крошечное личико и почти силком сунула его Маньке под нос:

- Поцелуй! Только поцелуй и всё! Делай, что хочешь. Я никому ничего не скажу...

Манька, закрыв глаза, нехотя прикоснулась губами к чему-то мокрому, пищащему и... замерла. Ребёнок, словно что-то поняв, вдруг стал ловить губами, и бабка Липка тут же подсунула его под грудь матери. Манька не шевелилась. Ребёнок поймал набухший сосок и припал, присосался к нему. Он блаженно чмокал, издавал какие-то еле слышные звуки и, казалось, не найдётся теперь в мире силы, чтобы оторвать его от этого, такого простого и такого важного занятия. А Манька... молчала, словно прислушиваясь и к внешним звукам, и к тому, что творилось в ней. Бабка Липка тоже молчала, присев на пол и не смея верить собственным глазам. Наконец, Манька словно против своей воли медленно подняла руку и осторожно поправила грудь...

Бабка Липка встрепенулась и облегчённо вздохнула.

Так Верка-Найдёна осталась жить...

7.05.04

Одна жизнь

В шестнадцать лет Любашу выдали замуж. При этом старший брат даже не удосужился спросить, хочет ли она замуж, хочет ли уезжать в другую деревню и жить в большой семье совершенно незнакомых ей людей. Да и будущего-то мужа, Никанора, она впервые увидела только перед свадьбой. Невысокий, симпатичный чернявый паренек понравился, и это несколько примирило ее с происходящим. Да и чего еще ждать сироте? Все окружающие были уверены, что ей очень повезло: попала в крепкую зажиточную по крестьянским меркам семью. Да и муж - любо-дорого посмотреть!

Но, в общем-то, в ее жизни мало что изменилось. Рано оставшаяся сиротой, с детства привыкшая к тяжелому крестьянскому труду, она давно заменила братьям и младшей сестре мать. Нищета, полуголодное существование, домашние заботы и труд, труд...

Однако, они, как ни странно, только закалили и укрепили ее приветливый, покладистый характер. По первому зову она спешила на помощь, легко уживалась с людьми. Была мастерица на все руки. В редкие минуты отдыха могла и спеть, и сплясать так, что все только ахали. Придя в семью мужа, она практически оказалась в той же среде. Все та же тяжелая крестьянская работа, и все также любой мог сорвать на ней свое плохое настроение, недовольство чем-то. Появление новой бесплатной работницы, почти батрачки, в семье только приветствовалось. Но она не жаловалась - была привычна, да и на что могла рассчитывать сирота?

Семья, в которую она вошла, состояла из нескольких поколений, была довольно большая, со своим укладом, привычками, обычаями. Настоящей хозяйкой и

домоправительницей здесь была свекровь. Она одна иногда жалела невестку, но от нее же и доставалось больше всех. Здесь же на равных правах со всеми жила невестка Христинка - вдова погибшего в Гражданскую войну старшего сына.

Как потом выяснилось, именно она и явилась главной причиной того, что Никанора так поспешно и почти насильно оженшили. Молодая вдовушка быстро прибрала к рукам симпатичного, но довольно ветреного паренька. Однако их почти явные отношения не прекратились и после свадьбы Никанора. Сколько слез было пролито молодой женой по ночам в подушку после очередных явных доказательств, об этом не знал никто. Разумеется, остальные домочадцы тоже были прекрасно осведомлены обо всем, но все делали вид, что ничего не происходит. Ну, а если нужно было найти виновного, то лучшего кандидата на эту роль, чем сирота, конечно же, не существовало. Все еще больше осложнялось тем, что у них не было детей. И каждый, от мала до велика, мог при всех выкрикнуть ей в глаза: «Где твои дети? Ты детей своих поела!». А Христинка, оставшись наедине, ехидно шептала: «Это я «сделала» ему, чтоб у него не было детей. Нам-то они ни к чему».

Так прошло шесть лет... Любаша молча сносила все оскорбления и укоры новоприобретенных родственников, была все также добра, приветлива и трудолюбива. И повзрослевший, возмужавший Никанор, видимо, вдруг разглядел, какая у него терпеливая, работающая красавица-жена, признанная певунья и плясунья на нечастых деревенских гулянках. Всегда внешне спокойная, улыбающаяся - даже самые близкие не догадывались, какой ад творился иногда в её душе. И прозревший мужик стал всё больше уделять внимания собст-

венной жене. Христинку это бесило, но Никанор к тому времени совершенно охладел к ней. Любаша словно на крыльях летала, всё, как говорится, горело в её руках. Но детей так и не было...

Однажды, оставшись наедине, муж сказал ей, что это не она виновата, что это Христинка ему «сделала». Он даже вспомнил ту гулянку, когда все плясали, и кто-то специально плеснул на него водой.

- Мне надо лечиться, надо искать деда или бабку.

Любаша горячо поддержала мужа. В соседней деревне жил такой дед. Говорили, что он был очень сильным в этом деле, как сейчас бы сказали, в белой магии. Люди к нему приезжали не только из ближних и дальних деревень, но и из города Боготола, и даже порой из Красноярска заглядывали. Молодые тайком обратились к нему, рассказав всё, как на духу. Дед подумал и сказал:

- Помогу. Но приезжать придётся несколько раз. Согласны ли?

Они, разумеется, были согласны на всё...

Перед полночью дед усадил их рядом и сказал:

- Что бы ни случилось, молчите и держите друг друга за руки. Что бы ни случилось! Выдержите - всё будет хорошо! - и стал что-то приговаривать.

Ровно в двенадцать как полезла отовсюду нечисть, то ли черти, то ли непонятно что. Они появлялись с потолка, со стен, скакали, кривлялись, пытались разъединить их руки, оторвать друг от друга, заставить заговорить. Любаша и Никанор сидели, как каменные, крепко сжав руки друг друга. Как только запел первый петух, вся нечисть исчезла. Дед похвалил их и сказал, что ре-

зультат они скоро увидят, но приезжать придётся ещё, возможно, даже несколько лет.

По дороге домой муж и жена делились своими впечатлениями и, оказалось, что они видели, слышали и чувствовали одно и то же, одних и тех же «чертенят», одни и те же действия этой нечисти.

Когда в очередной раз Любашу громко упрекнули, что она «поела своих детей», молодая женщина спокойно и с достоинством ответила, что дети у неё обязательно будут. Вскоре родился Ванюшка, затем Маринка. Многочисленная родня мужа притихла, молодые были счастливы.

И только одно омрачало их существование. За ежедневными крестьянскими делами порой Никанор забывал, что пора съездить к деду. Такая забывчивость платила ему жуткими болями, а, может, и оскорбленная Христинка чем-то «помогала». Однажды, когда Любаша уже носила под сердцем третьего, Колюшку, они были в гостях. Подошел к ней муж с посеревшим лицом и предложил немедленно ехать к деду. Но это было бы странно и нелепо для хозяев, и Любаша предложила съездить, как только вернутся домой. Муж согласился. К вечеру поехали домой, но чувствовал себя Никанор очень плохо, его мучили страшные болезненные приступы. Приехав домой, он тут же куда-то ушёл. Сначала на это не обратили внимания, а потом оказалось, что уже поздно: Никанор повесился...

И только дети, её дети, не дали ей сойти с ума...

Само собой разумеется, что невестка с тремя детьми показала всем такой обузой, что её быстренько, как говорится, отделили, то есть, отселили, выделив коровёнку, лошадёнку и кое-что из имущества. А были это очень непростые и беспокойные годы коллективиза-

ции. Молодая женщина привычно трудилась с утра до ночи, чтобы хоть как-то обеспечить себя и детей и подготовиться к рождению третьего ребенка.

А потом был ночной стук в окно. Верный человек сообщил ей, что завтра придут её раскулачивать, ведь у неё такое зажиточное хозяйство: и корова, и лошадь... Собрав детей и взяв только самое необходимое, она бросилась к своему дяде Силину, который жил в этой же деревне...

Утром они были уже в городе Боготоле. Как ни странно, никто их не преследовал. Что стало с покинутым убогим домишком и хозяйством - неизвестно. А родственники мужа просто исчезли из её жизни и жизни её детей и никогда больше не напоминали о своём существовании. А ведь деревня-то находилась всего в сорока километрах от города. Но молодой женщине было не до них.

Ей приходилось работать на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах, чтобы дети не умерли от голода. Иногда помогали ее родственники, которые сами были ненамного богаче. Одну зиму ей с детьми вообще пришлось жить в землянке. Это в Сибири-то, в Красноярском крае! Понемножку, худо-бедно, но жизнь налаживалась. Маринка очень рано стала её главной помощницей и опорой. Да и мальчишки росли, в общем-то, серьёзными и деловыми мужичками.

Так проходили годы...

Пыталась она устроить и свою личную жизнь, но как-то всё выходило неудачно. Например, один из мужей украл деньги, собираемые на покупку домика, и пытался сбежать на Дальний Восток. Только, благодаря всё тому же дядьке Силину, переехавшему к тому вре-

мени в город, подлый мужичонка был перехвачен по пути...

Она еще дважды рожала. Но Володя был очень слабенкиим и умер в пять месяцев. А вот Витя оказался покрепче. К тому времени выяснилось, что у Любаши большое сердце. И всё больше ответственности и домашних дел ложилось на хрупкие плечи маминой помощницы - Маринки, не по годам серьезной и такой же работающей. В школе девочка училась хорошо. Все схватывала на лету, особенно ей нравилась математика. Но даже пятый класс ей окончить так и не пришлось. После того, как Любашу в очередной раз увезли прямо с работы с сердечным приступом в больницу, её товарки, искренне жалея молодую женщину, проявили активность, и четырёхлетнего Витю забрали в детдом, несмотря на слёзы и просьбы остальных детей. Когда же мать выпи-сали, то ребёнка уже увезли из города. Сколько кабинетов прошла эта мужественная стойкая женщина, чтобы узнать, где её сын, но никто не мог или не хотел ей помочь. Ответ всегда был один: неизвестно...

Прошло три года. И вдруг они получили письмо, написанное корявым детским почерком. Адрес ребёнок узнал у директора детдома, но, скорее всего, сам директор и надоумил несмышлёныша написать маме. Любаша тут же поехала и забрала его. Это был очень худенький, почти прозрачный мальчик. Судя по его рассказам, они в детдоме часто просто голодали. В семье тоже не было особых разносолов, но сажали огород, и картошка уж была всегда. Да и все члены семьи старались хоть как-то подкормить младшенького. Но ещё долго не могли отучить ребёнка припрятывать еду на чёрный день. При стирке Маринка во всех кармашках рубашек и штанишек ещё долго находила картошку,

засохшую или прокисшую. Когда он садился за стол, то обязательно прятал под себя пилоточку, чтобы не украли. Эта детдомовская привычка ещё долго доводила до слёз и мать, и сестрёнку.

А жизнь шла. Дети подрастали... И тут началась война. Тогда все жили по принципу: всё для фронта, всё для победы. Пришлось переехать в ближайшую деревню. По крайней мере, там хоть не умерли бы с голоду. Ивана забрали в армию. Вернулся он без руки, с осколками в груди. Кстати, у него был красивый сильный голос, он чудесно пел и даже после его смерти ещё долго вспоминали «того Ивана», который как запоет, так даже десятилинейные лампы в доме гаснут. Иван женился, но прожил недолго, в пятидесятых годах умер от туберкулеза, да и осколки, видно, поспособствовали. Через год умерла его жена. Три девочки остались круглыми сиротами. Но это уже другая, хоть и не менее трагичная, история. А Витя умер в шестнадцать лет от водянки. Видно, не прошли даром голодные детдомовские годы...

Любашу парализовало, когда она пропалывала грядки. Было ей тогда шестьдесят четыре года. Николай с семьёй жил в это время на Сахалине. Три месяца лежала она совершенно беспомощная и неподвижная. Дочь с зятем и внуки всё время были рядом с ней, дежурили и днём, и ночью. Со временем рассудок её стал мутиться, она почти перестала есть. Врачи удивлялись: какое крепкое сердце! Это её-то больное, изношенное сердце! Лекарства почти не помогали. Часто её мучили сильные боли, она кричала: «Мама! Мама!». Это было единственное слово, которое она могла сказать внятно.

Однажды ночью, как всегда, дочь дежурила около неё. Любаша уснула. Дочь тоже задремала. И вдруг,

словно кто-то толкнул её. Она взглянула на мать и всё поняла. Любаша лежала удивительно помолодевшая, с просветлённым безмятежным лицом. Отмучилась... А ведь когда-то, когда никто не мог её переплясать, она, смеясь, говорила: «Я даже умирать буду, а ногой да топну!»... Не топнула...

В это же время трое её внуков и зять, спавшие в других комнатах, почему-то внезапно проснулись и, не говоря ни слова, все столпились в дверях бабушкиной комнаты...

6.07.03

Улика

Вот уже больше часа Катерина сидела, уставясь в одну точку. Её, не привыкшие к безделью, натруженные руки сейчас бессильно лежали на столе и легонько подрагивали. Дочка Анютка что-то рисовала в тетрадке и время от времени беззаботно смеялась. Катерина взглянула на неё, сердце сжалось от бесконечной всепоглощающей жалости и боли. Слёзы снова потекли из глаз.

- Доченька! Родненькая ты моя! За что, за что нам ещё и это лихо? - тупо и бесконечно билось в голове...

В посёлке они появились лет шесть-семь назад. Катерина купила по дешёвке эту хату и стала тихо и незатейливо обустраивать свой отдельный маленький мирок. Никто толком не знал, откуда они появились, и что заставило их приехать в этот Богом забытый уголок.

По первости Анютка поразила всех своими огромными синими глазищами и какой-то просто неестественной кукольной красотой. На вопросы докучливых соседок «А где же твой папка?», она бесхитростно и радостно отвечала: «Собакам сено косит», и сама же первая весело смеялась. Но, когда в этой крепко сбитой десятилетней девчужке распознали ум пятилетнего ребёнка, соседки скорбно заохали, закачали головами, пытаясь выразить Катерине своё сочувствие и понимание, однако, встретив с её стороны настороженность и явное нежелание говорить на эту тему, обиженно приумолкли, оскорблённые в самых лучших своих чувствах. Ещё какое-то время пошушукались за её спиной, но, не получая новой пищи своим пересудам, разочарованно замолчали.

Жила Катерина уединённо, работать устроилась на почту. С утра пораньше разносила корреспонденцию по адресам и скорей спешила домой, где ждала её ненаглядная Анютка. Девочка всегда так искренне радовалась приходу матери, как будто не видела её целую вечность. У Катерины сжималось сердце от нежности и жалости. Каждую свободную минутку она старалась проводить с дочкой, читала ей сказки, учила нехитрым хозяйственным делам: наводить в доме порядок, стирать, готовить еду. Пыталась даже научить шить, но эта премудрость давалась Анютке плохо, и, в конце концов, Катерина отказалась от своей затеи.

Сама она была ещё молодой, довольно интересной бабёнкой, но давно махнула на себя рукой и во всей её фигуре просматривались такая усталость и безразличие к собственной судьбе, что даже самые ревнивые бабы спокойно отпускали своих мужиков помочь, если в её хозяйстве требовались сильные мужские руки. Впрочем, такое случалось очень редко. В большинстве случаев Катерина старалась обходиться собственными силами.

Так прожили они лет шесть. И вот где-то с год назад стал к Катерине захаживать Колька Огонёк. Прозвище своё он получил из-за ярко-рыжих кудрявых волос. И, действительно, глядя на его огненную шевелюру, хотелось прикрыть глаза, чтобы ненароком не обжечься. Вообще-то, это был довольно беспутный мужик, гуляка и любитель выпить, особенно за чужой счёт. Но в какой-то степени это компенсировалось его лёгким, открытым характером и умением бесподобно играть на гармошке. Конечно, не самая лучшая пара, но Катерина вдруг расцвела и так похорошела, что поселковые донжуаны, встречая её, только изумлённо хмыкали и долго

смотрели вслед, не понимая, как это они до сих пор не замечали такую интересную и красивую бабёнку...

Но, видно, уж судьба такая у бабы. Однажды после очередного подпития нашли Огонька чуть живого за огородами. Должно быть, сначала мужика огрели вальвающей тут же дубиной, а затем жестоко поколотили, да так, что местная фельдшерица громко заявила, что он уже больше не жилец, и очень удивилась, когда тот всё-таки выкарабкался и пошёл на поправку. Правда, этот, когда-то весёлый и бесшабашный мужик, превратился в полуслеплого, молчаливого калеку. Шевелюра его основательно поредела и за какой-то месяц покрылась густой сединой. И уже никто не решался назвать его Огоньком. На все расспросы о случившемся отвечал односложно и неохотно:

- Пьяный был, не помню...

У Катерины он, конечно, больше не появлялся. Соседки сочувственно заглядывали ей в глаза и, кто фальшиво, а кто и искренне, выражали свои соболезнования. Катерина была, как всегда, немногословна:

- Да, хороший был мужик. Очень его жалко. Но, видно, судьба уж такая и ему, и мне, - и кончиком платка вытирала непрошенные слёзы...

Она снова как-то вся потухла, скукожилась, никуда, кроме работы, не ходила, жила затворницей. И только счастливый, беззаботный смех Анютки иногда доносился из полуоткрытого окна.

А теперь ещё и эта напасть...

- За что? За что нам такое? Господи, накажи меня, самой страшной карой накажи, но её-то зачем? Она-то чем виновата?!

А вскоре уже по всему посёлку вприпрыжку неслись слухи: Катькина-то Анютка беременна! Бабы оха-

ли, ахали, с пристрастием допрашивали своих мужиков, может, кто видел, может, кто слышал... Все искренне негодовали: последнее это дело - обидеть убогую. Чуть не с кулаками приставали к Катерине:

- Ты-то куда смотрела?

Но та только плакала и повторяла:

- Да не знаю, не знаю я... Сама с неё глаз не спускала. Знала бы кто, своими руками задушила бы подонка!

И только Анютка была как всегда беспечна и весела. Огромные синие её глаза смотрели на мир бесхитростно и открыто...

Фельдшерица, она же акушерка, принимая у Анютки ребёнка, воскликнула:

- Смотрите, какой огонёк! Очень редкий цвет волос! - и вдруг... осеклась, уже догадываясь, но ещё не веря...

9.05.04

Прости, сынок

Погорельцев временно поселили в опустевшую хату бабки Матруны. Единственный бабкин сын погиб в первые дни войны, а больше никаких близких родственников у нее и не осталось. Две недели назад бабка Матруна присела у морковной грядки, да так и не встала. «Легко померла», - тайком крестясь, шептали деревенские бабы.. Похоронили старушку всей деревней вскладчину. Три осиротевших курочки пошли на поминальный стол, а дворнягу без имени приютила тетка Маня. Окна и двери неказистой, но еще довольно крепкой хаты крест-накрест забили горбылем.

...Пожар в глухой таежной деревне - это настоящее стихийное бедствие. Тут уж раз на раз не приходится. Бывало, что выгорали целые деревни. Что может быть страшнее и безжалостнее разбушевавшегося и всепожирающего огня! Но тут, как говорится, Бог милловал. Деревню удалось отстоять потому, считали все, что хата стояла на отшибе, а все надворные постройки пошли на дрова еще в войну, когда надо было накормить и обогреть шестерых, мал мала меньше. Вот и пришлось горемычной бабе сначала порешить живность, а потом уже и стайки пошли в ход.

... Спасли только вдову и детей. Ни ложки, ни плошки... Остались, в чем были. Потому-то по молчаливому согласию колхозники и сняли горбыли с окон и дверей Матруниного дома.

...Обезумевшая Фрося не просыхала от слез и без конца пересчитывала, пересчитывала единственное, что у нее осталось, - своих детей. Ей все казалось, что она опоздала, и кто-то из них остался там, в том яростном огненном ужасе.

Односельчане тихонько заходили в хату и оставляли, кто что мог: старенький изодранный кожушок, пару алюминиевых помятых мисок, а то и почти целое байковое одеяло. Да и что могли принести инвалиды и вдовы, сами только что пережившие страшную войну и не понаслышке знавшие, что такое голод и нищета. Все искренне жалели и Фросю, и детей, но вывод был однозначен: придется, видно, бабе надевать суму и идти с детьми побираться, чтобы не умереть с голоду. Тогда это не было редкостью, а, наоборот, иногда являлось единственным выходом из безвыходного положения.

... Лет тридцать назад Пелагею Ивановну, тогда ещё просто Палашку, отец, чтобы не кормить лишний рот, увёз в город и отдал в няньки. Девчонке повезло. Едва заневестившись, она удачно вышла замуж. В деревне с тех пор не появлялась. Изредка встречая односельчан, не очень-то бросалась им навстречу, разговаривала подчеркнуто правильным «городским» языком, может, даже неосознанно давая понять, какая огромная разница между ними, деревенщиной, и ей, женой пусть и небольшого, но начальника. Детей у них почему-то не было, но Пелагея Ивановна не очень-то убивалась.

- Хватит! С детства нанянчилась на всю жизнь, - говорила она.

О Фросиной беде узнала случайно. Зашла на базар и встретила там тетку Маню, приехавшую по своим делам в город. Когда-то в деревне они жили рядом и были закадычными подружками. Не виделись уже лет пятнадцать. И вот такая встреча...

Глубоко в душе Пелагея Ивановна, в общем-то, была такой же деревенской бабой, пусть и оборвавшей, но не забывшей свои корни, да и погибший на войне Фросин муж приходился ей какой-то дальней родней.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что Пелагея Ивановна и Василий Филиппович вдруг появились в деревне. Привезли необходимую одежку, вещи, продукты, городские гостинцы. Даже их просьба никому не показалась странной, свои ведь всё-таки. А просили они отдать одного ребёнка.

- Тебе ведь легче будет, да и ребёнок еще спасибо скажет, как вырастет, - убеждали они совсем растерявшуюся несчастную бабу.

Вообще-то, Пелагее Ивановне приглянулась семилетняя Любка, но девчонка, уразумев, чего от неё хотят, с рёвом убежала куда-то и старалась не попадать на глаза этой «тётке с городу», пока та с мужем не уехала. Забрали они самого младшего, пятилетнего Павляню, часто болевшего, худенького молчаливого мальчика. И на этом всякие отношения между семьями прекратились...

Мало-помалу жизнь налаживалась. Подрастали дети. Как ни странно, но все пятеро выжили и выросли, обзавелись семьями и, хотя жили отдельно, но все были рядом с матерью, здесь же, в этой деревне. О Павляне знали, что он долго болел, но потом ничего - выправился. В школе учился хорошо. Окончил десятилетку, потом институт, вернулся в город и сейчас работал инженером на заводе. Семью заводить почему-то не спешил. Год назад тяжело заболел Василий Филиппович и, промаявшись с полгода, умер. Через два месяца уснула и не проснулась Пелагея Ивановна...

Голубая новенькая автомашина, только что отмытая в речке до зеркального блеска, медленно въехала на деревенскую улицу. Свора обескураженных собак сопровождала её громким лаем, оповещая всех о чрезвычайном происшествии. Медленно, очень медленно

автомашина продвигалась вперед и, когда она остановилась у бывшей Матруниной хаты, уже вся деревня откуда-то знала: приехал Фроськин Павляня.

Фрося стояла у калитки и растерянно теребила передник, как-то испуганно озираясь по сторонам. Павляня, симпатичный высокий мужчина, вышел из машины и быстро пошел к ней, но вдруг остановился, словно споткнулся о десятки горящих любопытных глаз, потом медленно подошел к матери, как-то неловко и быстро обнял её, что-то пробормотал и чмокнул в щеку. Тут же развернулся, подошёл к машине и под одобрительные комментарии, шутки, смешки стал извлекать из неё какие-то мешки, коробки, кульки с конфетами, печеньем и пряниками, отдельно достал ящик с яблоками. Запах копченой (!) колбасы, селёдки и еще чего-то непонятного, но не менее интригующего, поплыл над восхищённой толпой. Тут же нашлись добровольные помощники, и всё это разнообразное великолепие торжественно переместилось в хату.

А вечером гуляла вся деревня... Столы собрали из окрестных хат и поставили прямо на пустыре за домом. Перед этим неожиданно одаренные всевозможными подарками и гостинцами племянники и племянницы с необыкновенным усердием и азартом расчистили и подмели его, да так, что любо-дорого было посмотреть. И ещё много-много лет спустя, этот пустырь иначе, как Павляниным, и не называли...

Переполненные впечатлениями, довольные уважительным отношением и обхождением горожанина и надолго запомнившимися необыкновенными угощениями, гости разошлись только под утро. Разумеется, те, кто мог к тому времени идти. Братья и сестры, зятья и

невестки и их многочисленные отпрыски тоже потихоньку потянулись к своим хатам.

Павляня долго сидел за опустевшим столом, обхватив голову руками, словно думал тяжелую думу. Мать неуверенно подошла к нему и, не зная, как обратиться, остановилась...

- Павел Васильевич! - почти шёпотом позвала она. - Шли бы вы спать, Павел Васильевич.

Павляня вздрогнул, как будто его ударили, и резко обернулся:

- Васильевич?! Моего отца звали Егором! И я помнил об этом всегда, мама! Двадцать лет каждый день я мечтал о том, как приеду и скажу: «Здравствуй, мама!» А ещё всю свою жизнь я хотел тебя спросить: почему? Почему ты отдала именно меня? Не Любку, не Петьку хромого, не Манечку, а именно меня?! Я что, был самый никудышный?

- Бог с тобой, сынок! Да что ж ты такое говоришь? Ты тогда был самый маленький и очень слабенький... Здесь бы ты просто не выжил...

- А, может, я был просто самым ненужным, обузой для всех вас? Ведь остальные-то выжили и здесь, зато всегда жили рядом с тобой, да и сейчас вы все вместе. Их же ты не отдала! А меня с глаз долой - из сердца вон, да? Почему ты отдала именно меня? Почему?

И здоровый мужик вдруг заплакал, словно малый ребенок, уронив голову на стол. Он громко и судорожно всхлипывал, икал, совсем, как когда-то, в далеком детстве... А мать... Мать гладила его шершавой рукой по голове, по плечам, по спине и тихо шептала:

- Сыночек! Дитяtko! Кровинушка моя! Прости, если сможешь. Прости...

25.07.03

Вражда

- Что-о? Жениться на этой, этой! - от возмущения дед Василец не смог сразу подобрать подходящее слово. - На этой... партизанке? - будто выплюнул наконец он и так стукнул кулаком по столу, что даже зашипел от боли. Несмотря на более чем солидный возраст, в нём ещё чувствовались и былая сила, и жёсткий, временами даже жестокий характер.

- Да мы с её батюшкой в Гражданскую лупили друг друга, а ты жениться?! Ни-ко-гда!

Но внук Колька недаром был его внуком. Он тоже хряснул кулаком об стол:

- А я женюсь! И точка! И хватит уж вспоминать времена царя Гороха! Манечка - хорошая девка, любила она мне. Да и поздно уже раздумывать, тяжёлая она...

Тут в разговор вмешался Петро, сын деда Васильца и отец Николая:

- Не те времена, батя, чтоб вспоминать, кто кого и когда лупил. А Манечкин батюшка всё-таки бывший командир партизанского отряда. Его карточка вон даже в городском музее висит. С таким и породниться не грех. Смотришь, и нам какое послабление будет. А то уж больно на нас некоторые косятся. Всё никак простить не могут...

Дед Василец даже подпрыгнул на лавке:

- А чего, чего прощать-то? Перед законом мы чисты, никто ничего не докажет! А что болтают, так собака лает- ветер носит. А доказательств-то и нету, не-е-ту-у, - он издевательски развёл руками...

Свадьбу, не свадьбу, но вечеринку всё-таки собрали.

Давно отгремела Гражданская война, уже собрал свой скорбный урожай и Великая Отечественная, а бывшие классовые враги, наверное, впервые вот так сидели за общим праздничным столом. Манечкин отец, ещё крепкий мужик, имевший одиннадцать дочерей и двоих сыновей, хмурил брови, недовольно зыркал взглядом в сторону вынужденных новоявленных родственников, но молчал, сопел и опрокидывал рюмку за рюмкой. Деда Васильца предусмотрительно посадили за другим концом стола. Он тоже опрокидывал рюмку за рюмкой, несмотря на предостерегающие взгляды и незаметные тычки родственников, хихикал, что-то рассказывал рядом сидящим и победоносно поглядывал на угрюмого свата. Веселились, в основном, женщины и молодёжь. Пелись и современные, и старинные обрядовые песни. Молодых осыпали зерном, с шуточками-прибауточками одаривали подарками. В общем, всё шло, как и полагается.

И вот, когда вечеринка уже была в самом разгаре и Манечкиного отца попросили сказать тост, он встал, внимательно осмотрел всех, особо остановившись взглядом на раскрасневшемся лице деда Васильца, чуть усмехнулся и произнёс:

- А тост мой будет такой: за Советскую власть! - выпил, закусил и только тогда сел.

Уже порядком набравшийся дед Василец, позабывший все предварительные уговоры и увещевания родни, демонстративно отставил гранёную стопку и громко произнёс:

- Ну, уж нет! Пей за неё сам! А мы вашего Лазо в топке жгли! Жалко, что ты нам тогда не подвернулся! Хорошо бы горел!

И... свадьба переросла в яростную потасовку. Но опомнившиеся родственники скрутили деда Васильца, громко уверяя собравшихся, что старик совсем свихнулся, сам не знает, что брешет, и куда-то увели-уволокли под вопли голосивших баб. Бывший партизанский командир, схватив дочку за руку, кричал:

- Ноги моей больше не будет в этом белогвардейском гнезде! И её ноги тоже не будет!

Манечка же цеплялась за растерянного Николая и голосила-причитала:

-Тятенька, родненький! Никуда я отсюда не пойду! Муж он мне, муж!

Через неделю дед Василец скоропостижно скончался. А ещё через два месяца Манечка прибежала домой вся в слезах и синяках. К мужу она больше не возвращалась. Расписаться они ещё не успели, поэтому новорожденному были даны отчество и фамилия деда-партизана. А назвали его Иннокентием, Кешкой.

Через некоторое время и отец, и мать Кешки уехали в город и там, уже каждый по отдельности, стали устраивать свою судьбу. Кешку родственники отца не признавали. Дед-партизан через несколько лет умер от рака желудка. Так и рос парнишка, в общем-то, никому не нужным. И только бабушка, терпеливая и многострадальная бабушка искренне и горячо любила внука. Кешка отвечал ей тем же. Был он на удивление незлобивым, немного мешковатым, молчаливым, застенчивым пареньком. Окончил восемь классов, но из деревни не уезжал, работал здесь же, в лесничестве.

Когда Кешка уже служил в армии, в часть пришла телеграмма: «Умерла бабушка». Но на похороны его не отпустили, объяснили: не отец ведь и не мать, всего лишь бабушка. И тогда он сбежал. Добравшись до де-

ревни, домой заходить не стал, а сразу пошёл на кладбище. Через два дня за ним приехали. Нашли его всё там же, на кладбище, опухшего от слёз. Он молча лежал на могиле бабушки и совсем не сопротивлялся, когда его уводили. К счастью, на этот раз нашлись умные головы и строго наказывать парня не стали.

После армии возвращаться ему практически было некуда, и он поехал к матери. У той давно уже была другая семья, подрастали две дочери. Семья занимала две комнаты в большой коммунальной квартире. Кешка пожил у них с неделю, устроился на работу и ушёл в общежитие.

Но, видимо, ему, спокойному и домашнему по натуре, очень хотелось иметь свою семью, свой дом. И через полгода он женился, пошёл, как говорят, в примачки. Однако семейная жизнь не получилась и не только по его вине. После рождения сына он опять ушёл в общежитие. Стал выпивать. За участие в пьяной драке получил срок, два года. Отсидев, уехал в другой город, а через полгода нашли его в петле на чердаке какого-то дома. Официальная версия гласила: самоубийство. Неофициально же все утверждали, что что-то тут не так, что кто-то ему «помог» и, скорей всего, его повесили, но кто и за что, выяснять, конечно, никто не стал.

Сейчас его сыну уже под тридцать. У него другая фамилия, другое отчество и даже другое имя. И, скорей всего, он не знает правды о своём настоящем отце. А жалко Кешку. В общем-то, хороший был мужик...

11.05.04

Валюшка

Томская область... Уже далёкие шестидесятые годы прошлого века... Осень... Хлебоуборка... И почти в каждой деревне обязательная составляющая сей битвы за урожай - многочисленные студенческие отряды. Кто прошёл через это, тот наверняка помнит исторически сложившуюся странную закономерность: почему-то мужская половина главных помощников в хлебоуборке быстро находила общий язык с местными красавицами, а вот между недавними абитуриентками и их деревенскими ровесницами тут же возникали натянуто-неприятные отношения. И с чего бы это?

Но с Валюшкой мы подружились как-то крепко и сразу. Она, единственная из деревенских девчат, почти с первого дня свободно приходила на нашу территорию, давала ценные практические советы по обустройству нехитрого быта, вместе с нами пела у студенческого костра. Искренне озабоченная нашими проблемами, по первой же просьбе приносила иголки, нитки, молотки, гвозди и какие-то другие мелочи, о которых нам и не подумалось в городе, но которые оказались такими необходимыми именно здесь и именно в данный момент. Плотная, крепко сбитая, совсем не красавица, она была удивительно светлым и открытым человеком, постоянным источником доброжелательной созидательной энергии, готовности посоветовать и помочь. А как заразительно она смеялась! Это удивительно, но рядом с ней и другие непроизвольно старались быть добрее и проще.

Мы с Людой - две девчонки из небольших тихих городков - особенно подружились с ней. Часто бывали у неё дома, познакомились с родителями. Тётя Настя

встречала нас, как родных, тут же усаживала за стол, наливала домашнее (!) молоко и угощала какими-то необыкновенно вкусными булочками. Странно, но в этом доме умели любого пришедшего встретить так, что он чувствовал себя здесь самым главным и необходимым. Человека окружали искренним вниманием, заботой, расспрашивали, что-то рассказывали сами, и время гостевания всегда пролетало незаметно. С тех пор прошло почти сорок лет, но я до сих пор хорошо помню, как не хотелось уходить от них.

К гостям обязательно выходил Валюшкин отец. Видно было, что он намного старше жены, но чувствовалось между ними такое взаимопонимание и какая-то необъяснимая словами внутренняя согласованность, что даже не верилось, что так может быть на самом деле.

По рассказам Валюшки, последнее время дядя Паша стал сильно прибалывать, поэтому в колхозе не работал, подшивал валенки, копался в огороде, помогал тётке Насте по хозяйству, топил баню, куда, конечно же, приглашали и нас. Какое же это блаженство: после тяжёлого, непривычного нам крестьянского труда настоящая деревенская баня с обязательным затем неспешным чаепитием (мы-то с Людой больше пили молоко) с ароматными воздушными булочками и обстоятельными разговорами обо всём. В их доме всем было уютно и тепло.

Иногда эти разговоры касались будущего Валюшки. И тут возникала какая-то странность. Весной она окончила среднюю школу. Училась очень хорошо и все были уверены, что уж Валюха-то поступит в любой ВУЗ. Но та вдруг категорически отказалась уезжать куда-либо. В школе она была главным организатором и

сельской, и школьной самодеятельности, неплохо пела, читала стихи. А уж как зажигательно отплясывала цыганочку, мы убедились сами на одном из самодеятельных концертов. Через неделю после выпускного бала она уже работала завклубом. И друзья, и учителя были просто шокированы таким поворотом. А больше всех, конечно, расстроились родители:

- Да что ж, мы тебя не выучим, что ли? Ладно, не поступала нынче, так поступай на следующий год. Вон какая у студентов интересная жизнь! Да и выучишься, станешь специалистом, плохо, что ли? Не век же тебе в деревне сидеть!

Однако, Валюшка мягко, но решительно обрывала все подобные разговоры:

- Я уже всё решила. Никуда не поеду. На кого же я вас-то оставляю? Ну, уж нет! Вот поработаю, а там жизнь покажет. Захочу учиться, так Сеня меня всегда отпустит. Правда, Сенечка?!

Её официальный жених Сеня, очень серьёзный и очень молчаливый местный механизатор, сидел тут же и в невероятных количествах потреблял заботливо подливаемый чай и подсовываемые тётёй Настей тающие во рту булочки. Сенечка заранее был абсолютно согласен со всем, что скажет его ненаглядная Валюшка, и только утвердительно и солидно кивал головой.

Уже перед самым отъездом Люда, выросшая без отца, сказала Валюшке:

- Тебе здорово повезло, у тебя такие отец и мать, просто замечательные!

И тут Валюшка как-то странно усмехнулась и тихо сказала:

-А ведь они мне не отец и мать..

Помолчала и добавила:

- Но я их очень люблю! Они мне роднее отца с матерью...

И мы услышали невероятную историю.

Любаня и Андрей поженились перед войной. В сороковом году у них родились двойняшки. Третьего сына Любаня родила, когда муж уже был на фронте. А в сорок третьем пришло извещение, что Андрей пропал без вести... Нужно было как-то жить... Любаня оставила детей в деревне у родителей, а сама уехала в город, стала работать на заводе...

Давно закончилась война, а Андрей как в воду канул. Шли годы. Любаня получила комнату в коммуналке и забрала детей в город. Её мать к тому времени скоростижно умерла. И отец, ещё крепкий, здоровый мужик, остался в деревне один. Любаня как-то пыталась наладить личную жизнь, но семейного счастья так и не получилось...

А в пятидесятом году вдруг объявился... Андрей. Из скупых немногословных объяснений оказалось, что он попал в плен, бежал, его поймали, но он опять бежал, а затем уже наш, советский, лагерь... И только мысли о жене и детях помогли ему выжить и вернуться... Когда он, прихрамывая, вошёл в комнату и молча остановился у двери, Любаня побелела, как полотно, и тихо сползла на пол. Трое мальчишек с изумлением и страхом смотрели на обросшего незнакомого дядьку. А на кровати лежала двухмесячная Валюшка...

Примирение было долгим и мучительным. Здесь было всё: и пьяные побои, и униженные слёзы покаяния, и долгожданное прощение, но с одним условием: чтоб этой приبلуды здесь и духу не было!

Счастливая и одновременно несчастная Любаня привезла внуку деду, и с тех пор никто из городских ни

разу не появился в деревне. Даже новости доходят только через чужих людей. Сейчас у Любани и Андрея пятеро детей, внуки, живут они хорошо, дружно. И слава Богу!

А Валюшка? Валюшка так и осталась с дедом Недели через две в дом тихо вошла Настя, когда-то лучшая подружка Любани. Жила она одна. Настин жених погиб в первый год войны, а вскоре один за другим умерли и родители. Неожиданная гостья несмело топталась у порога, наблюдая, как дед управляется с внучкой, и, решившись, наконец, сказала:

- Дядя Паша, вы отдайте мне Валюшку! Честное слово, не пожалеете! Да и живём-то рядом, всегда на глазах будет. Отдайте, а?!

А через два дня под изумлённые взгляды односельчан дядя Паша молча и сноровисто перенёс нехитрый скарб Насти в свой дом...

- Так он тебе, значит, дед?!

Мы во все глаза таращились на Валюшку, пытаюсь осмыслить только что услышанное. Валюшка весело рассмеялась:

- Ну, конечно! Мой папка - это мой родной дед. А моя мама... Вы не поверите, но она так хотела кормить меня грудью, что у неё появилось молоко. И мама кормила меня до полутора лет. Вот!

После долгого молчания я нерешительно спросила её:

- Скажи, а ты видела свою мать? Ну, ту, другую? И братьев, сестёр?

Странно хмыкнув, Валюшка в упор посмотрела на меня:

- Нет! А зачем? - и быстро отвела глаза.

16.08.04

Выбор

Разумеется, это была не совсем типичная семья. Маринка и Витёк учились только на втором курсе, но уже имели дочерей, Машку и Дашку, двоих очаровательных близняшек...

Когда юная пара сперва сообщила будущей свекрови, что она скоро станет бабушкой, и лишь потом, что они решили пожениться, Наталья Петровна бес- сильно опустилась на стул и только тихо спросила:

- А жить-то вы где думаете?

- Как где? - искренне изумился сын. - Конечно, у нас! В моей комнате!

- Да, да, ты прав, - растерянно отвечала мать, уже лихорадочно прикидывая в уме, что и как придётся переставить в их небольшой двухкомнатной квартирке. Хорошо, хоть комнаты отдельные, не проходные, как у Маринкиной бабушки, воспитывавшей внучку с пяти лет...

Молодые сразу же категорично заявили, что свадьбы, как таковой, не будет. Вот серебряная и золотая будут обязательно! А пока есть более серьёзные проблемы, о них и нужно подумать в первую очередь...

Небольшую вечеринку всё-таки собрали. Кроме героев дня и Натальи Петровны была ещё Маринкина бабушка, которая больше молчала и всё вытирала белоснежным платочком покрасневшие заплаканные глаза.

- Да это я от счастья, - сконфуженно пояснила она новоприобретённой родственнице.

Конечно же, пришла Элеонора, дочь Натальи Петровны от первого брака, с мужем Виталием. Это была удивительно дружная солидная пара, имеющая до-

вольно большой супружеский стаж. Две Маринкины подружки да Толян - лучший друг юного супруга, друг, можно сказать, ещё с ясельного возраста... Вот, собственно, и вся компания. Неожиданно выяснилось, что Маринка неплохо поёт. Причём, благодаря бабушке, знает много старинных красивых песен. Наталья Петровна и сама немного пела. Голос у неё был не сильный, как говорят, «домашний», но очень приятный, мелодичный и задушевный. Так что дуэт получился просто замечательный, и вечер удался на славу!

А потом пошли будни. Потихоньку всё обустроилось. Маринка оказалась спокойной, рассудительной девочкой. Как-то незаметно невестка и свекровь нашли общий язык, а потом и вообще подружились. Витёк даже обижался иногда:

- Можно подумать, что это она - твоя дочь! Почему ты всегда защищаешь её, а не меня?

Впрочем, говорил он это больше в шутку, ведь настоящих размолвок в семье как-то и не случалось.

После рождения внучек на семейном совете было единогласно решено, что брать академический отпуск молодой маме не стоит. Наталья Петровна уволилась из школы, тем более что возраст у неё уже давно был пенсионный, и с головой окунулась в такие хлопотные, но приятные домашние заботы, а молодые с утренней энергией и ответственностью продолжали учиться, стараясь получать только повышенные стипендии, что было немаловажно для семейного бюджета. Пока что им это удавалось.

Конечно, после увольнения Натальи Петровны материальные проблемы семьи обострились, но молодежь была не избалована, полученные стипендии тут же торжественно передавались маме Наташе, а уж она-

то за свою долгу и не очень-то богатую жизнь научилась разумно распределять каждую копейку. Иногда Витёк вместе с Толяном ещё подрабатывали на погрузке-разгрузке. Хорошо помогала и Элеонора. Раньше она очень редко заглядывала к матери. Её муж занимался бизнесом, жили они безбедно, часто ездили за границу и предпочитали не ограничивать себя ни в чём. Но детей у них не было, и поэтому новорожденные племянницы сразу и навсегда приватизировали сердце тётушки. Вещи, игрушки, фрукты и прочие изысканные продукты сыпались на них, как из рога изобилия...

Уже на четвёртом курсе Маринка с ужасом поняла, что снова беременна. Это была незапланированная, нежелательная беременность. Впереди ещё два года учёбы. Маринкина бабушка часто болеет, помогать приходилось больше ей, да и Наталья Петровна никогда не отличалась очень уж отменным здоровьем. Ну, а о материальной стороне и говорить нечего! Поэтому на семейном совете Маринка сама первая решительно произнесла это слово: аборт... Пряча глаза друг от друга, остальные согласились с ней:

- Да, так будет лучше...

На следующий день неожиданно пришла Элеонора. Она была как-то странно возбуждена и взволнована. Сразу от порога она заявила:

- Мариночка, я хочу поговорить с тобой. Пойдёмка на кухню...

На кухне Маринка с недоумением наблюдала, как Элеонора дрожащими руками включила почти пустой электрочайник, тут же выключила его, налила воды и, позабыв включить, села напротив Маринки. Помолчали... Потом Элеонора, всегда немного важная и очень

уверенная в себе, как-то непривычно запинаясь, произнесла:

- Просьба у меня к тебе... Очень большая просьба... Только не торопись отвечать... Сначала хорошенько обдумай, что я тебе скажу... Маринка, милая, мама мне всё рассказала... Мариночка, я прошу тебя: не делай аборт... Роди его и... отдай нам... Хочешь, возьми академический отпуск, и мы уедем, чтобы никто не знал. И Машку с Дашкой заберём с собою. Наймём там няню... Я уже всё продумала... Мы поможем вам обменять эту квартиру на трёх - или четырёхкомнатную. Виталий тоже согласен. Мы даже согласны потом переехать куда-нибудь, ну, чтобы не очень травмировать вас... А ты, ты просто родишь этого ребёнка для нас...

Понимаешь, он будет жить! И никто, слышишь, никто, кроме нас, не будет знать о сегодняшнем разговоре. А мы будем очень-очень любить его. И, главное, он будет жить! Понимаешь, жить! Ведь вы всё равно фактически уже отказались от него... Подожди, Мариночка, не отвечай сразу! Я сейчас уйду, а ты, пожалуйста, посоветуйся с мамой и Витей. Вот увидишь, вы никогда не пожалеете об этом. Никогда!

Последние слова Элеонора произнесла уже на пороге кухни, затем стремительно вышла, и почти тут же хлопнула входная дверь...

Изумлённый Витёк вбежал на кухню:

- Что? Что случилось? Что она сказала? Вы что, поссорились?!

Ночью, наверное, впервые за всю их недолгую совместную жизнь, Маринка и Витёк не могли уснуть, но лежали молча, не прикасаясь друг к другу. Кроватки девочек уже давно как-то незаметно перекочевали в бабушкину комнату, поэтому в спальне юных родителей

стояла тягучая пугающая тишина. Никто не решался заговорить первым. Маринка тайком вытирала слёзы, которые почему-то всё катились и катились из глаз. Наконец, Витёк не выдержал:

- Маришечка, ну, что ты решила? Что мы будем делать?

Марина молчала...

- Ну, почему ты не хочешь согласиться? Ведь мы уже действительно почти отказались от него. А так он будет жить! И никто не будет знать...

- Витя! — каким-то чужим хриплым голосом сказала Марина. - Витенька! Милый ты мой! Но ведь мы-то будем знать! А, может, мы им лучше отдадим Машку с Дашкой? А себе других родим, а?

- Да ты что! - Витя даже подпрыгнул на кровати.

Ты думай, что говоришь-то! Как это, отдать Машку с Дашкой? Ты что, рехнулась, что ли? Да ты, ты...

Марина медленно повернулась к нему и стала говорить каким-то слишком уж спокойным, безразличным голосом:

- Вот то-то и оно! Машку с Дашкой ты, конечно, не сможешь отдать, и я не смогу. Но ведь тот малыш, когда родится, будет нам такой же, как Машка с Дашкой. Помнишь, Витенька, ты ведь очень хотел сына? А вдруг это будет мальчик? Скажи, а ты сможешь, зная, что это наш, что это твой сын, спокойно встречаться с ним, спокойно слушать, как он называет чужих дядю и тётю папой и мамой? Сможешь? А если он когда-нибудь узнает, что мы его просто продали за квартиру и собственное благополучие?... Ты об этом подумал?...

- Н-не знаю, - растерянно пробормотал Витёк. Потом будто встряхнулся:

- Подожди, Маришка! Ведь Элеонора нам совсем не чужая! Зато ребёнок-то будет жить! Понимаешь, жить! Он будет расти, учиться ходить, говорить. Когда-нибудь он скажет: «Мама, па...-п-па...» - тут Витёк словно споткнулся и растерянно замолчал...

Может быть, впервые в жизни им предстояло сделать выбор... Самый главный выбор...

Каким же он будет?

5.05.04

Пожар

Случилось это без малого сорок лет назад. Кому-то данная история может показаться смешной, кому-то - грустной, а кому-то вообще не стоящей внимания. Но сидит она во мне занозой, всплывая в самые неподходящие моменты. Вот и решила я её рассказать. Просто не хочется, чтобы когда-то где-то повторилось что-то подобное. И так...

На входных колоннах главного корпуса нашего Университета были начертаны ещё наверное во времена строительства слова о том, что основан он был в 1880, а открыт в 1888 году. И вот в 1968 году он торжественно готовился к своему восьмидесятилетию. Принаряженный, отремонтированный, сияющий свежей побелкой и покраской, исполненный достоинства и вызывающий даже у бесшабашных студентов чувство законной гордости, занятый последними приятными приготовлениями, он ждал приезда именитых гостей из других городов и ВУЗов.

И вдруг буквально за пять - шесть дней до торжественной даты в главном корпусе случился пожар. Загорелись деревянные перекрытия, двери, окна, рассохшиеся за десятки лет полы, под которыми опять же десятилетиями собирался какой-то мусор. Как предполагалось, кто-то из студентов просто бросил непогашенную спичку, она попала в щель и... двухэтажная лекционная аудитория во время лекции вспыхнула, как порох. Огонь распространялся очень быстро, поэтому кому-то пришлось прыгать из окон второго этажа, туда же выбрасывались из кабинетов биологии, ботаники и географии редкие гербарии, коллекции, чучела животных, являвшиеся гордостью Университета, собранные

ещё в начале двадцатого века. Слава Богу, жертв не было. Начисто выгорела, в основном, лекционная аудитория, но здание было очень задымлено и представляло довольно плачевное зрелище: закопчённые, с грязными потёками коридоры, выбитые стёкла. Какой уж тут юбилей!

Все занятия пришлось проводить во втором, недавно построенном, корпусе. И тогда представители деканатов и ректората пришли в группы и обратились к студентам с просьбой проявить сознательность и патриотизм и в своё свободное время прийти и помочь побыстрее сделать ремонт, до юбилея-то осталось всего ничего. Добровольцев оказалось по 4-5 человек из группы, но это были действительно добровольцы. И после занятий (занятия-то никто не отменял!), надев рабочую одежду, они пришли в главный корпус. Настроение у всех было приподнятое. Студенты разных факультетов и специальностей быстро организовались в бригады, каждая бригада получила свой конкретный участок, по коридорам уже стояли подготовленные леса (потолки-то высокие, повторяю, здание строилось в конце 19-го века). Работа была знакомой, ведь каждый год летом у нас обязательным был третий трудовой семестр. А это и хлебоуборка, и ремонтные бригады, и строительные отряды.

Добровольцы дружно носили воду, отмывали закопчённые стены и потолок, тут же затирали их и белили. Красить панели предполагалось на следующий день. Работали с энтузиазмом и каким-то не поддающимся описанию подъёмом. Видимо, сознание того, что они помогают в беде своему Универсу, своей Альма Матер, возвышало их в собственных глазах. Они не просто работали, они творили. И это так воодушевляло их, что

кто-то запел студенческую песню, и студенты с разных факультетов, не знавшие до сих пор друг друга, дружно подхватили. И вот уже по всему коридору гремел их не очень слаженный, но дружный и весёлый хор. Это было какое-то высшее единение!

Выполнив заданную работу, отмыв, отчистив и побелив свой участок, очень усталые, но очень довольные члены бригад с чувством хорошо, даже отлично исполненного долга, шли к выходу. Ведь их ещё ждали невыполненные задания на завтрашний день.

Но... Выходная дверь оказалась запертой. Какие-то мужики, не церемонясь, объясняли им, что дверь закрыта по распоряжению коменданта, так как студенты должны (?!) работать ещё целый час. Студентам популярно объяснили, что они просто бездельники, пришли туда только покрасоваться. Оскорблённые в своих самых лучших чувствах, студенты пытались объяснить, что своё задание они уже выполнили, что им ещё нужно успеть в читальный зал, но их просто не хотели слушать. Было очень обидно, досадно и стыдно смотреть в глаза друг другу, как будто они сделали что-то постыдное, а не добровольно, да ещё и с энтузиазмом, явились в эту ловушку.

Толпа таких же «преступников» росла у дверей, их грубо отталкивали и требовали, чтобы они немедленно шли работать, а не устраивали здесь балаган. Прибежала какая-то женщина (сказали, что это комендант), и оскорбления продолжались. Но студенческий энтузиазм уже бесследно иссяк, остались только обида и бессилие.

Противостояние продолжалось около часа. Студентам угрожали всевозможными карами, пытались переписать всех пофамильно, но тут уж студенты стали

стеной, и из этой затеи ничего не вышло. И ни одного знакомого лица из деканатов или ректората. Понятно, что мобильников тогда и в помине не было, чтобы кому-то сообщить о прецеденте. К стационарным телефонам, естественно, никого не допустили. Наконец, с руганью и оскорблениями дверь была открыта. И эта часть студентов больше уже на ремонт не ходила.

Представители администрации опять пошли по группам, стали уже обещать освобождение от занятий, пригласительные билеты на торжественные мероприятия и всякие другие поощрения и послабления. К новым желающим относились намного бережнее, как к героям, и все обещания были выполнены. А главный корпус к юбилейным дням опять сиял красотой и чистотой. Выгоревшую аудиторию наглухо заколотили и долго восстанавливали потом, но это было уже потом. А праздник прошёл на высшем уровне. Торжественные мероприятия, концерты, встречи сменяли друг друга. В них активно участвовали, их посещали получившие пригласительные билеты, и среди них были те, кто открыто смеялся над первыми добровольцами после того злополучного вечера. Чествовали студентов и сотрудников, бескорыстно помогавших в короткие сроки восстановить здание. Но никого, работавшего в первый день, в этих списках почему-то не было. Правда, наказывать их тоже не стали. И на том спасибо!

9.12.06

Жестокость или милосердие?

1

Так как учительнице нужно было идти на какой-то семинар, то после второго урока третьеклассников отпустили домой. Весело галдя и радуясь неожиданной свободе, дети побежали в раздевалку.

- Пойдём к тебе, поиграем в стрелялки, - предложил Славка.

- Пойдём! - весело согласился Вовка. - Мне отец такой диск купил!

2

Нина Ивановна немного встревожилась, увидев сына в неурочное время на пороге офиса.

- Что случилось?

- Да нас отпустили. Светлана Андреевна на какой-то семинар пошла.

-А почему ты не пошёл домой? Ведь ключ у тебя есть. А, может, потерял?

- Нет, не потерял, вот он. Просто я захотел к тебе.

Мать очень удивилась, но виду не подала. Это раньше, когда сын был поменьше, он с удовольствием прибегал к ней на работу, интересовался каждой мелочью, обстоятельно беседовал со всеми сотрудниками, рассказывал новости, играл на компьютере, бесконечно задавал какие-то вопросы. Короче, устраивал маленький бедлам и нарушал строгую, налаженную деятельность трудового коллектива. Но, благодаря неоднократной объяснительной работе, а, главное, появившемуся дома компьютеру, такие посещения почти прекратились.

И вдруг это: «захотел к тебе». Да и вид у сына был какой-то странный, как будто пришибленный, что ли.

- Ты что, заболел?
- Нет.
- Ну, значит, опять со Славкой подрался.
- Нет.
- А что вдруг случилось?
- Ничего.

Тут зазвонил телефон. Пока мать решала какие-то деловые вопросы, Вовка на удивление тихо снял верхнюю одежду, сел у свободного компьютера, но включать его не стал, а задумчиво уставился в окно.

В кабинет заходили люди, о чём-то беседовали с матерью, она сама звонила куда-то, а Вовка всё сидел, молчал и смотрел в окно. Минут через сорок мать опять обратилась к сыну:

- Вова, да что с тобой? Что произошло?
- Знаешь, мама, там кошка... умирала...

Мать внимательно и сочувственно посмотрела на сына. Вовка был, что называется, «кошачья душа», знал во дворе всех домашних и бездомных кошек, последних даже тайком подкармливал и частенько уговаривал родных и знакомых взять «ну, хотя бы на время» какого-нибудь симпатичного, но бездомного котёнка. Иногда приносил домой. Мать была не против, но два шарпея устраивали бурный протест против новой живности и проявляли такую агрессию, что от затеи завести дома ещё и котика мальчишке пришлось отказаться.

Услышав слова сына, мать хотела сказать что-то утешающее, но тут опять затрещал телефон, рука привычно потянулась к трубке, а Вовка снова уставился в окно.

На обеденный перерыв шли молча. На отдельные вопросы сын отвечал односложно, нехотя. К разговору о кошке больше не возвращались.

Быстренько пообедав, мать опять заторопилась на работу, так как намечался какой-то важный разговор с поставщиками.

3

Когда вечером родители пришли домой, то их безалаберный, частенько безответственный, не очень-то дисциплинированный сын приятно порадовал и удивил. Вовка помыл всю посуду и даже... самостоятельно сделал домашнее задание. На улицу он не пошёл и компьютер не включал, а уселся в своей комнате с какой-то книжкой. Родители незаметно переглянулись: Неужели? Неужели, наконец-то, повзрослел и взялся за ум?

4

После ужина вдруг кто-то требовательно и настойчиво позвонил в дверь. Отец открыл и увидел женщину из соседнего подъезда. Это была довольно вздорная бабёнка, частенько устраивающая какие-то громогласные разборки то с соседями, то с собаками, то с собственными детьми. Вот и сейчас её глаза полыхали праведным гневом, а не в меру покрасневшее лицо говорило о сильных эмоциях, обуревавших её. В руках женщина держала что-то, завернутое в чёрный целлофановый пакет. Вовка, тоже выскочивший на звонок, с ужасом смотрел на это «что-то».

- Ах, вот он! Изверг! - с пол-оборота завелась она. - Вы знаете, кого вы вырастили? Бандита! Убийцу! Вы посмотрите, посмотрите! Это его рук дело!

Она судорожно и брезгливо открыла пакет, показывая что-то бесформенное и окровавленное...

Вовка, белый, как стена, молча смотрел на «это». Отец и мать тоже обескураженно молчали, не находя слов. Наконец, отец пришёл в себя:

- Подождите! Расскажите по порядку, что произошло? И при чём здесь наш сын?

- Ах, при чём? А ещё интеллигентные люди! На джипах раскатывают! Вырастили изверга, да ещё и спрашивают!

Очень эмоционально и бестолково, перескакивая с одного на другое, соседка поведала следующее.

Эта кошка с самого утра истошно орала под окном. Что с ней приключилось, соседка не знала, да и некогда ей было, она ведь не как некоторые, без дела не сидит. А кошка поорёт, поорёт, да и перестанет. Но тут послышались возбуждённые мальчишеские голоса. Соседка всё-таки выглянула в окно и ужаснулась.

Окровавленная, искалеченная кошка лежала посреди дороги, а эти двое, ваш и его дружок закадычный, добивали её камнями.

- Врать не буду, не приучена. Славка-то сначала на церковь перекрестился, а потом камнем её, камнем! Ишь, выродок, ещё и креститься додумался! А ваш-то даже лба не перекрестил, и тоже камнем! Я это так не оставлю! Я ещё завтра в школу схожу!

Отец и мать растерянно молчали, не находя слов. Их Вовка, «кошачья душа», и вдруг убил кошку?! Да этого просто не может быть! Это какое-то жуткое, страшное недоразумение! И при чём здесь церковь, которая, кстати, находилась прямо напротив их дома?

Но Вовка, насупившись, отрешённо молчал, даже как будто не слышал, о чём там кричала взбешённая соседка. Мать потрясла его за плечо:

- Сынок, ты почему молчишь? Скажи, что это не ты! Скажи, что это ошибка, недоразумение...

- Это я... и Славка... мы хотели помочь...

Признание было таким неожиданным и непонятным, что все растерянно замолчали, не зная, что же делать дальше. Молчала даже соседка, бестолково разворачивая и снова заворачивая свою страшную ношу.

А Вовка повернулся и, как-то весь сгорбившись, ушёл в свою комнату. Потом оттуда послышалось приглушённое отчаянное рыдание.

Наконец, опомнившись, отец выхватил пакет у соседки из рук и неожиданно твёрдо сказал:

- Мы разберёмся. Спасибо, что сообщили.

Не очень церемонясь, он почти насильно вытолкнул её на площадку и захлопнул дверь. И соседка, как ни странно, удалилась, не произнеся ни звука.

5

Вовка лежал на диване и, беспомощно всхлипывая, даже постанывая, словно от нестерпимой боли, безутешно плакал. Нина Ивановна сидела рядом, тихо гладила его по голове и молчала. А он плакал... плакал... плакал...

И только немного успокоившись, стал рассказывать:

- Мы со Славкой после школы сначала пошли к нам поиграть в стрелялки. И на дороге увидели эту кошку. Её, наверно, машина переехала. Она так кричала! Мы хотели её перевязать, но у неё позвоночник был сломан. Мамочка, она так мучилась и плакала! У неё

слёзы из глаз катились! И тогда Славка сказал, что она уже не жилец.

- Давай мы ей поможем умереть, чтоб она так не мучилась. Всё равно ведь не выживет.

Он нашёл камень и сказал, что надо переkreститься, потому что это помощь, а не убийство. Сначала он ударил сам, а потом сказал, что я тоже должен ударить. И я ударил. Она сразу перестала кричать. Мы хотели её похоронить и пошли к Славке за лопатой. А когда принесли лопату, кошка уже исчезла. Тогда Славка пошёл домой, а я пошёл к тебе.

6

Все долго молчали. Потом отец вышел в коридор и достал из кладовки лопату. Этой лопатой каждую весну он вскапывал клумбы возле подъезда, а мать - большая любительница цветов - высаживала собственноручно выращенную цветочную рассаду. Цветы потом частично затапывались людьми и собаками, но оставшаяся их часть к осени разрасталась и цвела так буйно и красиво, что все только ахали и говорили, что вот уж на будущий год надо бы всем собраться и вскопать все клумбы во дворе. Вон у Нины Ивановны рука-то какая лёгкая на цветы. Красота!

Когда мать увидела отца с лопатой, то молча освободила коробку из-под недавно купленных сапог и постелила туда старое чистое полотенце, а Вовка осторожно уложил останки несчастной кошки. Коробку закрыли и также молча вышли за дверь.

...Все трое долго стояли над свеженасыпанным холмиком земли. У матери и сына по щекам текли слёзы...

19.02.07

Светочка

1

Школу Светочка окончила на твёрдые четвёрки. Но жили они с матерью более чем скромно, поэтому об институте не приходилось и мечтать. Разве что только на какие-нибудь курсы поступить. Но мама часто болела, и девушка сказала:

- Нет, сначала пойду, поработаю, а там видно будет.

Жаль только, что выбор-то работы в деревне не богат. А, значит, идти Светочке на ферму дояркой. И тут совершенно неожиданно пришло письмо от тёти Кати, в котором она приглашала Светочку к себе в город.

«... Уж в медицинское-то училище ты, наверняка, поступишь, - писала тётя Катя, - и, я уверена, закончишь его, ты ведь у нас девочка серьёзная и трудолюбивая. А жить будешь у меня. И мне веселей, и вам не накладно. Так что приезжай. Это всё-таки лучше, чем навсегда остаться в деревне».

Тётя Катя была единственной сестрой отца, умершего десять лет назад. Они давно уже не виделись и даже не переписывались. И вдруг это приглашение! Светочка и мама сразу решили: надо ехать. Девушка собрала свои нехитрые пожитки, от души поплакала на плече у рыдающей матери и уже через два дня нерешительно позвонила в почти незнакомую дверь.

2

Так случилось, что в свои пятьдесят лет тётюшка осталась совсем одна. Своих детей не имела, да и никогда не стремилась иметь. Но с возрастом вдруг стало ей одиноко. Тут и вспомнила она маленькую послушную

девочку с голубыми, испуганными глазами и смешными тонкими косичками, вспомнила, с каким восхищением глядела малышка на городскую тётушку, как старалась предугадать каждое её желание. Вот после долгих раздумий и решила тётя Катя позвать племянницу к себе. Всё-таки единственная родная кровиночка.

Она оказалась права. В училище Светочка поступила легко. Даже стипендию ей назначили. А через некоторое время племянница и тётушка привязались друг к другу и стали жить, как говорится, душа в душу. Светочка была искренне благодарна тёте Кате. С детства не привыкшая сидеть праздну, она охотно помогала во всех домашних делах, и постепенно всё нехитрое хозяйство маленькой уютной квартиры оказалось на её плечах. Но разве сравнить эти городские хлопоты с суровой деревенской жизнью?

3

Светочке нравилась её будущая специальность, училась она хорошо и с большой охотой. Скромную, трудолюбивую, неконфликтную девушку во время практики в больнице заметила главврач Надежда Трофимовна, давняя знакомая тёти Кати, и поэтому после окончания училища проблем с трудоустройством не возникло. Более того, однажды Надежда Трофимовна пригласила её в кабинет и попросила не в службу, а в дружбу, отнести лекарство её матери, проживающей в частном секторе, неподалёку, и, если не трудно, то поставить маме укол, «у тебя рука лёгкая, вон все больные не нахвалятся». Светочка, конечно же, согласилась. Но когда пришла по указанному адресу, то встретила её не старая больная женщина, а её младший сын, симпатичный чернявый паренёк. Заметно смущаясь, он ска-

зал, что его зовут Толик, что мама себя плохо чувствует, и пригласил девушку в дом. Светочку поразили неухоженность и запустение, царившие внутри, здесь сразу чувствовалось отсутствие настоящей хозяйки.

Толик, извиняясь за беспорядок, пояснил, что мама у него очень старенькая, Толика она родила, когда ей было далеко за сорок. Мама часто и подолгу болеет. Старшая сестра, Надя, уже давно живёт отдельно, у неё своя семья, двое сыновей-погодков, Алик и Эдик. И, конечно, ей просто некогда приходить сюда часто, чтобы навести хоть какой-то порядок.

Светочка напоила больную лекарством, поставила укол. Толик вскипятил чай и пригласил девушку к столу. Они долго тихонько, чтобы не разбудить задремавшую мать, разговаривали. Найдя в Светочке внимательного, заинтересованного собеседника, паренёк бесхитростно рассказывал о матери, о её бесконечных болезнях и о возникавших в связи с этим проблемах. Странно, но Светочка чувствовала себя как-то по-особенному уютно за этим негромким, откровенным разговором и сама, в общем-то не очень разговорчивая, вдруг стала рассказывать о матери, о деревне, о тёте Кате. За разговорами они не заметили, как наступил вечер.

Домой Светочка словно на крыльях летела. В её душе творилось что-то такое, чему не было ни объяснения, ни названия. И даже нудный осенний дождь не мог остудить её разгорячённых щёк.

4

А через два дня Толик пришёл к ним в гости с букетом цветов и... сделал предложение. Тётя Катя почему-то ничуть не удивилась, а тут же сама (!) броси-

лась накрывать на стол, повторяя, что Светочке очень повезло и как она рада за свою кровиночку.

На свадьбе мать жениха, посидев с полчаса за общим столом, тихонько ушла в свою комнату.

- Ох, не жилец Настасья, не жилец, - скорбно поджимая губы, шептались сердобольные соседки, - хорошо, что Тольку оженить успела, хоть будет теперь кому воды ей подать. Надька-то совсем про мать забыла.

Надежда Трофимовна, уловив момент, отвела Светочку в сторону и стала говорить ей, что просто счастлива, что именно такую жену, умную, красивую, трудолюбивую, она всегда желала своему брату и что они с Толиком очень подходят друг другу.

- Я верю, что ты никогда не обидишь ни брата, ни маму. Конечно, мамочка очень болеет, и тебе будет трудно. Но даю честное слово, что если вы скрасите её последние дни жизни, то я никогда не буду претендовать на наследство, хоть и выросла в этом доме. Мы уже давно с Толиком так решили, что всё: и дом, и хозяйство, и папина машина - достанется тому, с кем будет жить мама.

Светочка клятвенно обещала, что маму они никогда не обидят, что она, Светочка, уже сейчас любит её как родную и сделает всё, от неё зависящее, чтобы маме всегда было хорошо. И свадьба продолжалась...

5

Надо сказать, что Толик оказался действительно хорошим мужем и рачительным хозяином. Как только узнал, что ожидается наследник, тут же с энтузиазмом принялся строить новый дом, вслух мечтая о том, как свободно и хорошо будет в нём его детям. Светочка не

могла нарадоваться на мужа и, конечно же, во всём помогала ему. На задуманное не хватало денег и тогда, посоветовавшись с тётёй Катей и Светочкиной мамой, продали домик в деревне, а будущую бабушку забрали к себе в город. Правда, место для её раскладушки нашлось только на кухне, но «в тесноте, да не в обиде» - повторял Толик.

Его мать по-прежнему болела, в общих хлопотах не участвовала, порой целыми днями не выходила из своей комнаты. Изредка заходили к ней соседки, такие же бабули, пили чай, вспоминали свою молодость и тех, кто уже давно покинул этот мир. О Светочке свекровь всегда отзывалась уважительно, рассказывала, какая у неё заботливая, трудолюбивая невестка, «да и сватьяшка тоже хорошая, слава тебе Господи». По дому она, конечно, ничего не делала, да ей никто и не позволил бы, зная её болезненное состояние. Когда здоровье её ухудшалось, Светочка, работавшая уже старшей медсестрой, поила её лекарствами, ставила уколы, готовила специальную еду, а Толик каждый раз говорил, что как это хорошо, что свой специалист в доме, что не надо теперь так часто вызывать «скорую». Светочка в ответ смущённо и счастливо улыбалась и с утроенной энергией выполняла все домашние дела. В общем, жили они, хоть и трудно, но дружно, согласно. Поднимались стены нового дома, а Толик уже планировал, какую шикарную баню он построит, какой у них будет замечательный гараж. И во всех его планах и трудах главными помощниками были Светочка и её мама.

6

... Шли годы. Первым родился Вася, потом - Наденька. Когда Вася пошёл в первый класс, Светочкина мама вдруг упала на грядку в огороде и через два дня

тихо умерла. Светочка тяжело переживала утрату, но рядом всегда был муж, внимательный и всепонимающий. Свекровь, как всегда, болела и в дела молодых, как и в их заботы, не вникала. Наденьку пришлось отдать в садик. Тётя Катя, правда, предлагала свою помощь, однако Светочка с благодарностью, но решительно отказалась. Она разрывалась между работой и домом, а Толик утешал: «Ничего, вот отстроимся, тогда полегче будет».

... Так они и жили, заменяя одни проблемы другими, но решали их вместе, согласованно и были этим счастливы. Незаметно выросли дети. Уже давно были построены и дом, и баня, и гараж, куплена новенькая автомашина. А свекровь всё также болела и почти не выходила из своей комнаты. Её дочь, Надежда Трофимовна, очень редко навещала свою мать, объясняя это ответственной работой и домашними хлопотами, а давно выросшие и обзавёвшиеся своими семьями внуки Алик и Эдик уже несколько лет вообще не видели бабушку, хоть и жили в этом же городе.

7

... Беда пришла внезапно. Толик, заядлый охотник и рыболов, отправился на осеннюю рыбалку с друзьями и... утонул. Светочка, спокойная, красивая, уверенная в себе сорокалетняя женщина, за один вечер превратилась в старушку. Она потерянно, как во сне, ходила из комнаты в комнату, по нескольку раз задавала одни те же вопросы и, не выслушав ответов, снова металась по комнатам, словно искала что-то или кого-то, с трудом понимая, что происходит. Все похоронные хлопоты взяли на себя Алик и Эдик. Они куда-то уезжали, приезжали, с кем-то договаривались, что-то решали.

Студенты, Вася и Наденька, учились в другом городе и приехать смогли только в день похорон.

Свекровь на кладбище, конечно, не поехала. Узнав о гибели сына, она заперлась в своей комнате, категорически отказываясь разговаривать со Светочкой. Надежда Трофимовна не отходила от неё. Перед выносом гроба Алик и Эдик подчёркнуто осторожно вывели бабушку попрощаться с сыном. Она долго шептала что-то, поправляя то накидку, то цветы, но, к великому удивлению собравшихся, не проронила ни слезинки. Потом внуки также осторожно почти отнесли бабушку в её комнату. Надежда Трофимовна на кладбище тоже не поехала, осталась с матерью.

8

Дня через три Алик и Эдик пришли снова и сразу же прошли в комнату бабушки. О чём-то долго говорили с ней. Светочка, погружённая в горе, готовила обед для детей и свекрови. Васи и Наденьки не было дома, они с утра пошли к тётке Кате, которую искренне любили и уважали. Когда внуки вышли от бабушки, Светочка уже накрыла на стол и пригласила племянников пообедать. Но будто не слыша её, Алик и Эдик вышли во двор, о чём-то поговорили там, потом зашли в баню, в гараж, долго осматривали новенький, недавно купленный джип, при этом, похоже, даже поспорили о чём-то. Светочку неприятно удивило их такое странное поведение. А мужики по-хозяйски вошли в дом и стали дотошливо осматривать комнаты, подчёркнуто не замечая присутствия Светочки.

- Алик, Эдик, вы что это? - тихо спросила она, - хозяйка вас обедать зовёт, а вы как будто и не слышите.

- Какая хозяйка? - как будто даже удивились племянники, - Хозяйка вон в соседней комнате лежит. И это, кстати, наша родная бабушка.

- Да вы что, ребята! Опомнитесь! Я живу здесь больше двадцати лет. И вы же знаете, что дом этот мы с Толиком строили. Это наш дом: Толика, мой, Васи, Наденьки и бабушки. О чём вы говорите?

- А то вы не знаете! По документам всё это принадлежит как раз не вам, а только нашей законной бабушке. А вы-то сюда пришли на всё готовое. Мы, конечно, не против Васи и Наденьки. Если бабушка упомянет их в своём завещании, то половина всего тогда и им отойдёт, но вторая-то половина наша, законная! Вот мы и смотрим, что к чему, чтоб потом не оказаться у разбитого корыта.

Светочка онемела. А ведь и действительно всё здесь по документам принадлежит свекрови. Даже новенький джип. Когда Толик оформлял документы, то мимоходом объяснил, что сестра посоветовала ему всё записывать на маму, налоги меньше платить. Светочка всегда верила своему Толику как себе и поэтому даже не вникала во все эти документальные тонкости.

- Пойдите, а как же я? - прошептала она непослушными онемевшими губами. - А я-то куда? А дети?

- Ну, если Наденька и Вася нашего роду-племени, то уж, наверное, бабушка про них не забудет. Хотя очень странно: бабушка лежит при смерти, а они по гостям разгуливают. Какая-то чужая тётка им дороже родной бабушки. А вы... У вас же есть тётя Катя, да и Вася с Наденькой, наверное, вас не бросят, - отведя глаза в сторону, пробормотал Алик.

- И потом мама говорит, что вы ещё молодая, можете запросто устроить свою судьбу. Да и мы не та-

кие уж бессердечные, на улицу вас не выгоняем. Бабушка к вам привыкла, так что живите пока, - ухмыльнулся Эдик. - кстати, бабушке пора уже ставить укол, да и прибраться там не мешало бы, пол в её комнате уже второй день не мыт.

12.12.08

Мерзавец

Это была довольно необычная пара. Он - веселый, общительный, заводной, душа любой компании, рубаха-парень, да к тому же еще и не обделенный особой мужественной красотой. И Она - совсем не красавица, молчаливая, застенчивая, легко краснеющая от любого пустяка, в общем, этакая тихая серая мышка. Она открыто обожала Его и Он снисходительно принимал это как должное...

Когда выяснилось, что Она беременна, Он сказал категорично и прямо "нет" - "нет" будущему ребенку и "нет" вообще их отношениям и... благополучно исчез из ее жизни. Она же тихо плакала по ночам, пробегала по общежитию, опустив глаза, и даже соседкам по комнате почти ничего не стала объяснять. Их бурное негодование как-то быстро испарилось, не получая поддержки с ее стороны...

Когда появился малыш, общественность в лице все тех же соседок по комнате проявила активность. Ей, как матери-одиночке, дали комнату в соседнем общежитии, и жизнь неспешно потекла дальше.

Со временем как-то так получилось, что Он опять стал заходить к девочкам в комнату уже в качестве общего знакомого и приятного собеседника. Обычная, в общем-то, история...

Прошло несколько месяцев... Однажды Ей срочно нужно было отлучиться по делам и бывшие соседки охотно согласились посидеть с малышом. Они принесли его к себе в общежитие и, движимые самыми благородными чувствами, конечно, тут же придумали повод, чтобы пригласить несостоявшегося отца в гости..

- Это чье же такое прелестное дитя? - воскликнул Он, войдя в комнату. Тайком переглянувшись, девочки назвали имя одной из молодых мамаш, живущих в общежитии. Весело болтая, Он стал забавлять малыша. Не без старания девушек ребенок оказался на руках отца, который забавно корчил рожицы и смешил "прелестное дитя"...

Тут открылась дверь и вошла Она. Молча и растерянно смотрела Она на смущенных, счастливых девочек и на Него со смеющимся ребенком на руках... И вдруг Он увидел ее изумленные глаза и все понял. Целая гамма чувств пронеслась по его лицу и, наконец, остались самые главные: отвращение и брезгливость...

Взглянув на ничего не понимающего малыша, как на что-то ужасное и мерзкое, и передернувшись так, словно его сейчас стошнит, он швырнул ребенка на первую попавшуюся кровать и, громко матерясь, выскочил за дверь...

Больше он в эту комнату не приходил...

1997 а.

Землянка

Когда мне исполнилось четыре года, мы переехали из деревни Каменки в районный центр, город Боготол Красноярского края. Несколько месяцев жили на казённой квартире, пока перевезли и поставили наш деревенский домик на улице Дубровиной. В то время эту улицу только «нарезали», то есть раздали людям участки для строительства по чётной стороне. И почти все дома строились в одно время. Нечётная, противоположная, сторона пустовала ещё лет десять. Из окон была видна дорога, за ней - картофельные поля, а дальше - лес. Там росло очень много боярышника, и в детстве мы часто бегали туда лакомиться ягодами. Дальше, за лесом, видимо, находился военный аэродром. Потому что оттуда часто взлетали самолёты и с жутким гулом пролетали над нашими домами, казалось, ещё немного и зацепят крышу. Мы с братом (мне было четыре года, ему - два) очень боялись и, услышав надвигающийся гул, почему-то с криками «Шлём! Шлём!» со всех ног бежали домой и прятались под кроватью. Продолжалось это не очень долго. Аэродром куда-то потом переехали.

Но много лет мне вспоминается вот такая история. Вспоминается и занозой сидит в сердце. В пятидесятых годах, когда мне было уже лет шесть, напротив нашего дома, через дорогу, вдруг появилась... землянка. Я не помню, как она появилась, кто её копал. Но в самую стужу, как нам показалось, вдруг появился заснеженный бугорок, из которого боязливо поднималась струйка дыма. Возможно, в землянке жили и раньше, но так затаённо, что мы, дети, даже и не подозревали об

этом. А вот родители и соседи, наверняка, знали о её жильцах побольше, но все молчали.

Однажды моя мама налила в бутылку молока, завернула в тряпочку большой кусок сала, дала всё это мне, подвела к землянке и сказала, что там есть такая же девочка. Так вот я могу пойти и поиграть с ней, а молоко и сало нужно отдать её маме. Мне было очень боязно, но ещё больше разбирало любопытство. Я решительно подошла к землянке и постучала в дверку. Кто-то открыл дверь. Вниз вели земляные ступени. Там жила семья калмыков: муж, жена и девочка моих лет. Уже не помню подробностей, но помню, что меня очень поразил их внешний вид. Ни до этого, ни после я не видела калмыков. Необычные черты лица, странный разрез глаз...

Приняв гостинец, женщина стала кланяться и что-то быстро говорить на непонятном мне языке, делая руками приглашающие жесты. По-русски все они говорили очень плохо. Девочка, худенькая и болезненная, сидела на подобии топчана, закутанная в какие-то тряпки. В землянке было почти темно, сыро, пахло дымом, чёрные земляные стены и пол. Игрушек тогда и у нас-то почти не водилось, а у девочки их не было совсем. Только какие-то чурбачки и тряпочки. Я провела там немного времени, но впечатление осталось самое ужасное. Я не понимала, как можно жить в таких условиях, было до слёз жаль их, а особенно, девочку. Будучи очень впечатлительным ребёнком, придя домой, я потом долго плакала и всё спрашивала маму: «Мама, почему они там живут? А мы не будем жить в землянке? Никогда, никогда?».

Больше меня туда не посылали, но всю зиму я выглядывала в окно и видела струйку дыма среди суг-

робов. Ближе к весне дымок пропал. И с тех пор никто из родных и соседей даже не намекнул о них, а все мои расспросы пресекались в корне, но однажды промелькнуло слово «ссылные». Иногда мне кажется, что всё это мне только приснилось. И только останки землянки подтверждали, что там жили люди. Это в Сибири-то зимой, в лютый холод и мороз!

август 2007 года

Смерть Сталина

Это была довольно своеобразная семья. Отец семейства работал в железнодорожном депо и получал по меркам того времени совсем неплохо. В день, когда он приносил получку или аванс, все члены семейства сначала с нетерпением ждали, выглядывали, когда же он придёт и принесёт деньги, потом жена Липа торжественно раздавала долги и... бежала в магазин, без разбору покупая всё, что под руку подвернётся, и обязательно (!) спиртное. Ну, а потом начиналась гулянка и бесконечно повторяемое: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...». Заканчивалось это бесшабашное веселье почти всегда одинаково. Отец начинал гонять жену и детей, жена громко голосила и с детьми убегала прятаться к соседкам. Пьяный хозяин хватал, что под руку попадётся, и бегал по соседям, угрожая всем и вся. Шум, гам, крики...

Как ни странно, ни жена, ни соседи никогда не вызывали милицию. Жена всегда защищала мужа, который потом полмесяца был тише воды, ниже травы, объясняла такое буйство тем, что мужа контузило на войне, и ему совсем нельзя пить. А потом ждали следующей зарплаты или аванса, занимая везде, где можно, и... всё повторялось сначала.

Старшая девочка, Нина, воспитывалась в деревне у бабушки, так как являлась падчерицей дяди Матвея. В город она приезжала один раз и очень удивила соседских детей тем, что своих дедушку и бабушку называла только мамашкой и папашкой, а родную мать - тётей Липой.

После Нины шла Надя, потом в начале года родилась Зина, но родители очень уж хотели сына, и в

конце этого же года родился Андрей. Вот уж где был праздник, о котором потом много лет вспоминала вся улица! Счастливый папаша не поскупился!

Однажды, когда Андрею было месяцев десять, (не в день аванса и получки!) соседи вдруг услышали громкие крики и плач с их двора. Липа, растрёпанная, опухшая от слёз, голосила, как по мёртвому, истерически выкрикивая что-то. Перепуганные ребятишки громким рёвом поддерживали её, Матвей тоже размазывал по щекам слёзы и что-то бубнил себе под нос.

Насилу люди поняли, что голосила она по... Сталину. «Ой, как же мы теперь без тебя жить-то будем, отец наш родной!» - и всё в том же духе. О смерти Сталина уже сообщили по радио, но хорошо помню, что другие соседи и окружающие отнеслись к этому очень сдержанно. Люди, конечно, были обеспокоены, но предпочитали молчать и ждать. И вдруг такая бурная реакция! Но больше всего поразило людей то, что она вдруг стала кричать: «Да лучше бы наш Андрюшка умер, чем ты!». И муж, весь в слезах, тоже поддакивал ей. Вот тут уж никто не стал им сочувствовать, и, видимо, поняв это, убитые горем папаша и мамаша ушли рыдать в дом.

Лет через десять Матвей окончательно спился, а сын их вырос, женился и однажды... погиб в пьяной драке.

ноябрь 2007 года

Взрыв

Это была замкнутая и уже довольно пожилая чета. Они не очень-то жаловали окружающих, особенно, хозяин. Однажды, в минуту откровения, он сам кому-то и рассказал, что до войны отбывал срок, а когда началась война, то специально что-то натворил, чтобы не попасть на фронт после освобождения. Срок ему продлили, и всю войну он провёл в местах, не столь отдалённых. Разумеется, эта история не добавила ему уважения у соседей.

Детей у них долго не было, но, наконец, появился Вася. Однажды проходящая по улице цыганка сказала его матери, что «твой пацан не доживёт и до десяти лет». Для них это была настоящая трагедия. Уж как они его берегли и лелеяли! К счастью, десятилетний рубеж он всё-таки пережил и выжил, и вырос, женился, сейчас у него уже двое давно взрослых дочерей.

Работал сосед шофёром в автороте, каждый день что-то привозил и, довольно посмеиваясь, нёс или перемещал домой. Дровами, углём, сеном (основная головная боль всех жителей частных домов), - они всегда были обеспечены в избытке. Но он всё что-то вёз и вёз, и вёз.

И вот однажды часов в десять утра вдруг послышался звук, очень похожий на взрыв, донёсшийся из их дома. Встревоженные соседи бросились туда, несмотря на злобную собаку. Уже на крыльце их встретили хозяин с хозяйкой, какие-то закопчённые, растерянные, но в дом никого не пустили, уверяя, что у них всё в порядке. И лишь потом, спустя довольно продолжительное время, хозяйка по секрету кому-то рассказала, что же произошло в тот страшный день.

Она стряпала на кухне. Десятимесячный Витя находился рядом. Она подкинула дров в печку и отошла зачем-то к окну. А ребёнок, к счастью, выполз из кухни. И тут раздался взрыв. Кастрюли, сковородки, обломки печной плиты разлетелись по кухне, разворотило топку и закоптило весь дом...

Мир слухами полнится. Позже узнали соседи и начало этой истории. В ближайшей деревне жила-была семья. Мать, детишки, мал мала меньше, и отец-инвалид. Он с войны пришёл без руки. Но мужик серьёзный, работающий, изо всех сил тянулся, чтобы не стать обузой в семье, а быть полноценным отцом, кормильцем, хозяином. Так, сделав специальное приспособление, он в одиночку пилил деревья на дрова, распиливал их, колол и складывал в аккуратную поленницу неподалёку от дороги, чтобы легче было потом вывозить. И деревенские, и даже городские, знали, чьи это дрова, и несколько лет никто не посягал на них. Но однажды дрова пропали. На следующий год - опять. И тогда хозяин привсенародно поклялся, что ворюга его ещё попомнит. А на третий раз и произошёл вышеупомянутый взрыв.

сентябрь 2007 года

Тройчата

(быль времён Гражданской войны)

На самом-то деле сначала их было четверо. За всю историю деревни это был единственный случай, когда народилось сразу четверо близнецов. Но самый слабенький умер через несколько дней, не успев получить даже имя. А два мальчика и девочка, можно сказать, чудом, но выправились, выжили и стали расти-подрастать, как и все деревенские ребятишки. И стали их называть Тройчата. Это, когда вместе, а каждый по отдельности стал Тройчонок: Зойка Тройчонок, Колька Тройчонок и Мишка Тройчонок. Даже их старшего брата Ивана, который и был-то старше всего на год, со временем тоже стали так называть:

- Это чей Ванька-то?
- Да который Тройчонок.
- А-а, понятно...

Когда началась Великая Отечественная, вся мужская часть семьи - отец и трое сыновей - ушли на фронт. Позднее на Ивана и Николая пришли похоронки, а отец сгинул, пропал без вести. Домой вернулся только Михаил, весь израненный, но живой. И мать, и бабка к тому времени уже умерли. Так что встречала его только сестра. Вскоре они завербовались и уехали куда-то. Первое время приходили весточки, что Тройчата обзавелись своими семьями, у каждого из них появились свои Тройчонки. Но постепенно связь оборвалась. По-забылась даже их фамилия. Однако, стоит кому-то сказать-вспомнить: «Тройчата... Тройчонок...», и тут же обязательно кто-нибудь расскажет одну, можно сказать, судьбоносную для всей деревни историю, связанную именно с ними.

Шла Гражданская война... Это было очень тяжёлое, кровавое время... Красные... Белые... Кто прав?... Кто виноват?... Как понять это малограмотному или совсем неграмотному крестьянину, который, как его деды и прадеды, умел возделывать землю, растить детей и хлебушко, и вдруг попал в такую мясорубку, где практически одинаково страдал, как от одних, так и от других, не совсем понимая, а чего же хотят от него?

Колчаковцы в деревне появились неожиданно. Они ввалились в первую хату, стоявшую немного на отшибе, почти у самого леса. С первого взгляда было ясно, что ничего хорошего их появление не сулило. Пожилая простоволосая женщина, негромко вскрикнув, на миг оцепенела, а затем раскинула руки перед незванными гостями, словно могла кого-то защитить, и, медленно отступая к кровати, бессвязно забормотала:

- Сыночки!... Не берите грех!... Не берите грех на душу!... Не простится вам это!... Видит Бог, не простится!

Когда же мужики рассмотрели в полутёмной хате, что она так отчаянно защищала, то буквально остолбенели... На кровати, прикрытая какой-то дерюжкой, лежала молодая женщина, почти ребёнок, с измученным, обескровленным лицом. В её ногах сидел годовалый пацан и, весело гукая, с любопытством рассматривал неизвестно откуда появившихся странных дядек. А у стенки, прикрытые только рукой юной матери, лежали четыре неправдоподобно маленьких кулёчка с новорожденными младенцами. Они вертели игрушечными головёнками и тихонько попискивали, разевая беззубые крохотные ротки...

Увидев изумлённые и растерянные лица незваных пришельцев, бабка заголосила-запричитала ещё иступленнее:

- Пощадите!... Не губите невинные души!... Вчера только Бог дал!... Страшный грех это: обидеть их!... Али на вас креста нет?!

Мужики ошалело тарасились на кровать и... молчали. И тут Ванюшка, напуганный причитаниями бабушки, громко заплакал. Колчаковец, стоявший впереди всех, вздрогнул, громко и грязно выругался, добавив:

- Ладно... Живите...

Явный общий вздох облегчения послышался сзади. Пятясь и толкаясь, все быстро покинули хату. И только потом стало известно, что приходили они сюда с конкретным заданием и вполне определённой целью: спалить деревню. Чем уж она перед ними так провинилась, никто так толком и не понял, но, спустя и десятки лет, всем, приезжавшим в деревню, рассказывалась эта история, почти легенда, о том, как Тройчата спасли Лебедёвку, и, только благодаря им живёт она и по сей день.

16.09.05

Илюха

((быль времён Гражданской войны))

Илюха - смышлёный, стеснительный деревенский паренёк, этакий крепкий сибирский мужичок шестнадцати лет от роду, только-только входящий в пору первой влюбленности, но уже хорошо знающий все тяготы нелегкого крестьянского труда, известного ему с детства...

...Колчаковцы так внезапно вошли в Каменку, что Илюха и такие же бедолаги, как он, не успели даже спрятаться... История не сохранила подробностей, как он оказался в рядах "истинных защитников". То ли его, как и сверстников, просто мобилизовали, то ли взяли проводником, потому что, как настоящий сибиряк, он хорошо знал и любил тайгу, и все окрестные тропы были для него открытой книгой.

А так как о его желании почему-то забыли спросить, то тут же нашлись добровольные сторожа, взявшие приглядывать за ним, чтобы "мальчонка случаем не убеж..." И, когда Илюха по малой нужде попытался пойти в кусты, охранники тут же окружили его и гаркнули:

- Куда?!

Смущаясь, паренек объяснил, куда... Мужики заржали:

- Ах, ты какой нежненький! В кустики ему захотелось! Делай здесь, при всех, как мы!

-Дядечки, родненькие, да стыдно мне при всех - то... И никуда я не убегу, вот те крест!

Но это еще больше раззадорило мужиков, и скоро уже весь отряд знал, что появился среди них дефективный, малахольный, который, видите ли, стесняется

как девка... и т.д. и т.п. Теперь уже подспудно за ним следили все...

А он... Чистая цельная детская натура не могла допустить такого поганства... Ну, не мог он при всех!

Из колчаковского отряда он все-таки убежал...

Много лет спустя, его сестра, а моя бабушка Лена, рассказывала:

- Братка всегда был добрый, ласковый. Нас, девок, никогда не забижал.. А как забрали его колчаковцы, вот мы поплакали-то, думали, уже и не увидимся - страшное время-то было... Только появился он дня через три. Как увидели мы его, так и ахнули: в гроб краше кладут... Да и недолго он, бедный, помаялся, через неделю помер. Лекарь сказал, что мочевоy пузырь надорвался... Жалко братку-то, ох, как жалко...

март 1998 г.

После Великой Отечественной

(воспоминания)

Кто-то, возможно, спросит, какие могут быть воспоминания у ребёнка, родившегося через три года после окончания Великой Отечественной войны? У ребёнка, жившего в небольшом сибирском городке, который никогда не подвергался бомбардировке, мирные жители которого не видели воочию фашистов, не провожали бесконечные вереницы людей с нашитыми жёлтыми звёздами в никуда, которые при первых звуках сирены не бежали, бросив всё, в ближайшие бомбоубежища, бессонными ночами не прислушивались к бесконечной канонаде.

Что может вспомнить такой ребёнок? А вот тут судить вам, а не мне.

1. Очередь за хлебом

Самое первое и самое яркое воспоминание детства - это очереди за хлебом. Мне тогда было четыре года, а брату - два. Карточки на хлеб к тому времени уже отменили, а вот очереди...

Отец поднимался в четыре часа утра. Наскоро перекусив и выпив чаю, он шёл в ближайший магазин занимать очередь. А к восьми часам ему нужно было идти на работу. К этому времени мама поднимала нас, хныкающих и невыспавшихся, умывала, кормила, и мы шли на смену отцу.

Он сообщал нам номер очереди, записанный химическим карандашом на ладони, затем громко объяснял стоящим сзади, что это вот и есть его семья, на которую он занимал очередь и о которой он их предупре-

ждал. Только тогда мы равноправно вливались в это временное сообщество, а отец уходил на работу.

У магазина уже не просто стояла, а клубилась огромная толпа: женщины, дети, старики. Стояли здесь и мужчины, почему-то всегда уже успевшие подружиться и «сообразить». Кто-то вязал носки, кто-то монотонно и однообразно рассказывал всем желающим каждый день одно и то же о тяжёлой, беспросветной жизни и о погибших кормильцах. Тут же завтракали, матери кормили грудничков. Однажды женщины, собравшись в кружок, даже пели песни.

Ближе к обеду подвозили хлеб. Он мог быть белым, пшеничным, ржаным или пеклеванным. Что означает это слово, не знаю до сих пор. И тут начиналось настоящее светопреставление. Очередь «строилась», и дети, несмотря на их слёзы и протесты, также запикивались в неё. Ведь норма продажи - булка в руки, иногда полторы. И тут уж бдительно считались даже наши детские ручонки. Огромная очередь выплёскивалась далеко за пределы магазина. Слышались бесконечная ругань и выяснения, кто здесь стоял, кто не стоял. Чем ближе к прилавку, тем ожесточённее проходили баталии, ведь первые обычно занимали очередь с вечера.

Добровольные блюстители порядка торжественно закрывали двери и, не дай Бог, если кто-то в этот момент отошёл по делам или просто зазевался, а его честно выстоянная очередь оказывалась внутри магазина. «Занимай снова!» - вот и весь сказ.

Тут-то и вступал в своё решающее действие номер, написанный на ладони. Когда очередной, распаренный счастливый обладатель хлеба выбирался из магазина, только этот номер очереди служил находящемуся на улице законным пропуском туда, ближе к

хлебу. Причём, с завидным постоянством находились «любители» подделать этот несчастный номер, и с таким же завидным постоянством они тут же вычислялись почти сроднившейся за полдня толпой и торжественно изгонялись из её временно дружных рядов. А иногда даже маленько избивались под одобрительные возгласы окружающих. Драки, смех, ругань, маты...

Как только очередь добровольного наблюдающего исчезала в магазине, ему тут же находилась достойная смена, желающих почему-то всегда было больше, чем нужно. Купленный хлеб расходовался очень экономно и растягивался на несколько дней. Если хлеба на всех в магазине не хватало, а такое частенько случалось, то на следующий день всё повторялось сначала.

Однажды, когда моя счастливая мама, держа на руках братишку и подталкивая вперёд меня, сказала продавщице: «На троих», та вдруг заартачилась:

- Нет, только на двоих! Пацан маленький, он не считается!

- Как это не считается? Он ведь тоже полдня толкся в этой очереди!

- А вот так! Не считается и всё! Да он и хлеба-то столько не съест! Бери на двоих и уходи! Не мешай работать!

Толпа загудела. Одни, с малыши на руках, истерично закричали:

- На всех! Давайте на всех!

А стоящие без детей, конечно, приняли сторону продавщицы:

- Не давать! Не давать! А то соберут всех соседских сопляков и хапают, хапают!

Честно говоря, было и такое. Иногда, купив хлеба по своей очереди, матери по договорённости тихонько

передавали своих детей соседям или родственникам, стоящим сзади. Ребёнка ведь легче подсунуть в очередь, у него нет номера на ладони, а научить громко называть соседку или тётю мамой, чтобы купить лишнюю булку хлеба, было не так уж и сложно. Один-два раза это могло сработать.

Короче, продать хлеб на братишку нам категорически отказались, несмотря на горячие заверения сочувствующих знакомых:

- Да её это пацан, её!

Это был первый и последний раз в жизни, когда я видела, как громко и безутешно плакала несчастная мама, как истошно кричал перепуганный братишка. А вокруг были глаза, глаза! Одни - заплаканные, несчастные и сочувствующие, другие - озлобленные, торжествующие и довольные. А вечером, рассказывая о прошедшем отцу, мать в сердцах сказала братишке слова, о которых жалеет до сих пор:

- Видишь, Петенька, хлеба на тебя не дали, значит, и кормить тебя не будем.

Двухлетний братишка не очень-то и понял, о чём она говорит, а вот со мной случилась ужасная истерика, после которой я несколько дней не могла подняться с постели.

2. Инвалиды

Наш небольшой сибирский городок Боготол во время войны, разумеется, находился в глубоком тылу, поэтому несколько школ были отданы под госпитали. Конечно, когда я, послевоенный ребёнок, уже стала осознавать себя, школы опять были школами, а госпитали перевели в другие города. Но в Боготоле осталось

много инвалидов. Одним просто некуда и не к кому было возвращаться. Другие не хотели стать обузой в своих семьях. А кому-то уже было всё равно, где доживать свою искорёженную жизнь. Вот и прижились они в нашем городке. Возможно, их было не так уж и много, но безрукие, безногие, на самодельных деревянных тележечках, на грубо сколоченных костылях, с обожжёнными, изуродованными лицами мужики - в те годы для нас, детей, это было привычное явление на улицах нашего города.

Кто-то сам был родом из наших мест, кого-то приютили сердобольные женщины, сами в войну, как говорится, нахлебавшись горького до слёз. Кто-то обрелся неизвестно где. Но днём все они были на улицах. Умело или не очень играли на гармошках, пели жалобные песни или разухабистые частушки, просили или требовали милостыню. Но чаще всего они предпочитали сидеть у магазинов. Причём, у каждого магазина был свой постоянный «сиделец», а иногда даже два или три.

Изуродованные, в затрапезной одежонке, они целыми днями сидели на земле у крыльца магазина. Сидели под дождём и на солнцепёке, молча тянули руки или громко кричали что-то вслед: то благодарность за поданную монетку, то проклятия проходившим мимо. Милиция их не трогала, люди относились по-разному. Кто-то жалел, старался подкормить, посочувствовать. Кто-то громко ругался, что от этих пьяниц проходу нет, что пора бы очистить от них город. Но таких было меньшинство.

Иногда инвалиды ходили друг к другу в гости, а иногда между ними случались драки, если кому-то, как казалось, перепало больше, чем другим. Ползая по земле, страшно матерясь, они размахивали костылями,

хватали друг друга за ветхую, заплатанную одежку - в общем, зрелище было ужасное, но, повторяю, привычное.

После обеда картина кардинально менялась. Те, кому хватало пожертвованных медяков, покупали вожделенную бутылку и тут же в одиночку или в компании распивали её. Затем страшно плакали или располагались на отдых, иногда перекрыв вход в магазин. Во сне они стонали, вскрикивали, отдавали команды или что-то несвязно бормотали, как будто жаловались кому-то. Люди, а особенно дети, опасливо обходили их стороной, стараясь не задеть. Мало ли что пьяному придёт на ум. Хотя, честно сказать, не помню ни одного случая, чтобы они кого-то обидели без причины, а детей жалели и при случае даже защищали. Огромный и когда-то, наверное, очень красивый Стёпка-Обрубок, ноги которого были ампутированы по самый пах, напившись, громко плакал во сне и всё время звал маманю.

Когда-то эти люди любили, строили дома, работали, не покладая рук, потом честно воевали, защищали свою Родину, а теперь это были несчастные калеки, потерянные и потерявшие себя, оказавшиеся никому не нужными человеческими обрубками. Это сейчас участникам и инвалидам той войны оказывается всяческое внимание и поддержка, а в те времена, видимо, их было очень уж много, и каждому приходилось выживать в одиночку. Но лет через пять все эти несчастные, обездоленные калеки потихоньку исчезли и с улиц, и из нашей жизни. Они быстро умирали, умирали от ран, от водки, от собственной заброшенности и ненужности...

Мир Вашему праху, низкий поклон, и, если можете, простите нас!

2005 год

Афганистан

(документальный рассказ в письмах)

Тогда все было так легко и просто. Родственники в Сибири, родители в Киргизии, брат в Узбекистане, сестра в Казахстане, а я с семьей на Дальнем Востоке. Вполне возможный вариант. Нас не разделяли ни границы, ни государства. Единственно, что доставляло существенное неудобство - это расстояния. И тут на помощь приходили письма, обычные семейные письма с обычными внутрисемейными новостями. Но так как они приходили из дальнего далека и от самых близких мне людей, то казалось кощунством выбросить их сразу же после прочтения в мусорный ящик. Как-то мимоходом они сначала складывались на полочку серванта, затем переключивались в целлофановый пакет и годами лежали среди вроде бы ненужных, но чем-то дорогих бумаг.

Недавно я перечитала эти письма и удивилась тому, как верно они отражают дух того времени, ту жизнь, те события. Удивилась и многое переоценила...

Здесь я собрала выдержки из писем, относящихся к одному немаловажному событию в нашей семье, да и в нашей стране, случившемуся без малого четверть века назад. Каждое слово, каждая строчка, каждая запятая оттуда, из тех времен и тех писем. А писал их мой брат, который после окончания Томского политехнического института жил и работал в городе Навои.

7.10.78 г.

Здравствуйте!

С воинским приветом Петя.

Как видите по фотографии, я призван в армию. 21 сентября мне вручили повестку, а 25 я должен был быть в части, и вот уже две недели службы прошли. Наша часть и военный городок находятся под Ашхабадом, в четырех километрах от него. Мне дали должность начальника расчета, дали ракетную установку, которую я ни разу в жизни не видел, только по телевизору на парадах. Вот и приходится сейчас очень много изучать заново: и технику, и уставы, и армейскую жизнь.

Люда с Юлей (Примечание: жена с дочерью) остались пока в Навои. Зимой она поедет на сессию в Томск, а летом на защиту, Юля будет с ее родителями, а здесь пока нет никаких условий для семьи: ни квартиры, ни садика для дочери, ни работы для Люды. А к лету обещают сдать двенадцатиквартирный дом, тогда что-нибудь будет, да и Люда к тому времени, может быть, защитится, и они переедут сюда ко мне. От Навои всего 19 часов на поезде, так что буду навещать их почаще. Вот в ноябре-декабре обещают отпустить на недельку, помогу ей немного подготовиться к сессии.

Вот так сложилась моя судьба, а я уж думал, что меня оставили в покое и не призовут.

Климат здесь еще теплее, чем в Навои, но хорошо, что сейчас осень, и привыкать к кителям, гаплифе и сапогам с фуражкой не так тяжело.

Живу пока в офицерском общежитии, питаемся в столовой за свой счет. Но вечерами и в воскресенья заняться абсолютно нечем, ездим в Ашхабад, болтаемся по городу. Город довольно неопрятный, пыльный, низкий. Мне мало понравился.

Вот три дня назад была черная пыльная буря, света белого не видно, как в Сибири зимой буран, только вместо снега - мельчайший песок и пыль. Наипротивнейшая вещь.

Рядом горы Копет-Даг, по ним проходит Иранская граница, так что мы сейчас живем на краю Союза. Вы можете трудиться и спать спокойно - я охраняю ваш покой.

Мой адрес:

744019, г. Ашхабад - 19, до востребования.

Мне так легче получать, чем, если бы через военную часть.

Целую всех. Петя.

31.10.78 г.

...Вашего письма не получил, потому что нас, двухгодичников, перебросили в новое место, в город Чирчик под Ташкентом, на двухмесячные сборы командиров. Это почти рядом с домом, каких - то 500-550 км. По дороге сюда заехал домой на 5 суток, на седьмое поеду на 4 суток. Новый Год встречу в кругу семьи. Так что поначалу служба идет довольно нормально. В часть вернуться после Нового Года.

Дочь сейчас постоянно ждет папу-офицера, и чуть кто обидит, сразу же обещает, что папа привезет "пиштолет" и она "застрелит" обидчика. И еще ей со страшной силой понравилась военная фуражка, готова спать с ней.

Вот так мы и живем.

Да, вот теперь-то я понял, что лучше всего служить в свои годы. Хоть я и офицер, все равно в некоторых вещах приходится тяжело: приходится менять (временно) некоторые сложившиеся взгляды

на жизнь, привычки, отношение к работе. А это не всегда приятно. Ну, ничего, переживем и это...

...По этому адресу мне пока не пишите, обещают после седьмого перебросить куда-то в другое место, куда - пока не знаю.

23.11.78 г.

... С боевым приветом Петя.

Вернулся со сборов из Чирчика, получил на почте ваше письмо, за которое большое спасибо. Сразу же, как приехал сюда, я попал на учения, и вот уже вторую неделю находимся в полевых условиях. Когда вернусь в Бикрову - пока не знаю, но надеюсь, что скоро. Из прессы, радио и телевидения вы знаете о событиях в Иране, которые и влияют в некотором роде на мою службу. А, в общем, служба идет довольно нормально, единственное неудобство - нет жилья, чтобы привезти семью, придется почаще наведываться домой.

Мне пишите по-прежнему до востребования, а для посылки адрес: 744019, г. Ашхабад - 19, в/ч

...Вот вернулся с боевого дежурства, больше месяца там был, а на почте меня ждала куча писем, в том числе и от вас.

Большое спасибо.

Вот только здесь я понял, что значит, получать письма, как это приятно после долгого пребывания в полевых условиях.

Посылку вашу тоже получил 20 января, огромное спасибо. Варенье очень понравилось, хотя я его и ел впервые. А о рыбе и говорить нечего, она здорово скрасила наш, более чем скромный и сухой, солдатский стол.

У нас здесь уже весна самая настоящая. Доходит до +15. Кругом трава зеленая, прелесть. Правда, и всяких гадов много появилось: змей, скорпионов, фаланг. Особенно много скорпионов.

...Где-то в апреле Люда с Юлей собираются приехать ко мне в гости. Я не думаю, что им здесь особо понравится. Но что поделаешь, я не выбирал место, где служить. Здесь сейчас цветут и зеленеют сады. Первое цветущее дерево я увидел 12-го марта. Тепло, до +28 доходит, вовсю загораем. Дождей с конца февраля нет. Жаль, что скоро вся трава выгорит и начнется адское пекло.

Служба моя идет по-прежнему: учения, боевые дежурства, проверки всех калибров, одним словом, скучать не дают.

24-го марта исполнилось полгода, как я надел погоны, вернее, на меня их недели. Осталось не так уж много, если учесть, что предстоят два очередных отпуска по 30 суток каждый...

...Димую поздравляю с приближающимся днем рождения. Желаю отличного здоровья...

1.02.80 г.

.. Давно я вам не писал и от вас ничего не получал, да и не мудрено, ведь мы находимся на учениях, уже второй месяц не живем в Бикрове. Последнее мое местонахождение, откуда я и пишу это письмо, под городом Термез Узбекской ССР, что находится на границе с Афганистаном. Я думаю, вам не надо объяснять, где я буду в скором времени. Похоже, что заканчивать свою службу буду за границей. Родителям об этом я пока не писал. Не хочется беспокоить

раньше времени. Во всем остальном у меня все хорошо, здоровье нормальное, настроение тоже.

На несколько дней заскочил в Навои. Там тоже все нормально.

Погода здесь сейчас очень переменчивая, то до +15 доходит днем, то пурга снежная метет, а через 3-5 дней опять тепло. Но мы уже ко всему этому привыкли. Мне начинает казаться, что я был военным всю жизнь.

Пишите о себе, как здоровье детей, как квартирный вопрос решился.

Мой адрес:

732001, г. Термез-1 Узбекской ССР, в/ч ...

Возможно, успею получить ваше письмо по этому адресу, а если не успею, то все равно переправить должны туда, где будем находиться...

14.02.80 г.

...Получил ваше письмо, мне его переслали из Бикровы, большое спасибо. Наконец-то прорвалась завеса молчания, два месяца ничего никто не получал, а тут целая куча писем каждому. Оказывается, лежали на почте по одному-два месяца. Ну, ничего не поделишь, издержки военно-полевой жизни. Посылку я вашу так и не получил, мне сообщили (я интересовался), что даже извещение не приходило на почту. Очень сожалею, что ваше беспокойство пропало даром.

Служба моя идет нормально, скоро пойдем выполнять интернациональный долг. Обстановка в общем спокойная.

...Новостей у меня особых нет, да и какие новости могут быть в поле, кроме того, конечно, что здесь уже весна наступает, все холмы зеленые, дере-

вья набухают, идут теплые дожди, а когда солнце (а оно почти постоянно), в палатку не зайти - душно.

По последнему адресу, в Термез, больше не пишите, как только узнаю новый адрес - сообщу...

28.03.80 г.

...Давно я не писал вам, прошу извинить меня. Письмо ваше с фотографией детей получил с полуторамесячной задержкой, пока его из Бикровы передали сюда. Из Бикровы мне сообщили, что обе посылки пришли туда, и, если будет возможность, - обещали передать сюда, а по почте посылки в Афганистан не посылаются. Но, если они придут к вам назад за отсутствием адресата, то сильно не удивляйтесь. Большое вам спасибо за беспокойство, очень жаль, что я сам не смог их получить. Служба моя понемногу двигается к финалу, обстановка здесь спокойная, думаю, все обойдется без всяких осложнений. По территории Афганистана двигались своим ходом, немного посмотрел на здешнюю жизнь. Все непривычно, в диковинку, интересно. Сама по себе, на внешний вид страна довольно симпатичная, сплошные горы с уютными долинами, ущельями. Народ в основной массе очень бедный, неграмотный. Познакомиться ближе с укладом жизни местного населения пока не было возможности, думаю, что когда полностью обстановка нормализуется, такая возможность появится.

С нетерпением считаю оставшиеся дни до дембеля. Осталось совсем мало по сравнению с тем, что уже прошло...

Примечание: Посылки он так и не получил, они вернулись обе назад... Да и обстановку в Афганистане

еще много лет нельзя было назвать нормализовавшейся...

15.04.80 г.

...Служба моя идет по-прежнему, без особых изменений. Удалось съездить в Кабул, посмотреть столицу. Город очень непривычный для нашего глаза, сплошная экзотика. Очень жаль, что смотрел из окна машины, не останавливаясь, а как хорошо было бы погулять ножками по кабульским улицам, посмотреть поближе, как живут люди, какое у них настроение, чем торгуют на базарах и в лавках. Все лавки частные, у каждого своя цена (Примечание: тогда для нас это было в диковинку). Видно, что торгуют в основном безделушками, очень мало товаров бытового назначения, продуктов. Но мясо свежее на базарах есть (о цене не знаю), дрова продаются на килограммы. Очень интересно видеть базары, где продаются ошкуренные бревнышки и жерди. Цена, видимо, немалая, так как строевая древесина здесь большой дефицит.

В столице, в отличие от провинции, на улицах встречаются женщины, некоторые даже без паранджи, но, в основном, в парандже. Идет такая женщина, с головы до ног закутана в бесформенную матерю, открыты только кисти рук, и не поймешь, молодая или старуха, красавица или крокодил. Очень интересно видеть молодых модниц - в джинсах, на высоком каблуке - и маленькая паранджа.

Большая часть города - бесформенные беспорядочные застройки, только центральные улицы более-менее современные.

Очень много виноградников, но как ни странно, вино не делают, спиртное вообще запрещено исла-

мом. Недавно ездили в одну афганскую войсковую часть, играли в волейбол. Тоже очень непривычно видеть такую картину: подходит определенное время - почти все воины, кроме коммунистов и комсомольцев, бух на колени лицом в сторону Мекки и совершают намаз. Одним словом, экзотики хоть отбавляй, будет что вспоминать...

27.05.80

...Давно я вам не писал, прошу простить меня, но военная обстановка не всегда дает такую возможность. Служба моя идет своим чередом. С каждым днем все ближе момент увольнения, осталось 80 дней. В первых числах мая был в командировке в Союзе.

Обстановка здесь сейчас более-менее спокойная, но снег с гор сошел, басмачи начали пошаливать. Наглеют сволочи, пользуются нашим миролюбием и гуманизмом.

Недавно видел оружие, которое изымается у душманов (так здесь называются басмачи). Здесь мечи, сабли, ятаганы 200-летней давности, кремниевые ружья, винчестеры времен колониальной войны в Индии. Также очень много современного оружия.

Настроение у нас у всех бодрое, полны оптимизма и уверены в благополучном исходе всей этой кампании..

...12 июля моему брату исполнилось тридцать лет. Я, наивная, пошла на почту, чтобы дать поздравительную телеграмму. Подаю бланк с текстом в окошечко, там смотрят на адрес и говорят: "Что вы здесь написали? Такой военной части у нас нет. Телеграмму не примем". Сколько я им не доказывала, что такая часть

есть, что я туда писала письма и получала ответы, меня даже не хотели слушать. И тут мне в голову пришла мысль, что может, вся их часть уже погибла и именно поэтому ее уже нет. Во всех этих военных делах я плохо разбираюсь. Короче, со мной там случилась истерика, и меня отправили к какому-то начальнику. Но и тот ничего утешительного мне не сказал, а только мямлил, что зря я так расстраиваюсь, просто, может быть, туда нельзя посылать телеграммы и т.д. и т.п.

В-общем, телеграмму у меня так и не приняли, домой я пришла совершенно разбитая и... стала ждать. До сих пор помню, как страшно было открывать двери на неожиданные звонки, вынимать почту из ящика, начинать читать письма. Около месяца я жила в таком неведении и очень хорошо поняла, каково было женщинам во время войны, но тогда они хотя бы понимали друг друга, а когда я пыталась поделиться своими сомнениями с коллегами по работе, то на меня смотрели, как на назойливую муху, настолько им все это было далеко и чуждо. Ведь ни по радио, ни по телевизору об Афганистане почти ничего не говорили, а если и были короткие сообщения, то все в ура-патриотическом духе...

А вот несколько выдержек из писем тех времен, которые я получила от сестры и родителей из Фрунзе (Бишкека). Учитывая географическое положение (близко к Афганистану), там было известно намного больше, чем на Дальнем Востоке.

...Петя сейчас в Афганистане. Пишет, что все пока тихо, спокойно, очень тоскует по Родине... Когда он был в Термезе, мы посылали ему посылку, которая через месяц пришла назад...

8.02.80 г.

...Петя в начале января прислал письмо, в котором просил, чтобы мы ему не писали на старый адрес, потому что их должны были куда-то перебросить, а куда, он нам не написал. Люда пишет, что от него и им нет давно писем. А у нас ведь такая напряженная обстановка: многих мобилизованных парней посылают в Афганистан, ну а что там сейчас творится, вам и так хорошо известно. В Ташкенте, Самарканде все больницы под госпитали отдали, очень много раненых и, в основном, изуродованных. В общем, с басмаческими замашками эти афганцы и пакистанцы, а ребята гибнут ни за что. По телевидению об этом не говорят, но ведь это недалеко от нас, а некоторым в городе уже пришли похорожки...

... Люда с Юлей сейчас у нас, были на Иссык-Куле, домой вылетают 26-го июля. О Пете, детки, не беспокойтесь. 25 августа он должен демобилизоваться. Да, Люда рассказала, что ему пришлось немножко пострелять. 8-ого мая он приезжал неожиданно в командировку, был дома два дня, заказал с нами переговоры, а 10-го отправились в Афганистан с техникой. По следованию на них напала банда. Впереди идущую машину обстреляли. Петя заметил, схватил автомат, а в это время, как Петя пригнулся, просвистели две пули, одна над головой спереди, а вторая сбоку у затылка. Он выскочил на обочину, а водитель за ним, но забыл автомат водитель, вернее, растерялся. Петя принял решение отстреливаться. Впереди идущие машины на выстрелы вернулись, и сзади идущие подошли, когда перестрелка кончилась, Петя подошел к машине, которую обстреляли вперед, вытащил друга, а он весь в крови, последние судороги у Пети

на руках и конец жизни. Оказывается, меткий выстрел в лоб водителю и офицеру. Вот и Петя каким чудом уцелел, просто не могу слов найти. Он очень переживает за друга, был очень человечный. 23-го июня объявили о выводе войск из Афганистана, а 26-го их вывели, он заскочил домой на денек. Вот мы от Люды все и узнали, а от него писем все нет. Мы так переживали, душа моя чувствовала. Теперь, детки милые, думаю, вам понятно, о какой там телеграмме могла быть речь. Приедет, сам все расскажет...

Позже брат сам рассказывал о том нападении, когда погиб его друг. Когда Петя подбежал к его машине, то первое, что он увидел, была ярко-красная струйка крови, которая вытекала из-под дверцы машины. Там, где она с силой ударялась о землю, образовалась ослепительно-белая шапка пены. И с тех пор вот это сочетание двух цветов - ярко-красного и ослепительно-белого - очень угнетающе действуют на него, вызывая тяжелые воспоминания...

Из письма мамы:

...Наконец, дождалась Петю. Даже не верится, что все неприятности позади. А их было много по рассказам, и как остался жив, просто чудом или счастливым кто-то из нас. В письме, конечно, не опишешь. Встретимся, тогда поговорим. Пробыл он у нас дней 10. Ездил в Каджи-Сай. Там ему предложили должность военпреда. Вот уехал на совет с Людой и пока ничего нет...

От предложенной должности брат отказался, хотя его согласие могло бы решить многие и финансовые,

и жилищные вопросы семьи. Но остаться военным у него не было абсолютно никакого желания - навоевался...

Летом следующего года, когда мы собрались все у мамы с папой, брат рассказывал нам многое из своей афганской, совсем даже не мирной и спокойной, жизни. В частности, он рассказывал о том, как они вели технику из Союза. И, когда проходили какой-то тоннель (не помню, как он назывался), то он почувствовал вдруг себя плохо, стало тяжело дышать из-за выхлопных газов, водитель рядом потерял сознание. Тут брат вспомнил, как в детстве, если кому-то было плохо, мама давала нюхать нашатырный спирт. Брат выхватил его из аптечки, вдохнул сам и дал водителю, тот пришел в себя. Затем, увидев, что передние машины начинают останавливаться, брат побежал туда, прямо лил нашатырный спирт на платок и вместе с другими, не потерявшими сознание, пытался приводить людей в чувство, прикладывая платок к лицу. Кое-как таким образом они выбрались из тоннеля. К счастью, их машины были близко от выхода. В тот раз они потеряли много людей. Позже я прочитала о подобном страшном событии тех времен в газете "Совершенно секретно" за 1990 год в рубрике "Неизвестные военные катастрофы", но происшедшем в октябре-ноябре 1982 года в Салангском тоннеле. Мы же слышали об истории, произошедшей в 1981 году.

Раза два на моего брата оформляли представления на правительственные награды, но каждый раз оказывалось, что кто-нибудь из вышестоящих чинов выглядел в той ситуации, о которой шла речь, не очень красиво, и поэтому даже разговоры о награждении тихомирно спускались на тормозах. Однако, самую дорогую награду и для себя и для нас мой брат все-таки полу-

чип: он остался жив и даже не был ранен. Правда, сразу после демобилизации мой крепкий здоровый тридцатилетний брат целый месяц пролежал в больнице: сердце. И с тех пор оно уже не дает позабыть о себе. Как сказала бы наша неграмотная, но мудрая бабушка: "Надорвал, голубчик, сердце - то..."

Из письма брата (1990 год):

...Я сейчас вспоминаю наш боевой девиз: "Главное - не схватить пулю в лоб в первые секунды боя, а там сориентируемся и как-нибудь выкрутимся". Вот и крутимся...

2003 г.

Экскурсия в прошлое

(почти автобиография)

1. Боготол

Когда мне пошёл четвёртый год, из деревни Каменки мы переехали в районный центр, город Боготол. Вот там-то и прошло всё моё сознательное детство, там я окончила десятилетку и оттуда уехала в Томск, поступив в Университет.

Боготол - городок небольшой. Ещё из школьных лет помнится число: двадцать четыре тысячи населения. Тогда это была, практически, большая деревня, где почти все знали почти всех, как родственников, соседей, знакомых, сослуживцев, как соседей родственников или родственников соседей, их сослуживцев и т. д. Первоначально это была рядовая железнодорожная станция на великой сибирской магистрали. Во времена её строительства предполагалось, что железная дорога пройдёт через существовавшее уже тогда село Боготол, расположенное на берегу реки Чулым. Но местные купцы увидели в этом серьёзную угрозу своему торговому бизнесу и сообща подкупили соответствующее начальство. Железная дорога прошла в шести километрах от села, а станцию на ней назвали так же, как и село: Боготол. На первый взгляд довольно странное и непонятное название. Но опять же, ещё из детства помню, такое объяснение. Так как село стоит на берегу реки Чулым, а на его берегах было очень много тальника, то и село назвали Боготал, а потом и Боготол - богатый тальником. Были и другие версии, но мне запомнилась именно эта, так как, наверное, показалась самой достоверной.

Село так и осталось селом, а станция постепенно разрасталась и превратилась пусть в небольшой, но город. А его стержнем и основой была и остаётся железная дорога. Большая часть мужчин всегда работала на железной дороге. Железнодорожники получали хорошую зарплату (по тем, послевоенным, временам), их семьи были заметно обеспеченнее других. В городе имелось также железнодорожное училище. И мальчики в чёрной форменной одежде имели большой успех у городских девчонок. День Железнодорожника был для города таким же праздником, как Первое Мая или Седьмое Ноября, всегда отмечался торжественно и широко. Самый большой и красивый Дворец культуры в городе, конечно же, назывался Дворцом культуры железнодорожников. Все профессии железнодорожников были очень уважаемы и почитаемы в нашем городе.

А вот женщинам найти работу было гораздо труднее. Единственное более-менее крупное предприятие - это «Швейник». Поэтому большая часть женщин не работала. Но, только став взрослой, я поняла, какое же это счастье, когда мама всегда дома! Мы могли задержаться в школе на каких-то кружках или пойти в Дом пионеров (например, я туда ходила на фотокружок), зайти к друзьям-подружкам, поиграть где-то, но мы всегда знали, что придём не к пустому, холодному, запертому дому, что там нас обязательно встретит мама и ждёт горячий обед. Нас никто не поднимал рано утром, спать мы могли, сколько хотели, если, конечно не идти в школу. И плачущие маленькие дети, которых утром рано на саночках везли работающие мамы в садик, были для нас диковинкой, чем-то непонятным, но очень дискомфортным. А одноклассники, бежавшие после школы в столовую, вызывали изумление. Ведь все едят дома!

Да, материально мы жили довольно стеснённо, так как работал один папа. Но это по-настоящему я поняла лишь спустя многие годы. А тогда мы были просто обуты, одеты, накормлены (экологически чистой пищей, заметьте!), занимались тем, что нам интересно: учились (да-да, учились!), посещали кружки, катались до одури на родительских велосипедах (нога - под раму и пошёл!), общались с друзьями и (как сказала бы я сейчас) чувствовали надёжный тыл за спиной. Были у нас, конечно, и обязанности по дому, чёткие и конкретные, которые просто выполнялись нами и никогда даже не оспаривались. Спасибо вам, милые мои папа и мама, за наше детство! Я искренне благодарна вам! У моих детей уже такого детства не было. Да и у внуков тоже не наблюдается. А жаль!

Июнь 2007 года

2. Хозяйство

Всё моё сознательное детство прошло в городе Боготоле Красноярского края. Жили мы в частном доме. Почти в каждом дворе мычала корова, визжал поросёнок. Но, в отличие от деревни, свиньи по улицам никогда не ходили, а содержались в хлеву (стайке, как говорили у нас). Собаки, кошки, куры - обязательно. Кто-то держал коз, гусей, кое-кто - индюков, но для нас это была всё-таки экзотика. Помню, одно время у нас были утки, потом кролики (и простые, и пуховые).

Причём, вся эта живность и появлялась у нас почти на глазах. Новорожденного телёнка, например, заносили ещё мокренького домой. Телята почему-то появлялись чаще всего зимой. Перед этим родители днём и ночью по несколько раз выходили в стайку, чтобы

проверить всё ли в порядке. И вот чаще всего утром, когда мы просыпались, симпатичный миленький телёночек уже лежал в углу на подстилке и смешно чмокал губами. Мы совместными усилиями учили его пить молоко из ведра, давая сначала намоченный в молоке свой палец и постепенно опуская руку вместе с телячьей мордашкой в ведро с молоком. Телята жили в доме от нескольких недель до нескольких месяцев. Их привязывали в специально отведённый угол в прихожей, стелили подстилку и тщательно следили за чистотой. Помню, что к некоторым из-за запаха и грязи невозможно было зайти, когда в доме находились телята, но наша мама к этому относилась даже с повышенным (как нам тогда казалось) требованием. Телятки у нас всегда были чистенькие, ухоженные, подстилка свежая, любая естественная потребность их организма немедленно убиралась, вымывалась и т.д. Отвечали мы за это все одинаково.

Во дворе, в будке, жила собака. Её обязанностью было сторожить дом, двор и все хозяйственные постройки. А нашей обязанностью - накормить, напоить и время от времени отцепить, чтобы собака немного побегала в свободном состоянии. Если появлялись щенки, то с ними мы могли ещё поиграть, посюсюкать, но было это довольно редко. Никаких разговоров и рассуждений, как в нынешние времена, о породах, специальном питании и т. д. Главное, чтобы собака была умная, узнавала своих, даже не живущих в этом доме, и хорошо охраняла от чужих, не лаяла из-за всякой ерунды, но при необходимости всегда была готова жизнь положить за своих хозяев. Это могла быть и маленькая собачонка и огромная псина.

Кошка тоже жила своей жизнью. Уходила и приходила, когда хотела и куда хотела. Но время дойки коровы знала очень хорошо. Мать только подойник в дом заносит, а кошка уже сидит возле блюда и требовательно мяукает. Небольшая полосатая серая кошка прожила рядом с нами всё наше детство. Очень самостоятельная, но ласковая мурлыка, она была отличной охотницей и матерью, трепетно заботилась о своих детях, которые появлялись практически у нас на глазах. Почему-то чаще всего это происходило на постели брата. Очень уж любила наша кошка это место. Настоящим праздником для нас был день, когда у котят начинали «прорезаться» (открываться) глазки.

Кошка снисходительно наблюдала за нами, когда мы возились с её отпрысками, пытаясь их чему-то научить, или бегая с привязанной к нитке бумажкой, а котята носились за нами, устраивая в доме тарарам. Но стоило нам чуть превысить свои полномочия и где-то излишне прижать или дёрнуть за хвостик её чадо (бывало и такое, чего греха таить), она тут же, распушив хвост и выгнув спину, подбегала, хватала котёнка зубами за шиворот и уносила в укромный уголок, но никогда (!) не царапала и не кусала нас, детей, да и взрослых тоже.

Помню, в детстве мне почему-то нравилось есть сырую картошку. Тайком от мамы я очищала картофелину и с удовольствием хрумкала ею. Кстати, и до сих пор она мне нравится. Но хрумкала я не одна. Сырую картошку очень любила и наша кошка (!). Сейчас это кажется странным, но у неё не было имени, мы звали её просто Кошка.

В общем-то, собаки и кошки были нашими равноправными соседями по жизни. Они хорошо выполняли

свои обязанности: охраняли дом, ловили мышей и крыс, а мы - свои: кормили их, поили, заботились о них.

А сколько было радости, когда весной начинала квохтать какая-нибудь курица. Мама устраивала ей специальное гнездо, подкладывала туда с десятков заранее подготовленных яиц и сажала курицу. Дальнейшее действие происходило на кухне, за печкой. Целыми днями над гнездом виднелась только маленькая птичья головка - курица насиживала яйца. Нас всегда поражало её терпение и усидчивость. Своё место она покидала только, чтобы поесть и сделать свои дела. И вот наступало время появления цыплят. С того момента, как «наклюнется» первое яйцо, мы почти не отходили от гнезда, несмотря на уговоры и напускную строгость матери. И вот появлялся первый, мокренький и даже страшенький пищащий комочек. Его тут же отсаживали в специально приготовленную кастрюлю или другую посудину, обогреваемую со всех сторон. А под наседкой уже пищали и тюкались его братишки и сестрёнки. Отсаженный цыплёнок высыхал и превращался в настоящее жёлтенькое или пёстренькое чудо.

Мы мелко крошили цыплятам сваренное вкрутую яйцо и стучали по полу или по досточке с яйцом ногтём, чтобы научить клевать.

В начале нашей улицы, перегораживая её, находился инкубатор, обеспечивающий цыплятами все окрестные деревни и городских жителей. Мама покупала там ещё десятка полтора цыплят и «подпускала» к домашнему семейству, курица обычно не возражала, тут же собирала всех вокруг себя, и начиналась у неё, хлопотная, суматошная, озабоченная жизнь. Да и у нас забот-хлопот добавлялось. Через два-три дня мы начинали выносить их во двор, вскоре они оставались там уже

и на ночь в специальном ящике. А у нас, детей, появлялось ответственное и очень важное дело: оберегать их от всяких неожиданностей, следить, чтобы они не заблудились, не потерялись, а главное, чтобы соседские кошки не утащили какого-нибудь цыплёнка. Опять же отмечу, что наша Кошка никогда не тронула ни одного цыплёнка. Если она отдыхала, то они могли бегать по ней, а Кошка только жмурила глаза и подёргивала ушами.

Года два подряд выводились у нас и утята. Когда они немного подрастали, в наши обязанности входило сопровождать их до ближайшей непересыхающей лужи и охранять там. С каким удовольствием бултыхались и плавали утята! А мама-курица суматошно носилась по берегу и что-то лопотала на своём курином языке. Но, быстро убедившись, что этих деток ей не перевоспитать, курица отказывалась и от попыток, и от утят вообще. И начиналась у них самостоятельная жизнь под нашим, конечно же, чутким руководством.

Летом рано утром слышалось многоголосое мычание. Это по нашей улице хозяйки вели своих коров и коз на окраину, где их уже встречал пастух и на целый день угонял на пастбище. А вечером, в лучах заходящего солнца, стадо медленно двигалось по улице в обратном направлении - это одно из самых ярких впечатлений моего детства. У ворот стоят хозяйки и встречают своих бурёнушек. Но не все коровы так спокойно шли домой. Были и любительницы погулять ещё по окрестностям. Таких гулён хозяйки или их дети встречали ещё на окраине и под личным присмотром доставляли домой. Но были и такие, что потом до самой ночи гуляли по ближайшим картофельным полям. Мы всегда очень удивлялись их беззаботным хозяевам.

Так как земельные участки у всех были стандартными (шесть соток), то каждую весну по месту работы людям выделялись уже вспаханные земельные участки для посадки картофеля. Туда выезжали организованно, сажали картошку, потом окучивали, потом копали и привозили домой. Поэтому город был буквально окружён бесконечными картофельными полями.

Дачные участки появились намного позднее. Кстати, у нас они назывались садами, а не дачами. Например, говорили: «У нас есть сад», а не: «У нас есть дача».

Хозяину, имевшему корову (только одну!), выделяли также сенокосный участок, часто один и тот же несколько лет подряд. Хозяева за ним по мере надобности ухаживали, очищали от сучьев, коряг, лишних кустов. И, когда начиналась сенокосная пора, то все разговоры в городе были только о том, хорошая ли трава, какая погода, «накосим нынче - не накосим?», «высохнет - не высохнет?» и всё в том же духе. Мы, по мере сил, тоже помогали взрослым, так что, как держать косу в руках и как косить сено, я знаю не понаслышке. Ну, а уж переворачивать граблями подсохшее сено, собирать его в небольшие кучки-волокуши - это и вообще было нашей обязанностью. А ещё одной обязанностью было почти каждый день носить в бидончике молоко на молокозавод, так как каждый хозяин обязан был сдавать налог натуральными продуктами: молоком, маслом.

Июль 2007 года

3. Дом

Каменных зданий в те времена в Боготоле почти не было, только в центре находилось несколько двух-

этажных домов - бывших купеческих. В них располагались поликлиника, аптека и административные учреждения: горком, райком, горисполком и т.д. а люди жили в частных деревянных домах, имели свои шесть соток (больше земли тогда не давали) и вели на них хозяйство: сажали картошку, огурцы, помидоры, брюкву, бобы и другие овощи.

Обязательным атрибутом дома были добротные ставни. С одной стороны окна, за ставней, подвижно висела металлическая узкая, но толстая, пластина, к концу которой также подвижно был прикреплен длинный металлический штырь с отверстием на свободном конце, а с другой стороны окна просверлено отверстие внутрь дома. Это были не просто украшения, а обязательная необходимость. Каждый вечер, зимой и летом, в дождь и в стужу, ставни закрывались, их перекрывали упомянутой пластиной, а штырь вставлялся в отверстие и проталкивался внутрь дома. Дома в отверстие штыря вставлялся специальный болт или толстый гвоздь.

Почти у всех по периметру двора были вкопаны толстые столбы, соединённые вверху горизонтальными брёвнами. На зиму эти перекрытия закрывались досками и другим подсобным материалом, и двор превращался в полутёмное, закрытое сверху от снега и ветра помещение. Снега тогда было много, каждую зиму сугробы наметало выше забора. Мы катались с них, как с горки, копали в этих сугробах тоннели, переходы, делали «комнаты», обустроивали их. Это было здорово!

Улицу Дубровина пересекали улицы: Садовая (с неё-то и начиналась наша улица), Детская, Лесная, Полевая, Западная, Максима Горького, а дальше не помню. Наш дом находился между Детской и Лесной.

Жили мы в маленьком домике, перевезённом из деревни. Большую часть дома занимала общая комната, а по всей длине слева от входа располагалась совсем небольшая кухонька, печь и спальня, в которой стояла одна кровать.

И только, когда я уже училась в седьмом классе, дом перестроили. Перестраивали его отец с матерью сами. Сначала ездили в лес, пилили брёвна, потом привезли их, высушили и срубили сруб. И только после этого аккуратно, по брёвнышку, разобрали старый дом. А на его месте выкопали канавы, залили фундамент, и когда он застыл, в один прекрасный день собрали так называемую толоку, пригласили мужчин, родственников и соседей, и шумной весёлой толпой поставили уже пятистенки. Дом получился просторным, светлым: две большие комнаты и кухня. Сени поставили прежние, они, конечно уже были намного короче дома, и поэтому попозже со стороны двора пристроили ещё одну небольшую комнатку. Мама собственноручно сложила в ней небольшую печку, отец пробил скважину, поставили большую, специально сваренную ванну, и это уже была наша домашняя почти баня, а в небанное время она служила дополнительной комнаткой, в ней сделали окно и поставили кровать для отдыха. Все остальные удобства по-прежнему находились в огороде, но к этому мы были привычны.

Пока строился дом, одну зиму нам пришлось прожить в стайке. Стайкой у нас, в Сибири, называется обычный сарай для животных (корова, куры, свинья). Стайка у нас была просторная с небольшим окном. Мама вымыла её, выбелила на несколько раз, собственноручно сложила печку, и всю зиму рядом с нами жевала сено корова, в загородках кудахтали куры, похрюки-

вал сытый поросёнок. Разумеется, порядок и чистоту, наводили каждый день. Моя мама относилась к этому очень строго, и, наверное, поэтому запомнилось такое проживание больше как приключение, а не как что-то тяжёлое и ужасное.

В новом доме прожили мы менее десяти лет. Окончив Университет, я уехала на Дальний Восток, брат по распределению в Каджи-Сай, на берег Иссык-Куля, а папа и мама вдруг сорвались с насиженного места, продали дом и с нашей сестрёнкой Леной уехали во Фрунзе - столицу Киргизии. Продав в Боготоле наш, недавно построенный большой дом, во Фрунзе смогли купить только небольшую хату из глины, в которой уже несколько лет никто не жил. Заброшенный, заросший травой огород, полуразрушенная изгородь и давно не белёный дом представляли собой довольно грустное зрелище. Но мои родители не унывали, а с энтузиазмом взялись за ремонт и обустройство. Пристроили ещё комнату, сени, стены частично оклеили плиткой, двор тоже выложили плиткой, построили времянку, баню, хозяйственный сарай. Всё покрасили, побелили.

Раз в три года мы с детьми прилетали к ним в отпуск. И почти целые дни проводили во дворе, где стояли стол, скамейки и даже кровать для отдыха, или в огороде, который мой отец превратил в прекрасный сад, у него там даже грецкие орехи росли, а уж о всяких сортах абрикосов, персиков, винограда, черешни и говорить не приходилось. Папа с молодости увлекался садоводством. Ещё в Сибири все наши соседи приходили специально посмотреть, как осенью на нашей яблоне-дичке на одной ветке созревали красные круглые ранетки, на другой - продолговатые красные, а на третьей - покрупнее и жёлтые. Это действительно было как чудо.

Ну, а во Фрунзе отцу уж было раздолье. Он очень быстро познакомился с местными единомышленниками, несколько лет был председателем общества садоводов города Фрунзе. Несколько раз к ним приезжало городское телевидение, снимали папин сад, а потом показывали по телевизору. Причём, всё это находилось на обычных шести стандартных сотках. И мы, и дети до сих пор вспоминаем те времена, как какую-то сказку. А когда рассказываем внукам о тех временах, то они смотрят на нас очень недоверчиво.

Двадцать шесть лет наши родители прожили во Фрунзе. И только, когда умер отец, мы перевезли маму в Междуреченск Кемеровской области, где к тому времени уже жила со своей семьёй наша младшая сестрёнка Лена. А наш папа, никогда при жизни не бывавший за границей, так и остался там, в другом государстве.

Июль 2007 года

4. Экскурсия в прошлое

Родилась я более полувека назад в глухой сибирской деревне Каменке Боготольского района Красноярского края. Вот уже лет сорок, как из этой деревни уехал последний житель. Дома снесли, и сейчас там большое распаханное хлебное поле, среди которого долго один-одинёшенек стоял старый тополь, посаженный ещё до войны моим дедом Иваном.

Точной даты своего рождения я, как это ни странно, не знаю. Вернее, на протяжении почти пятидесяти лет я была уверена, что это первое декабря 1948 года. Именно в первый день зимы отмечался в семье

мой день рождения, именно эта дата записана во всех моих документах.

Но однажды, рассматривая старую фотографию, я случайно перевернула её и на обратной стороне увидела полустёршуюся запись даты моего рождения, то ли двадцать восьмого, то ли двадцать девятого ноября. И мама объяснила, что я действительно родилась в последних числах ноября, но сейчас она уже не помнит, какого числа точно.

Представьте первые послевоенные годы, начало зимы... Естественно, что бабка-повитуха справок о рождении не выдавала, а сельсовет находился в другой деревне, Лебедёвке. И только где-то через месяц отец смог съездить туда, чтобы зарегистрировать моё появление. На точность даты тогда в деревнях как-то не обращали внимания, главное, что ребёнок родился нормальный и здоровенький на радость папе с мамой и всем многочисленным родственникам.

А месяца через два в деревню приехал фотограф из районного центра, города Боготола. Тогда это было событие! Он перефотографировал, наверное, всех жителей деревни Каменки, от мала до велика. Так появилась и моя фотография в двухмесячном возрасте, а на обратной стороне отец написал точную дату моего рождения. Но... время её почти стёрло, и как мы потом ни пытались выяснить, «28» там написано или «29», но, увы, истинное число так и осталось загадкой.

В течение месяца, пока я не была зарегистрирована, как меня только не называли. Первые дни звали просто «девочка», потом было предложено около десятка имён. И почти каждый новый мой день начинался с нового имени. Когда же отец, наконец, поехал в сельсовет, на его усмотрение остались два-три варианта.

Каково же было изумление всех, когда он привёз свидетельство о рождении. Имя «Тоня» не предлагалось и не называлось никем. За этот месяц в нашем доме оно не прозвучало ни разу. Но... так звали первую, почти детскую, любовь моего отца. Вот таким образом и появилась на свет Антонида Николаевна Бруштунова, то есть, я. И только в последующих документах я стала Антониной.

Кстати, мои папа и мама прожили вместе более пятидесяти лет в любви и согласии. Все детские годы я была уверена, что именно такими и должны быть семьи: дружными, уважительными, наполненными любовью, поддержкой, уютом и душевным теплом. И, только став уже взрослой, я с огромным изумлением поняла, что семья моих родителей - это не правило, а скорее, исключение. Мои милые, мудрые папа и мама, большое спасибо вам!

Надо сказать, что последние двадцать шесть лет совместной жизни мои родители прожили во Фрунзе - столице Киргизии (сейчас это город Бишкек). Там, в другом нынче государстве, и осталась могила моего отца, никогда при жизни не бывавшего за границей. Грустный парадокс...

Но вернёмся к прошлому. Я была первым ребёнком в семье. А почти через два года появился братишка Петя, мой бессменный и изобретательный товарищ по детским играм, неистощимый выдумщик и бесспорный лидер во всех наших, не всегда праведных, затеях.

Когда мне было четыре, а брату два года, наша семья переехала в город Боготол. Сюда же перевезли наш маленький деревенский домик, в котором мы и выросли. Здесь же в 1961 году появилась наша всеобщая любимица, сестрёнка Леночка. И только, когда я учи-

лась уже в восьмом классе, наш домик был перестроен и расширен, но в нём я жила совсем немного.

Учение всем нам давалось легко. Я очень любила математику. Мне действительно всегда нравилось решать всякие заковыристые задачки.

В 1966 году я закончила городскую среднюю школу № 4 и даже получила серебряную медаль. Это был год двойного выпуска. Одновременно выпускались одиннадцатые классы и мы, десятые, обучавшиеся уже по другой программе. Поэтому время для абитуриентов, конечно, было очень напряжённое и беспокойное. Не очень-то представляя свою будущую профессию, я поступила на механико-математический факультет Томского Государственного Университета, на специальность «теоретическая механика».

В 1971 году, после окончания Томского Университета, по желанию и по направлению приехала в легендарный «город на заре», «город-сад» Комсомольск-на-Амуре. Слышала и читала о нём много, поэтому хотелось собственными глазами увидеть это чудо. И, в общем-то, не раскаялась. Живу здесь уже четвёртый десяток лет. Мне очень нравится Дальний Восток, сам город и люди, живущие здесь. Работала в политехническом институте (сейчас это Технический Университет, а в моём направлении он ещё назывался Вечерним политехническим, но дневное отделение уже имелось). Первые годы преподавала теоретическую механику на кафедре высшей математики и теоретической механики, а после замужества и рождения детей - более двадцати лет проработала программистом вычислительного центра института. Оттуда и на пенсию ушла.

В детстве я очень любила читать, причём, читала всё подряд, что попадётся под руку и заинтересует. В

юности открыла для себя стихи Есенина, потом Асадова.

Своё первое стихотворение я написала в десять лет. А произошло это так. Шёл 1959 год. О телевизорах мы, послевоенные ребятишки, тогда и знать не знали, что есть на земле такое чудо. Главным источником информации была большая чёрная «тарелка», висящая в каждом доме на самом видном и почётном месте. Это и новости, и «Театр у микрофона», и «Пионерская зорька», и многое-многое другое, не менее интересное и занимательное. Ну, а вторым источником были газеты. Стоили они по тем временам очень дёшево. Не знаю, как другие, но наш отец выписывал по 2-3 издания, которые прочитывал от корки до корки. Благодаря ему и мы с ранних лет пристрастились не только к чтению, но и к осмыслению прочитанного.

И вот по радио и в газетах стали говорить и писать о событиях в Алжире. За давностью лет уже не смогу объяснить, что же там происходило на самом деле, да и было мне тогда всего десять лет. Но то, что я тогда слышала и читала, так потрясло меня, что захотелось хоть как-нибудь выразить своё отношение к этому кошмару, хоть как-то помочь простым жителям Алжира и, особенно, его беззащитным несчастным детям, как-то их поддержать, хотя бы приободрить. И я... написала стих, который назывался «Детям Алжира». Из какой-то центральной газеты сама списала адрес и послала стихотворение туда, искренне веря, что его обязательно напечатают, и, когда дети Алжира его прочитают (а они, конечно же, его прочитают!), то им станет хоть немножечко легче.

Само собой разумеется, что ни ответа на своё послание, ни напечатанным я его не увидела, однако

это был мой самый первый поэтический опыт. И пусть с сегодняшней точки зрения это всего лишь очень слабый зарифмованный набор слов, но это была моя первая попытка выразить таким образом себя и моё личное отношение к происходящему. Вполне возможно, что два этих четверостишия определили всю мою дальнейшую жизнь и моё отношение к ней.

Но тяга к сочинительству проявлялась уже задолго до этого. В нашем раннем детстве не было ни телевизоров, ни, тем более, компьютеров. Да и электричество-то нам провели, когда я училась уже во втором классе. А до этого источником света в тёмное время суток была обыкновенная керосиновая лампа. И вот по вечерам, когда мы с братом укладывались спать, началось увлекательное действие, под названием «болтать». Частенько мы даже спорили и ссорились из-за того, кто же начинает первым. Каждому хотелось поскорее рассказать свою придуманную историю. Чаще всего это был бесконечный сериал о животных, суть которого заключалась в следующем: однажды мы были в лесу и вдруг нашли там сироту-медвежонка (волчонка, зайчонка и т.д.). Конечно же, принесли его домой и «вот на этой поляне перед домом» построили ему жильё. Потом научили его говорить. А когда пошли в школу, с нами, конечно же, пошёл и медвежонок (волчонок, зайчонок...). Иногда этих животных набиралось так много, что приходилось строить для них отдельный дом и открывать отдельную школу. Подобные истории чередовались или плавно переходили одна в другую, обрастая всевозможными подробностями и новыми неожиданными сюжетами. В-общем, скучать нам было некогда.

А когда немного подросла сестрёнка, начались уже совсем другие многосерийные истории. Спала она

со мной. И каждый вечер я рассказывала ей о том, что «вчера, когда ты заснула», наша кровать вдруг плавно поднялась и вылетела в окно. Мы летали над полями, лесами, городами и даже странами. Я описывала ей, что мы, вернее, я видела. Она-то ведь, к сожалению, спала. С нами происходили разные приключения, тут уж всё зависело от моей фантазии. Леночка тарачила глазёнки, чтобы хоть сегодня-то не уснуть, но, конечно же, засыпала, а на следующий вечер появлялись новые истории, о которых моя сестра, смеясь, вспоминает до сих пор: «Это ж надо было так ребёнку голову задурить! Я ведь очень долго верила, что мы действительно летаем по ночам».

Ну, а следующие мои стихи появились уже в подростковом возрасте. Мой папа очень гордился этим и как-то признался мне, что в юности тоже пытался писать стихи. Именно он тайком отнёс несколько моих творений в редакцию местной газеты «Знамя Ленина». Там к ним отнеслись очень доброжелательно, дали хороший отзыв и даже напечатали. Какой это был счастливый, просто сумасшедший день! Мои стихи печатались там и позже.

И, тем не менее, ещё много лет я не придавала серьёзного значения этому своему увлечению. Мои коллеги и знакомые знали, конечно, что я могу написать поздравление ко дню рождения, празднику или к юбилею, но и только. Остальные свои стихи я практически никому не показывала. И только когда подросла моя дочь Алёна, у меня появился мой постоянный первый слушатель и беспристрастный критик. Я очень ценю её мнение и дорожу им.

А пока собирались тетрадки и отдельные листочки, переезжая со мной из города в город, с квартиры на

квартиру. Да и много писать было просто некогда: студенческие годы, работа, семья, дети..

И только в девяностые годы я вдруг решила навести хоть какой-то порядок в этой кипе бумаг, перенести что-то хотя бы на дискеты, всё-таки сама программист. Незаметно увлеклась, стала писать много нового. Я тут как-то подсчитала (я же математик), что за последние десять лет я написала в три раза больше стихов, чем за всю предшествующую жизнь.

... Прошли годы. Выросли сын и дочь. Появились внук Сашенька и внучка Ульянушка. В 2001 году, уже находясь на пенсии, уволилась с работы и полностью окунулась в домашнюю жизнь. Но где-то через год поняла, что мне чего-то не хватает. И вот осенью 2002 года пришла в ЛИТО города Комсомольска-на-Амуре и впервые вынесла свои творения на суд широкой общественности. Надо сказать, что даже для родных и близких все эти радиопередачи, публикации моих стихов и рассказов в газетах, журналах и сборниках явились огромным сюрпризом и приятной неожиданностью. Для меня, честно говоря, тоже. Но я уже не представляю себе, как бы я жила сейчас, если бы однажды мне не пришла в голову мысль всё-таки навести порядок в этой кипе никому не нужных, как я тогда думала, бумажек, исписанных зарифмованными строчками.

Ну, а что из этого получается, судить не мне, а вам, мои дорогие читатели.

28.06.06

Небольшие истории о стихах

1. Синяя тетрадь

Когда после окончания средней школы я поступила в Университет, то специально купила толстую синюю общую тетрадь. Записала туда все предыдущие поэтические опыты школьных лет и увезла с собой в общежитие. Пять лет эта тетрадь исправно путешествовала со мной: после весенней сессии - домой, а осенью опять поселялась в шкафу студенческого общежития между тетрадями с лекциями и практическими занятиями. Даже близкие мои подружки, с которыми мы проживали в одной комнате вместе четыре года, не догадывались, как мне кажется, что иногда я пишу стихи. Я тайком записывала их в эту тетрадь и опять благополучно убирала её в шкаф.

Главный дефицит насыщенной студенческой жизни - это время. Поэтому стихов было не так уж и много. По крайней мере, к моменту получения диплома заполнена она была чуть больше, чем наполовину. И вот, когда я уже в качестве новоиспечённого специалиста последний раз уезжала из Томска, моя тетрадь таинственно исчезла. Девчонки из комнаты очень удивились, узнав о существовании оной, но активно помогали мне искать. Однако, увы и ах!

В школьные годы я в составе агитбригады часенько выступала с чтением стихов и рассказов, но других авторов. На память я никогда не жаловалась, но свои стихи почему-то никогда даже не пыталась запоминать. Да и сейчас я их не запоминаю, а при необходимости читаю только с листа. Поэтому, приехав домой, я что-то восстановила с каких-то сохранившихся черно-

виков или со страниц местной газеты «Знамя Ленина», где в последнее время они иногда печатались, куда их относил мой отец. В памяти случайно сохранились только самые коротенькие стихи, которые зацепились когда-то где-то в уголках памяти. Очень жаль, но что-то так и пропало навсегда. И вот уже более сорока лет я задаюсь вопросом: куда же исчезла та злополучная синяя тетрадь? И смешно, и грустно.

Но, если честно, то когда я теперь перечитываю поэтические опусы тех лет, то, в большинстве своём, вижу, какие это слабые, просто зарифмованные строчки. Есть, конечно, плюс - большое желание сочинять, но явно прослеживается и приличный минус - почти абсолютное отсутствие настоящего жизненного опыта и явная подмена его книжным взглядом на многие моменты жизни. И всё-таки тетрадку жаль!

2. «Гроза»

Первые два четверостишия этого стихотворения я написала, можно сказать, «на заре туманной юности», в 1965 году, когда ещё училась в школе. Сорок лет я считала это стихотворение законченным. И вдруг в октябре 2005 года, уже на склоне жизни, у меня придумалось третье четверостишие. И, как мне кажется, оно совершенно изменило и смысл, и содержание данного стихотворения, причём в лучшую сторону. Дописать такое в юности я просто не могла из-за элементарного отсутствия жизненного опыта, и только прожив большую часть жизни, я получила возможность его дописать. Вот и получается, что иногда, чтобы написать стихотворение, сначала просто нужно прожить жизнь.

3. «Цыганка»

Я училась уже на втором курсе Университета, а брат - на первом курсе Томского политехнического, и жили мы каждый в своём общежитии. Однажды после поездки домой он пришёл к нам в гости, чтобы передать мамулины разносолы и заодно рассказал мне одну забавную историю, случившуюся дома.

Была у нас соседка тётя Рая. Очень добрая, открытая, но очень эмоциональная женщина. Она всегда хорошо относилась к нашей семье, уважала маму и частенько по-соседски забегала то за каким-нибудь рецептом, то рассказать о какой-то семейной неурядице и попросить совета, а то сообщить какую-нибудь сногшибательную новость.

Однажды она вбежала в дом, возбуждённая до крайности, и просто ошарашила маму вопросом: «Это правда, что ваша Тоня летом оделась цыганкой, ходила по улицам босиком и всем гадала?». Вопрос был настолько нелепым, что мама только и сказала: «Что за чушь ты говоришь?». На что тётя Рая просто просияла: «Вот и я говорю, что этого просто не может быть! Но они говорят, что об этом даже в местной газете писали!» - «Кто они?» - «Да в магазине бабы в очереди. Одна сказала, а другие подтвердили, что даже сами читали в газете. Я там со всеми переругалась! Я же знаю, что Тоня не могла такого сделать!».

А надо сказать, что город наш Боготол был в те времена довольно маленьким, и практически все друг друга знали, как родственников, как соседей, как земляков или соседей земляков и родственников, как сослуживцев или одноклассников своих детей. Знали и нашу семью. Совсем недавно сначала я, а потом и брат окон-

чили школу с медалями и сразу поступили в ВУЗы. Разумеется, всё это уже давно и обстоятельно было обсуждено в тех же магазинных очередях не без участия нашей соседки, тем более, что очереди в те времена были обязательным атрибутом нашей жизни. И вдруг такая сенсация!

Услышав явную нелепость, тётя Рая, конечно же, рьяно бросилась защищать меня, но после упоминания о газете она немного растерялась и прибежала к маме за опровержением и поддержкой.

И тут мама поняла: «Да подожди ты! Это в газете недавно было напечатано Тонино стихотворение, называется «Цыганка». Ты же знаешь, что Тоня немного пишет стихи. Вот одно из стихотворений и было напечатано. Только и всего». Мама достала газету и показала то злополучное стихотворение, из-за которого разгорелся сыр-бор, показала и нашу фамилию, довольно редкую, под ним. Тётя Рая была счастлива. Она почти вырвала газету из маминых рук и заторопилась опять в магазин.

Газета, порядком зачитанная и потрёпанная, вернулась домой только через несколько дней. Но, благодаря тёте Рае, справедливость полностью восторжествовала! Спасибо Вам, милый добрый человек! Вспоминаю её, и сразу на душе становится теплее.

4. Праздник

А этот забавный случай произошёл уже более двадцати лет назад. Я работала программистом вычислительного центра одного из ВУЗов города Комсомольска-на-Амуре.

Приближался день 8 Марта. По заведённой традиции профком дал задание нашему коллективу выпустить поздравительную праздничную стенгазету, несмотря на то, что коллектив у нас, в основном, был женским. Но тогда это никого не удивляло. «Партия сказала: «Надо!» - Комсомол ответил: «Есть!»». Поскольку я продолжала грешить стихоплётством, то с удовольствием написала поздравительное стихотворение, а девочки-операторы оформили большую красочную стенгазету, которую и повесили в фойе у входа для всеобщего обозрения и праздничного настроения, где она и висела целую неделю. И, надо сказать, что эта неделя была, наверное, самой весёлой в истории нашего коллектива.

Поскольку вычислительный центр был востребован всегда, то, разумеется, каждый день к нам приходили сотрудники и преподаватели-мужчины. И почти все такие посещения начинались с поздравлений по поводу предстоящего, а затем уже и прошедшего праздника. Причём, почти каждый мужчина считал своим долгом сказать что-то вроде: «А вы читали, как мы вас поздравили?». И кое-кто даже цитировал отдельные строчки. А мы хором восхищённо отвечали: «Да, конечно! Спасибо! Спасибо!». Надо сказать, что все мужчины уходили очень довольные собой.

5. Гаврилиады

Лет 20 назад от одной из наших программисток услышали мы анекдот про инопланетянку. Сюжет его был настолько необычным в то время и смешным, что запомнился, и в 1999 году я между делом написала шуточное стихотворение «Инопланетянка».

А на телеканале НТВ одно время регулярно раз в неделю шла передача «В нашу гавань заходили корабли...» (один из ведущих - писатель Эдуард Успенский). Я знаю, что многие люди и целые семьи с огромным удовольствием смотрели её, интересную, немного ностальгическую, какую-то очень домашнюю. Наша семья, конечно, не была исключением.

И вот появилась там рубрика «Гаврилиада». Всем желающим предлагалось придумывать стихи-истории на любую тему про Гаврилу и присылать на передачу, где лучшие из них будут исполнены. Это предложение меня очень заинтересовало, и я написала первую Гаврилиаду. Каюсь, но сюжет взяла тот же самый, что и в «Инопланетянке». В общем, получились два разных стихотворения на один и тот же сюжет, практически об одном и том же. В 2000-м году отправила Гаврилиаду на телепередачу, и надо же, её там не только заметили, но артист Бортник даже спел на мотив «Рыбачки Сони» в очередной передаче.

Знакомые и друзья поздравляли меня. Воодушевленная и счастливая, я написала продолжение первой Гаврилиады и ещё одну историю про Гаврилу. И опять отправила в Москву. Но,но... Передача эта с НТВ вдруг исчезла. Потом уже я узнала, что какое-то время она шла, но на другом канале, а потом вообще превратилась в радиопередачу. И судьба моего второго послания так и осталась неизвестной для меня. Но мне понравилось фантазировать по поводу судьбы многострадального Гаврилы, и вскоре я написала ещё и третью историю про него.

Через несколько лет передача «В нашу гавань заходили корабли» стала выходить на пятом канале. И вот в феврале 2010 года одну из передач мне посмот-

реть не удалось. А потом и мне и моим знакомым стали звонить наши общие знакомые и поздравлять с тем, что в этой передаче исполняли... мою Гаврилиаду! Получается, что её повторили в передаче через 10 лет. В следующее воскресенье у нас было заседание писательской организации, и я снова не посмотрела передачу. И опять звонки (даже общим знакомым из Таганрога) о том, что исполняли мою Гаврилиаду (а продолжение первой или вторую, я так и не поняла). Очень жаль, что именно эти выпуски я не видела.

Эти Гаврилиады я читала на встречах, их охотно напечатали в «Экумене», «Комсомольске литературном», а вот стихотворение «Инопланетянка» осталось как-то в стороне. Но недавно прочитавшие её спросили: «А дальше что?» и просто потребовали продолжения. Ведь если в первой Гаврилиаде главным героем был неженатый Гаврила, то в «Инопланетянке» это был Иван, уже имеющий жену Лизавету и даже двоих детей. А что же будет с ними, когда Лизавета и дети приедут домой? Так вот пришлось писать продолжение и для «Инопланетянки». И если Гаврила, в конце концов, улетел вместе с прилетевшими за ним своими потомками к возлюбленной, то здесь, наоборот, инопланетянка навсегда осталась на Земле и очень довольна и счастлива (но не с Иваном!). Вот так и получились две разные шуточные истории с одинаковым началом, но совершенно разными окончаниями.

Серафима Михайловна, большое спасибо Вам за анекдот!

2007 год

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

История с медведем

Эта почти неправдоподобная история случилась в двадцатые годы двадцатого века...

Обычная сибирская деревня Баим в Красноярском крае, а вокруг нетронутая глухая тайга. И лишь клочки возделанной земли робко напоминают о том, что иногда здесь всё-таки ступает нога человека...

Молодая мать с утра пораньше отправилась работать в поле. Уложив ребёнка в тени вековых деревьев, она занялась привычным нелёгким крестьянским трудом... Вдруг раздался истошный крик младенца. Мать бросилась к нему и... остолбенела. Огромный бурый медведь стоял над ребёнком и лениво перекатывал его лапой...

Что делать? Убежать? Схватиться с медведем врукопашную?

И тут она сделала единственное, что смогло подсказать ей материнское сердце. Женщина упала на колени, протянула руки к медведю и стала умолять его:

- Мишенька! Христом Богом тебя прошу, не губи моего сыночка! У тебя ведь тоже, наверное, есть детушки! Подумай о них и пожалей моего дитёнка! Уж, если так надо, то убей меня, но только не губи невинную душу!

Так, умоляя и рыдая, она подползала все ближе к ребёнку. Медведь (или медведица?) оставил в покое орущего младенца и с явным любопытством наблюдал за происходящим, но не предпринимал никаких действий...

Неизвестно, сколько так прошло времени: час или минута. Обезумевшая мать продолжала умолять и все ползла и ползла к ребенку, а медведь внимательно слушал её. Потом он как-то странно хрюкнул, словно усмехнулся, медленно развернулся и лениво побрёл в тайгу, а мать схватила окровавленного и громко орущего ребёнка и бросилась бежать...

Эту историю я услышала от своей матери. А случилась она с её ровесником, который, конечно же, не помнил, как всё произошло, но следы от медвежьих когтей остались на нём на всю жизнь... А ещё остались кличка Меченый и часто повторяемый рассказ о том, как мать отмолила его у медведя...

1997 г.

Коварная щука

Утром дедушка с папой приехали с ночной рыбалки. Довольные уловом выложили в таз несколько больших пятнистых щук, поставили таз на широкую чурку возле кашеварки и пошли завтракать. Они своё дело сделали, дальше щуками займётся бабушка.

Двухлетняя Алёнка с изумлением рассматривала огромных пятнистых хищниц. Вообще-то с рыбками она уже была знакома. Ведь дома, в городской квартире, у них стоял большой красивый аквариум с растениями, гротами, улитками и пёстрыми рыбками. Девочка даже знала названия некоторых из них: гуппи, скалярии, барбусы. Иногда, когда папы с мамой не было в комнате, она тайком опускала ручонку в аквариум и замирала. Рыбки окружали её, тыкались своими маленькими ротиками ей в ладонь. Было смешно и щекотно.

Но таких великанш девочка видела впервые. Вдруг одна из рыбин дёрнула хвостом и приоткрыла свой рот. Алёнке, конечно же, очень захотелось, чтобы большая рыбка пощекотала ей ручку. А надо сказать, что, так как щука хищница, то зубы у неё расположены особым образом: они немного наклонены внутрь рта. То есть в рот добыча проскальзывает легко, а вот назад, увы... Она просто натывается на острые щучьи зубки и застревает на них.

Алёнка-то этого не знала, а взрослых рядом не было. И девчушка смело сунула пальчик в открытую щучью пасть. Пасть тут же захлопнулась. Раздался жуткий детский крик. Сбежавшиеся взрослые, только разрезав щучью голову, смогли освободить окровавленный детский пальчик, застрявший на щучьих зубах. Этот урок Алёнка запомнила на всю жизнь.

Прошло время. Наступила зима. Однажды под Новый Год приехал в гости дедушка и привёз гостинцы из деревни. Среди них была и пара замороженных щук. Они лежали на столе такие огромные, белоснежные от покрывавшего их инея, совершенно неподвижные и совсем не страшные. Алёнка осторожно провела пальцем по заиндевавшему холодному боку рыбины. Появилась тёмная полоска. Это было интересно. Она провела ещё раз и ещё...

К столу подковылял едва научившийся ходить младший братишка. С опасливым изумлением он смотрел на непонятное что-то, чего совсем не боялась старшая сестрёнка. Алёнка решила просветить братца и стала рассказывать ему ту жуткую летнюю историю:

- Ты, Димочка, никогда не клади живой щуке пальчик в рот вот так, - и она показала, как, засунув свой пальчик в приоткрытый рот замороженной щуки. Да, щука-то была замороженной, но зубы-то у неё остались такими же, наклонёнными внутрь рта. И... снова раздался перепуганный детский крик. С большим трудом окровавленный пальчик девочки извлекли из замороженной щучьей пасти.

Эту историю про щучье коварство очень любят слушать Алёнкины дочки и Саша - сын Димы. Ну, а сделают ли они какие-то выводы, жизнь покажет.

1.06.11

Повторенье - мать ученья

Итак, самолёт приближается к аэропорту Манас. Четырёхлетняя Алёнка и двухлетний Димочка прилипли носами к иллюминаторам, делясь впечатлениями и открытиями. Алёнка даже «увидела» внизу бабушкин дом. Дима, конечно же, тоже «увидел» его, хоть и прилетел сюда первый раз.

И вот приземление... посадка...

Автобус из аэропорта остановился на соседней улице. Отсюда уже действительно была видна крыша бабушкиного дома. Дети, весело гомоня, бежали впереди. И вот, перебегая мостик возле одного из домов, Димочка от избытка чувств весело подпрыгнул и... свалился с мостика.

К бабушке с дедушкой вся компания заявила под громкий рёв внука, сидящего на руках у папы. Перемазанный глиной, со сбитыми в кровь коленками и локтями, внук представлял собой незабываемое зрелище. Сзади за компанию сочувственно всхлипывала Алёнка. Расстроенная мама с дорожными сумками замыкала это необычное шествие.

Конечно, раны были тут же обработаны, а любимые внучата обласканы и обцелованы. Немного успокоившись, все уселись за стол. Бабушкины пироги с молоком и фрукты из дедушкиного сада окончательно привели детей в отличное настроение. Чего тут только не было! И уже отошедшие, но специально сохранённые в погребе два сорта черешен, и абрикосы, и персики нескольких сортов: одни плоские как лепёшечки, другие мохнатенькие, как ежата, а третьи - большие, круглые с нежно-розовыми бочками. Их дедушка, любитель-садовод, на своих шести сотках выращивал настоящие

чудеса, даже дерево с огромными грецкими орехами росло возле ворот. И, конечно, всё, что можно, было тут же выставлено перед любимыми внуками, прилетевшими аж с Дальнего Востока. После такого разнообразия на обычные яблоки, груши, арбузы и дыни уже и смотреть не хотелось.

... Полтора месяца пролетели незаметно. Уже начал поспевать виноград, разные сорта которого увидели весь двор огромным зелёным шатром. А под этим шатром цвело множество ярких необычных бабушкиных цветов. Как же не хотелось уезжать из этого рая, от добрых и любящих глаз дедушки и бабушки, но отпуск родителей заканчивался, и пора было отправляться в Комсомольск-на-Амуре.

... Прошло три года. Всё это время дети взахлёб рассказывали всем желающим о том, как замечательно было у дедушки и бабушки на юге, вспоминали экзотические названия овощей и фруктов и вслух мечтали, как они опять полетят туда.

И вот это время настало. Автобус из аэропорта остановился на той же остановке. Дружная компания в том же составе, подхватив дорожные сумки и чемодан, двинулась к бабушки-дедушкиному дому. А на пути всё тот же злосчастный мостик. Димочка весело крикнул сестрёнке:

-Алёнка, а помнишь, как я подпрыгнул здесь вот так? - и он продемонстрировал тот же прыжок и... опять свалился с мостика, разбив в кровь коленки и локти.

А теперь представьте лица дедушки и бабушки, когда появление долгожданных гостей с мельчайшими подробностями повторило прошлый раз. Громко и обиженно рыдающий Дима с окровавленными коленками и локтями, следом всхлипывающая от жалости сестрёнка

и совершенно обескураженные и растерянные родители.

Но, как и в прошлый раз, это была единственная досадная неприятность поездки. А отдых опять удался на славу! Но в следующие свои прилёты Димочка с Алёнкой этот коварный мостик на всякий случай уже обходили стороной.

4.06.11

Спасатели

В комнату вбежал взволнованный шестилетний внук Сашка:

- Деда, деда, у вас на кухне кто-то в стенке скребётся и пищит.

- Что ты выдумываешь!

- Правда, правда! Пойдём, послушаем!

Дедушка, с увлечением смотревший футбольный матч, нехотя поднялся с дивана и пошёл следом за внуком на кухню.

Прислушались... Сначала было тихо, но потом действительно за вентиляционной решёткой послышалась какая-то возня и поскрёбывание. И вдруг совершенно отчётливо донеслось: «Чик! Чирик!».

-Слышишь? Слышишь? Деда, там, наверное, воробышек застрял.

- Да что ему там делать? Дом девятиэтажный, а у нас седьмой этаж. Как же он мог там очутиться?

Но Саша не слушал:

- Дедушка! Деда! Его надо спасти! Там так темно и страшно! Он погибнет в стенке!

Дедушка, конечно, уже догадался, что случилось. На крыше каждого многоэтажного дома находятся так называемые вентиляционные трубы, выходящие из стен домов. В студёное зимнее время на краях этих труб кучками сидят воробьи. Воздух-то из дома намного теплее, чем на улице, вот они и греются там. Видно, этот бедолага тоже решил погреться да задремал или друзья-товарищи нечаянно столкнули. Вот и упал он в эту трубу, растерялся да и падал два этажа, а на седьмом отчаянно вцепился коготками во что-то и не знает, что дальше делать. Труба узкая и тёмная - назад не выле-

теть, а падать вниз что-то не хочется. Вот и цепляется отчаянно, чирикает, зовёт кого-нибудь на помощь.

- Деда, деда! Скорей разбери стенку! Он ведь упадёт и разобьётся!

- Ну, знаешь ли, если я разберу стенку, то у нас и дом может рухнуть, всех нас тут же раздавит. Ладно, мы сделаем по-другому.

Дед достал инструменты и начал осторожно выковыривать вентиляционную решётку из стены. Услышав рядом посторонние звуки, воробышка примолк, но всё время слышалась возня, видимо, он изо всех сил старался удержаться, чтобы не провалиться вниз. Затаив дыхание, внук следил за действиями деда:

- А если ты не успеешь, и он упадёт? Что тогда?

- Не знаю...

- Может, сказать соседям снизу, чтобы они тоже выковыряли решётку? - чуть не со слезами спрашивал внук.

- Подожди, подожди с соседями. Да и вряд ли они нас поймут.

Дед осторожно достал решётку и сунул руку в отверстие. Воробей оказался немного ниже, и деду пришлось забраться повыше, чтобы засунуть руку подальше. Изловчившись, он всё-таки подхватил несчастную птаху и благополучно вытащил её.

-Держи, спасатель!

Дед осторожно переложил живой комочек в ладошки внука. Вдруг воробышек встрепенулся и, сердито пискнув, взлетел на кухонный шкаф. Минут десять он, жалкий и растрёпанный, сидел неподвижно, недовольно рассматривая собравшихся внизу домочадцев. Потом задорно чирикнул, расправил-пригладил пёрышки и...

полетел по комнатам. Все облегчённо вздохнули: жить будет.

Одевшись потеплее, дед и внук вышли на улицу. Дед торжественно передал недовольно чирикающего воробьишку внуку. Тот распахнул ладошки и дрожащим голосом сказал:

-Лети, глупенький!

Потом повернулся к деду:

- Деда, а мы с тобой спасатели, да?

- Наверное, - ответил дед, думая о том, что футбольный матч давно закончился, а он даже счёта не знает. А теперь ещё надо раствор разводить, заделывать вентиляционную решётку, забеливать стенку. Внук немного помолчал и продолжил свою мысль:

- Мы спасатели, потому что его спасали. Но мы ведь его спасли, значит, мы и его спасители.

- Хм, получается, что так, - удивлённо хмыкнул дед и ласково поглядел на внука.

6. 06.11

Кошка Таёжка

Кошка эта на своё имя не отзывалась и никак не реагировала, но вся деревня от мала до велика называла её только так: Таёжка. И не удивительно, ведь это была особенная кошка, все в деревне знали её, можно сказать, «в лицо». А привёз её однажды из тайги Иван.

У каждой деревенской семьи в тайге с лета были заготовлены поленницы дров. Зимой, когда дрова дома заканчивались, хозяин запрягал лошадку и ехал на свою деляну, грузил дрова на телегу и вёз домой. Вот и Иван перед самым Новым Годом отправился за дровами. Он уже закончил погрузку, как вдруг услышал какой-то странный негромкий хрипящий звук. Иван удивился. Всю жизнь проживший в глухой таёжной деревушке, хорошо знавший и тайгу, и её обитателей, он не мог понять, что же это за звук. Иван осмотрелся по сторонам и вдруг увидел на нижней ветке ближайшего дерева какой-то серый комочек, издававший эти звуки. Удивлённый и заинтригованный, он по сугробам добрался до дерева и увидел... кошку, обыкновенную серую домашнюю кошку. Шерсть на ней торчала клочками. Очень худая с разорванным ухом и половиной хвоста она представляла собой очень плачевное зрелище. Кошка издавала какие-то хриплые звуки, только отдалённо напоминающие мяуканье, и с отчаянной надеждой смотрела на человека.

- Ты откуда тут взялась? И как же ты выжила в такие-то морозы?

Иван осторожно снял животное с дерева и засунул себе за пазуху. Кошка не сопротивлялась. Мужик что есть сил погонял лошадку, прислушиваясь, что де-

лается там, за пазухой. Кошка не шевелилась, и порой ему казалось, что она уже и не дышит.

- Что-то быстро ты вернулся, - удивилась жена Алёна.

- Да вот пришлось поторопиться. Смотрите-ка, что я вам привёз, - обратился он к окружившим его ребяташкам и засунул руку за пазуху.

- Там лисичка, да?

- Нет, зайчик, зайчик!

Отец осторожно вытащил кошку и опустил её на пол. Она тут же выгнула спину дугой, подняла трубой половинку хвоста, деловито огляделась и вдруг сердито захрипела, зашипела, зафыркала на обступивших её домочадцев. Дети испуганно отпрянули, а кошка не обращая больше ни на кого внимания, не спеша обошла весь дом, обнюхала все углы, подошла к плошке с молоком, заботливо налитым хозяйкой, вылакала его и прыгнула на лавку у окна. Так она определила своё место в доме. И уже никому никогда не уступала его по доброй воле. Даже если кто-то пытался согнать её оттуда, она шипела, хрипела, фыркала, даже отбивалась лапами, но место было её. Кошку пытались посадить на тёплую печь, предлагали ей уютную корзинку, выстланную куском овчины, бесполезно! А ещё она никогда и никому не позволяла не только погладить, но даже просто дотронуться до себя. Вот такая своенравная оказалась кошка. Единственный человек в доме, кого она как-то выделяла и отличала, была Алёна. Ведь каждое утро и вечер именно она наполняла парным молоком кошачью плошку. Иногда (видно в знак благодарности) кошка приносила в дом пойманную крысу или мышь, молча опускала её у ног перепуганной хозяйки и не спеша удалялась.

Вот из-за своего неуступчивого дикого нрава и получила она эту кличку: Таёжка. Таёжка никогда не мяукала, видно жизнь в зимней сибирской тайге навсегда лишила её голоса. Но зато хрипела, шипела и фыркала она так выразительно и непримиримо, что даже дети скоро оставили её в покое. Так и жила она в доме сама по себе. В тёплое время года могла исчезнуть на день-два, а то и на целую неделю. При этом люди рассказывали, что видели, как она пробирается через поле к ближайшему лесу. Она была отличной охотницей. Быстро навела порядок на хозяйском дворе, а затем и в соседские дворы стала заходить, а возвращалась всегда с добычей. Надо сказать, что окрестные коты и кошки опасливо обходили её стороной.

Было у неё в доме и ещё одно любимое место. Летом, когда окно открывали, она целыми днями могла лежать на подоконнике и наблюдать за тем, что делается на улице. Если появлялась свора деревенских собак, что бывало довольно часто, да они ещё и свалку затевали, она вся напружинивалась, замирала и вдруг... срывалась с подоконника и бросалась в самую гущу свалки. Поднимая пыль, живой клубок катался по дороге... Шум, гам, рычание, скулёж... Но вскоре клубок распался и собаки с визгом разбежались во все стороны, а на дороге оставалась одна Таёжка, часто окровавленная, с новыми боевыми ранами, но всегда гордая и непобеждённая. Навести порядок в собачьей своре - это было самое любимое её занятие. Вот такая, самостоятельная, отчаянная и неприступная, прожила она в доме несколько лет. Но однажды, уйдя в лес, больше не вернулась...

8.06.11

Всё может быть...

(фантастика)

Пашка ехал к бабушке. Почти пустой автобус резво катил по заснеженным улицам. Пашка сидел на переднем сиденье, смотрел в окно и вспоминал космический боевик, который показывали вчера по телеку.

- А здорово он их! Бах! Бах! А этот как замаскировался! Никто бы в жизнь не догадался, что он инопланетянин!

Потом Пашкины мысли приняли другое направление:

- А ведь может так быть, что инопланетяне и вправду существуют. Может, даже в этом автобусе едет один из таких типов, читает наши мысли и, вообще, проводит инопланетную разведку...

Пашка даже поёжился от такого предположения и потихоньку осмотрел едущих в автобусе. Прямо напротив него молодая мамаша успокаивала капризничającego малыша лет двух, которому очень хотелось одновременно смотреть в окно и взобраться на спинку сиденья. Чуть подальше два пенсионера увлеченно обсуждали дачные и пенсионные проблемы. Где-то посередине автобуса дремала худенькая аккуратная бабуся. Кондукторша копалась в своей сумке, видно, подсчитывала выручку...

- Придут же такие глупости в голову. Инопланетяне, ха-ха! - Пашка облегченно вздохнул и уставился в окно... А вот и его остановка...

...Когда Пашка выходил из автобуса, то вдруг услышал, как вслед ему несколько голосов, мужских, женских и даже звонкий детский, громко произнесли:

- Всё может быть...

15.12.2000

Топушка

(сказка)

В густом-густом дремучем лесу жил огромный старый медведь. Жил он не один, а со своим внуком, веселым непоседливым медвежонком Топушкой.

Вот однажды Топушка и говорит:

- Дедушка, отпусти ты меня в лес погулять, медку поискать, малинкой полакомиться.

- Иди, внучек, да смотри, не опоздай к обеду ...

Вот идет Топушка по лесу, шагает, песни напевает. Вдруг слышит:

- Ой, ой, спасите! Ой, ой, помогите!

Осмотрелся Топушка и видит: злой хорек подбегает к маленькому птичьему гнездышку. Птенцы в гнездышке от страха клювики пооткрывали и испуганно пищат:

- Ой, ой, кто нам поможет? Ой, ой, кто нас спасет?

- Я вам помогу! Я вас спасу! - крикнул Топушка, подбегая к дереву. Но хорек не стал дожидаться медвежонка, тут же юркнул с дерева и был таков.

Обрадовались птенчики, запищали:

- Спасибо тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Пошел Топушка дальше, шагает, песни напевает.

Вдруг слышит, опять кто-то на помощь зовет:

- Ой, ой, спасите! Ой, ой, помогите!

Осмотрелся Топушка по сторонам и видит: сидит под деревом маленький бельчонок, дрожит от страха. Видно, из дупла выпал, а забраться назад не может, маленький очень. А из-за кустов уже лиса-плутовка выглядывает, облизывается. У бельчонка от страха шерстка дыбом поднялась и пищит он, что есть мочи:

- Ой, ой, кто мне поможет? Ой, ой, кто меня спасет?

- Я тебе помогу! Я тебя спасу! - сказал Топушка и прогнал лису, а бельчонка в дупло посадил. Тут и мама-белочка прибежала:

- Спасибо тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Идет медвежонок дальше, шагает, песни напевает. Вдруг, что такое? Опять кто-то на помощь зовет. Видит Топушка, что сидит на пеньке зайчонок и горько-горько плачет.

Спрашивает его Топушка:

- Ты чего плачешь?

- Как же мне не плакать? - отвечает зайчонок. - Не послушался я папу, не послушался я маму, убежал один из дома, да и заблудился. Что теперь со мной будет? Кто мне поможет? Кто меня спасет?

- Ладно, не плачь! - говорит медвежонок. - Я тебе помогу. Знаю я, где ты живешь.

Взял Топушка зайчонка и отнес его к заячьему домику.

Ох, как обрадовались папа с мамой:

- Спасибо, тебе, Топушка! Доброе у тебя сердце!

Хотел медвежонок дальше идти, да пора домой возвращаться, обедать пора. Так и не покушал он медку, малинкой не полакомился. Но делать нечего, ведь обещал дедушке к обеду вернуться. Пошел Топушка назад.

Подходит к дому, а у ворот его дед встречает:

- Иди, внучек, я тут тебе корзину малины припас, да туесок меду.

- Ой, дедушка, а откуда ты знаешь, что не покушал я ни медку, ни малинки?

- Да уж знаю! - ласково заворчал дед. - Тут со-
рока прилетала, всё мне рассказала: и как ты хорька
прогнал, и как бельчонка спас, и как зайчонку помог. Вот
я и приготовил тебе гостинец!

- Спасибо тебе, дедушка! Доброе у тебя сердце!
Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец.

1990 г.

Эти забавные буквы

(юморески)

Печальные приключения поселкового Пинкертона

Признанный поселковый Пинкертона Паша Пеночкин, прикрываясь полами поношенного прорезиненного плаща, поспешно прогуливался по промокшему причалу, пытаясь прикинуться просто прохожим. Погромыхивало, посверкивало... Поднебесные потоки противно хлопывали по протертому пегому плащу. Порядком поношенные полуботинки почему-то предательски похлопывали...

Подошел переполненный паром. Первым по проходу, придерживая портфель, прошествовал представительный поселковый почтальон. Приземистый помощник почтальона пронес посылки, прибывшие паромом. Потом, привычно пихаясь, проталкиваясь, почти пробежали прочие пассажиры, прикрываясь полиэтиленовыми пакетами, папками, пиджаками, пытаясь побыстрее покинуть потемневшую промокшую палубу. Пижонистый

парикмахер предусмотрительно покинул палубу последним. Патлатая прическа прибывшего проходимца почему-то подозрительно посветлела. Понятно! Перекрасился подлый пьянчужка! Подгримировался!

Подобная предосторожность парикмахера приятно позабавила повеселевшего Пашу. Полюбуйтесь! Пустоголовый паяц пытается перехитрить Пашу Пеночкина! Парнишка просто перегрелся! Примитивная попытка потерпела полнейший провал! "Прежде поменяй памперсы, пацан! Потом поговорим!"... - презрительно подумал порядком промокший, продрогший, проголодавшийся Пинкертон, преследуя приметное палевое пальто предполагаемого преступника...

Парикмахер попал под подозрение позавчера... Позавчера Павел Пеночкин, проходя по полутемному переулку, почему-то поскользнулся. Почти падающего Пашу предупредительно подхватил проходивший поблизости парикмахер.

- Поосторожнее, паря, пятки поломаешь, - приветливо пробормотал паренек.

- Помолчи, пижон! - пробурчал Паша, пятерней потирая пришибленное плечо. Приветливость паренька показалась подозрительной. Пеночкин привычно призадумался: "Поддержал... Помог... Просто помог?!..."

Почему-то подобное предположение показалось предельно примитивным. Поселковый Пинкертон приободрился. Почему парикмахер пытался показаться приятным предупредительным помощником? Похоже, показной помощью просто прикрывал преступные противозаконные планы. Придется проследить предприимчивого пройдоху.

Потому-то предусмотрительный патриот-правдолюбец Павел Пеночкин, прикидываясь посторон-

ним проходим, потихоньку пошел по пятам подозрительного парикмахера. Путь преградил покосившийся, покинутый продавцами павильончик. Подойдя, пижон постучал, похоже, привычным перестуком. Послышалось пьяное пение, потом произнесли:

- Привет, партнер! Проходи, присоединяйся!

- Понятно, пароль, - подумал притаившийся Паша. - Посмотрим... Послушаем...

Подойдя поближе, Пеночкин принялся. Подозрительно пахло пивом. Почему пивом? Последние припасы подобного питья поселок прикончил прошлой пятницей.

Пока Паша переваривал подробности происшедшего, подозрительный парикмахер пропал. Первоначальные предположения полностью подтвердились. Полусгнивший павильончик, протяжно поскрипывая, прятал преступников.

Пришлось подкрасться поближе. Предусмотрительно притаившись, Паша привычно прислушался. Прятавшиеся под покровом павильончика преступники приветствовали парикмахера, посмеивались, приглушенно переговаривались, потом почему-то произнесли:

-Понедельник... Последний паром... Поездка...

Приободрившийся Паша попятился, пронизательно поняв: послезавтра парикмахер, претворяя преступные планы подельников, поедет последним паромом. Паша призадумался: похоже, придется пожертвовать понедельником. Провидение предоставляет Паше попытку предотвратить потайное подлое преступление. Пожалуй, подобный подвиг по плечу преданному борнику правды, постоянному помощнику правосудия...

Потому-то прибытие припоздавшего парома, потом появление перекрасившегося парикмахера приятно

порадовали приунывшего, промокшего, порядком продрогшего Пинкертона. Первоначальная Пашина проницательность принесла плоды. Подозрение полностью подтвердилось. Парикмахер приехал по предварительно предусмотренному плану. Преступление продолжается. Попался, подлый пройдоха, презренный плут! Простой положительный парень Павел Пеночкин поможет правосудию, пресечет преступные поползновения подобных пижонов!

Привычно прихрамывая, Паша победоносно подошел поближе... Потом, присмотревшись получше, почему-то побледнел, почувствовав паническую печаль. Перед Пеночкиным прошествовала пожилая представительница прекрасного пола, первоначально показавшаяся полуслепому преследователю подлым преступным парикмахером.

"Провал! Позорный провал! Повезло пижону!" - печально подумалось приунывшему Пинкертому.

Паша привычно погрузился, подробно проанализировал появившееся препятствие, потом, подумав, приободрился: "Пойду просушусь, побреюсь, подштопаю прохудившиеся перчатки, позавтракаю. Пускай переменчивое провидение пока помогает преступникам. Паша привык получать подобные подарки! Паша подождет! Пусть порадуются, презренные! Пусть... Потом придет праздник Павла Петровича Пеночкина! Плащ подсохнет, продолжение последует. Правда победит!»

1986 г.

Пришельцы

Платон Петрович Пузырьков проснулся под переливчатое пение поселковых петухов. «Пожалуй, пора подниматься», - позёвывая, подумал Платон. Присел, пригладил пятернёй порядком поредевшую причёску. Посмеиваясь, пощекотал приоткрытую пятку похрапывающей Полины. Полина, продолжая похрапывать, привычно пнула Платошу, пробормотав:

- Прекрати, придурок.

Платон поднялся, постоял, по-прежнему похихикавая. Потом, прихватив пачку папирос, пошёл покурить. Предутренняя прохлада приятно подбадривала, прогоняя последнюю полудрёму. Прикурив папироску, Платон прислушался. Предраассветная полутьма почему-то подозрительно постукивала, попискивала, почти подвывала, перебивая петушиное пение. Присмотревшись попристальнее, Пузырьков протяжно присвистнул.

Прежде пустынное, перепаханное поле позади посёлка поразительно преобразилось. Прямо перед приунывшим Платоном поднимался прямоугольный пилон, подсвеченный потайными прожекторами.

- Похоже, повторяется прошлогоднее приключение, - поморщившись, подумал приунывший Платоша.

Пока Платон Петрович панически переживал происходящее, правая панель пилона приоткрылась. Появился плосколицый представительный Первый пришелец. Панель приоткрылась пошире. Показались пятеро попутчиков - провожатые Первого.

Паралитически переступая прошипованными подошвами, Первый пересёк поле, подошёл поближе, причудливо перебирая пальцами, похоже, пытаясь пояснить причину поспешного приземления. Платоша по-

дозрительно принохался. Пахло примитивным перега-ром.

- Предположение полностью подтверждается. Понятно, почему прервался полёт, - презрительно подумал погрустневший Пузырьков, - подзаправиться присели. Подавай, Платоша, птичкам перелётным первачок, пока просят пристойно. Пойдут потрошить припасы - получится премного паскуднее. Повಾದились, подлые побирушки! Подумаешь, покорители пространства!

Пришельцы приближались. Почувствовав личный перевес, Платон притворно приветливо присел перед посапывающим предводителем, приниженно попросил:

- Пожалуйста, потише! Перебудите посёлок.

Потом, поспешно пятясь, приглашающее пома-хивая пятернёй, попутно принялся панически подсчиты-вать подробности предстоящих потерь. Первый провор-но подошёл поближе, предвкушая предстоящую попой-ку. Попробовав питиё, предложенное Платошей, пред-водитель пришельцев, плотоядно причмокивая, покров-ительственно провозгласил:

- Прекрасное продолжение полёта. Процесс про-верки первой партии пошёл. Приступаем!

Правильно предполагал переполошенный Платон: последовавшее потом пиршество повлекло прене-приятнейшие последствия. Пока прочие пришельцы, перечекавшись, пригубливали предложенный прекрас-ный первачок, приправленный перцем (пусть почихают, папуасы перепончатые!), порядком принявший Первый, поверженный пагубным пристрастием, прилёг передох-нуть подле палисадника. Подозрительно протрезвевшие попутчики переглянулись, перемигнулись, потихоньку посоветовавшись, подозвали Пузырькова.

- Пусть пока проспится. Потом прилетит попуткой, - приглушённо предложил Пятый, панибратски хлопав Платошу по плечу.

- Прилетит, прилетит, - подобострастно пяясь, пытаюсь поскорее прекратить переговоры, прошепелявил плюгавый Последний. - Прощай, Платошенька! Попробуешь помешать, придётся применить парализатор.

Прочие, понимающе поддакивая, проворно покинули пирушку.

- Перехитрили, подонки, подлые проходимцы, перевёртыши проклятые! - потерянно подумал Платон Петрович. - Подкинули постояльца... Придётся приютить... Полинка прознает - прибьёт...

Парабола полёта прочертила предутреннее поднебесье. Покинув планету, «пилон» пришельцев, пересчитывая парсеки пространства, помчался прочь.

... Пузырьков проснулся после полудня. Полежал, потрясенно припоминая подробности происшедшего, потом, приободрившись, подумал: «Пронесло! Придется подобная передряга, пшик. Потом полдня переживаешь попусту. Похоже, прилично перепил позавчера. Права Полинка: пора, пора пить поменьше... Пойти похмелиться?»

Платон проворно поднялся. Потом, побледнев, перекрестился, потерянно присел, потирая переносицу, Под припечком, прямо перед поникшим Платошей, посапывал почему-то перевязанный Полинкиным передником, прикрытый потёртым полосатым половичком пилигрим пространства, предательски покинутый подлыми попутчиками. Плотно прижав перину пальцами, Платон переполошенно повторял:

- Привидение! Пропади! Пропади!

Подпечное привидение просто проигнорировало пламенную просьбу Пузырькова. Потянувшись, почесав признаки переносицы, потом - пародийное подобие причёски, пришелец-путешественник приподнял подбровные плёнки, потешно поморщился.

- Пи-и-ть...- повелительно простонал предводитель. - Платошка, принеси пивка похолоднее...

Пытаясь присесть попряме, пришелец презрительно прошипел:

- Предводитель под примитивной печкой! Позор! Просто позор! Поскорее пошевеливайся, пугало приземлённое!

Побелевший Платон Петрович перепугано подскочил, пошатнулся... Покачнулся.... Пол предательски поплыл под подошвами...

- Полинка! Помоги! Помираю, - простонал побалтанный Платоша, плавно падая подле пыхтящего пришельца... Попытался привстать... Потом притих...

Полуночное приключение продолжалось...

31.10.05

Особые обстоятельства

Однажды областной ответработник Осип Осипович Опокин, отлично отдохнув от обширных ответственных обязанностей, окрыленный оказанной обходительностью, отъехал от огромного особняка Олимпиады Остаповны.

Обласканная, одаренная очаровательными обновами, обворожительная Олимпущка охотно оказывала особое отношение осанистому, обладающему определенным обаянием Опокину. Отобедавав отличными отбивными, ободренный огненными очами обольстительной озорницы, Осип Осипович окончательно определил: обитательница обширного особняка определенно обожает обстоятельного, облеченного ответственностью опекуна, ограждающего одинокую, очаровательную Офелию от обстоятельств, обескураживающих обидной обыденностью. Ощущая отличную обивку, Опокин отдыхал от обильного обеда...

Однако, отчего-то оглянувшись, Осип Осипович опешил.

- Ого, Олег! Откуда он объявился, овечье отродье? - озабоченно охнул основательно озадаченный Опокин...

Осторожно обогнув особняк, Олег опасливо остановился около открытого окна Олимпиадиной опочивальни. Ого! Осмотрев окрестности, окончательно обнаглевший оболтус отодвинул оконную окаемку... Отобедавшая Олимпиада, отправив обожаемого Осю, очевидно, отдыхала, отстраняясь от обыденных околохозяйственных обязанностей...

- Олимпиада Остаповна! Отзовитесь! - охваченный опасным огнем, осторожно окликнул Олег.

- Опять объявился! Ох, озорник! Ох, обольститель окаянный! - обворожительно окая, охотно отозвалась Олимпиада. - Остынь, охальник!...

Однако опомнившийся, очень обескураженный, Осип Осипович, охрипнув от очевидного оскорбления, оборвал опасные откровения обомлевшего Олега:

- Остолоп! Обалдуй! Образина! Отойди от окна, осел остриженный!

...Опокин оттащил ошарашенного Олега от окна обмершей Олимпиады. Окончательно озверев, оскорбленный опекун оглядывался окрест, отыскивая отсутствующую оглоблю. Опасная обстановка окончательно обострилась. Опешивший облаянный Олег, окосев от обиды, онемев от обвинений, обдумывал оправдание, осторожно отступая от озлобленного, очень обиженного, обескураженного очевидным обманом Опокина.

Опомнившаяся Олимпиада осторожно оглядывалась, оценивая обстановку. Обиженно охая, она отчаянно окликнула обезумевшего Опокина:

- Охолонитесь, Осип Осипович! Откажитесь от огульных опрометчивых обвинений! Отпустите Олега!

Оскорбленно опустив очи, она обессиленно облокотилась, открывая очаровательные округлости. Отрешенно правляя обмятые оборочки, обиженная Олимпиада объяснила:

- Осип Осипович! Остановите очернительные оскорбления! Особые обстоятельства однозначно оправдывают остановку означенного отрока около открытого окна. Оказывается, один оболтус, обознавшись, очень обидел Олега, обозвав облезлой обезьяной. Оскорбленный Олег основательно отлупил обнаглевшего обидчика. Однако, отлупленный открыто обещал обязательно оскальпировать Олега. Оценив открывшиеся об-

стоятельства, Олег очень опасается отмщения. Осип Осипович, окажите особое отношение, оградите обиженного от осиною отродья!

Очаровательная околесица, озвученная очень опечаленной Олимпиадой, окончательно оправдала ошибочно оклеветанного Олега. Ослабив обличающие обертоны, отечески обняв обалдевшего Олега, Осип Осипович обещал:

- Оградить? Очень охотно. Однако обеспечь определенную оплату.

Он одобрительно осмотрел остолбеневшего Олега.

- Оплату? Оплату обеспечу обязательно! - обласканный отрок обалдело оглядывался окрест, ожидая оглашения очевидной ошибки.

Однако, окончательно остыв, Осип Осипович опять отъехал от особняка.

Олимпиада Остаповна осторожно открыла остальные окна, оглядывая окрестности.

- Опасность огласки отступила окончательно! - объявил обрадованный Олег, обнимая отчего-то оробевшую, обалденно очаровательную обманщицу Олимушку.

1985г.

Содержание

24.05.04	Г. Н. Хлебников.	3
	Замечания о творчестве Антонины Кухтиной....	
31.05.10	Братья (маленькая повесть)	6
	1 Ирина.....	6
	2. Подарок судьбы.....	8
	3. Бабушка.....	10
	4 Семья.....	11
	5. Эхо прошлого.....	18
	6. А время бежит.....	20
	7. Авария.....	21
	8. Странная женщина.....	23
	9. Окончание.....	25
	Рассказы.....	26
7.05.04	Поцелуй.....	26
6.07.03	Одна жизнь.....	31
9.05.04	Улика	39
25.07.03	Прости, сынок.....	43
11.05.04	Вражда	48
16.08.04	Валюшка.....	52
5.05.04	Выбор	57
9.12.06	Пожар	63
19.02.07	Жестокость или милосердие?.....	67
17.12.08	Светочка	73
1997 год	Мерзавец.....	82
08.07	Землянка.....	84
11.07	Смерть Сталина.....	87
09.07	Взрыв.....	89
16.09.05	Тройчата (<i>быль времён Гражданской войны</i>)	91

03.98	Илюха (<i>быль времён Гражданской войны</i>).....	94
2005 год	После Великой Отечественной (<i>воспоминания</i>)..	96
	1. Очередь за хлебом.....	96
	2. Инвалиды.....	99
2003 год	Афганистан (<i>документальный рассказ в письмах</i>)	102
28.06.06	Экскурсия В прошлое (<i>почти автобиография</i>)	116
	1. Боготол.....	116
	2. Хозяйство.....	118
	3. Дом.....	123
	4. Экскурсия в прошлое.....	127
2007год	Небольшие истории о стихах	135
	1. Синяя тетрадь.....	135
	2. «Гроза».....	136
	3. «Цыганка».....	137
	4. Праздник.....	138
	5. Гаврилиады.....	139
	 Рассказы для детей	 142
1997 год	История с медведем.....	142
1.06.11	Коварная щука.....	144
4.06.11	Повторенье - мать ученья.....	146
6.06.11	Спасатели.....	149
8.06.11	Кошка Таёжка.....	152
15.12.00	Всё может быть. . . (<i>фантастика</i>).....	155
1990 год	Топушка (<i>сказка</i>).....	156
	 Эти забавные буквы (<i>юморески</i>)	 159
1986 год	1. Печальные приключения поселкового Пинкертона	159
31.10.05	2. Пришельцы.....	163
1985 год	3. Особые обстоятельства.....	167
	 Содержание	 170

*Авторские права охраняются законом Российской Федерации об авторском праве.
Воспроизведение всего сборника или его части запрещается без письменного разрешения автора или его правопреемников.*

АНТОНИНА КУХТИНА

ЖИЛИ БЫЛИ

Проза (1985-2011 гг)

Литературные редакторы:

Ионова В. П., Щербакова О. Е.

Рецензент

Хлебников Г. Н.

Компьютерный набор,
составление, оформление и вёрстка ***автора***

Тираж 100 экз.

***Комсомольск-на-Амуре
2011 г.***